

БИБЛИОТЕКА ГВА



серия
ПРАВО

Фредерик БАСТИА

ГРАБЕЖ ПО ЗАКОНУ

 **социум**

УДК 34
ББК 67.3
Б27

Перевод с английского С. А. Николаева и А. В. Фильчука

«Библиотека ГВЛ» — совместный проект
издательства «Социум» и Фонда либеральных программ
«Свободный Мир»

Данное издание выпущено в свет в рамках программы
«Либеральная хартия» Фонда либеральных программ
«Свободный Мир»

Бастиа Ф.

Б27 **Грабеж по закону** / Фредерик Бастиа; пер. с англ. -
Челябинск: Социум. 2006. 272 с. (Серия: «Библиотека
ГВЛ: Право»)

ISBN 5-901901-47-9

УДК 34
ББК 67.3

ISBN 5-901901 -47-9

© С. А. Николаев, перевод, 1999
© ООО «Социум», перевод,
оформление, 2006

Оглавление

Введение.....	IV
Закон	1
Собственность и Закон	85
Собственность и Грабеж	118
Грабеж и Закон	192
Физиология Грабежа.....	214
Грабеж под видом субсидий	243
Сборщик налогов.....	256

Введение

Впервые я прочитал классическое произведение Бастиа «Закон», когда мне было уже 40 лет. Некто, кому я буду благодарен до конца жизни, прислал мне по почте незаказанный экземпляр этой книжки. Прочитав ее, я пришел к глубокому убеждению, что без знакомства с идеями Бастиа гуманитарное образование остается неполным. Чтение Бастиа заставило меня остро ощутить, как много времени потеряно зря, почувствовать разочарование от слепого блуждания из одного тупика в другой в попытках как-то систематизировать свои размышления о философии жизни. «Закон» не столько произвел переворот в моих философских взглядах, сколько привел в порядок мои представления о свободе и человеческом поведении.

Множество философов внесли важный вклад в развитие идей свободы, в том числе и Бастиа. Но самая главная заслуга Бастиа заключается в том, что он вывел обсуждение из тиши ученых кабинетов и сформулировал идеи свободы с такой кристальной ясностью, что они стали доступны даже неграмотным и ни один эстетист не способен их запутать. Чтобы убедить людей в моральном превосходстве личной свободы, ясность аргументации имеет решающее значение.

Как и многие другие авторы, Бастиа признавал, что главнейшая угроза для свободы исходит от государства. Обратите внимание, с какой кристальной ясностью Бастиа распознает и понимает такие губительные действия государства, как узаконенный грабеж: «Смотри, когда закон

отбирает у людей то, что им принадлежит, и отдает другим, которым это не принадлежит. Смотри, когда закон благоволит одному гражданину за счет другого, делая то, чего сам гражданин сделать не может, не совершая преступления». Имея в своем распоряжении столь точное описание узаконенного грабежа, невозможно отрицать, что большая часть того, чем занимается правительство, в том числе и наше, представляет собой узаконенный грабеж, или говоря современным языком, легитимное воровство.

Фредерик Бастиа вполне мог оказаться в числе людей, подписавших Декларацию независимости США. Представления последних о свободе и надлежащей роли правительства нашли выражение в бессмертных словах: «Мы исходим из той самоочевидной истины, что все люди созданы равными и наделены их Творцом определенными неотчуждаемыми правами, к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью. Для обеспечения этих прав людьми учреждаются правительства...» Бастиа пишет почти то же самое: «Жизнь, способности, производство — иными словами, индивидуальность, свобода, собственность — это Человек; и несмотря на хитрость ловких политических лидеров, эти три Божьих дара предшествуют всему законоуложению человечества и стоят превыше него». Бастиа видит смысл существования правительства в том же, что и отцы-основатели США: «Жизнь, свобода и собственность существуют не оттого, что люди придумали законы. Наоборот, существование жизни, свободы и собственности уже было свершившимся фактом, что заставило людей отвести законам первое место». Никому не удалось лучше сформулировать концепцию

Уолтер Уильямс

естественных, или данных Богом, прав, чем это сделали авторы Декларации независимости США и «Закона».

Надежды на свободу Бастиа связывал с США: «Взгляните на Соединенные Штаты. Нет на свете страны, где больше отводится закону его надлежащая область: защита свободы и собственности каждого. Вследствие этого не видно в мире страны, где общественный порядок покоился бы на более прочном фундаменте». В 1850 г. Бастиа отметил две области, в которых Соединенные Штаты оказались не на высоте: «Рабство — это насилие закона над свободой. Протекционистские пошлины — это насилие закона над собственностью».

Живи Бастиа сегодня, он был бы разочарован тем, что мы не сумели удержать закон в приличествующих ему рамках. В течение полутора столетий мы напринимали более 50 000 законов. Большинство из них позволяет государству применять насилие в отношении людей, которые не применяли насилие к другим. Эти законы простираются от запрета на курение в частных заведениях и обязательных «взносов» в систему социального страхования до законов о минимальной заработной плате и лицензирования различных видов деятельности. Во всех случаях, тот, кто решится востребовать обратно и защищать данное Богом право быть оставленным в покое, в конце концов обречен на смерть от рук нашего правительства.

Бастиа объясняет спрос на законы, ограничивающие мирный добровольный обмен и наказывающие желание быть оставленным в покое, стремлением социалистов исполнять роль Бога. Социалисты смотрят на людей как на сырье, которому необходимо придать форму для встраивания

в общественные комбинации. Для них, для элиты, «отношения между людьми и законодателем кажутся такими же, как между глиной и гончаром». Единственный раз в «Законе» Бастиа срывается, раздражаясь гневной тирадой в адрес людей, разделяющих эти представления, этих самозванных благодетелей и потенциальных правителей человечества: «Ах вы, жалкие созданыя! Вы, считающие себя столь великими! Вы, полагающие людей такими мелкими! Вы, желающие преобразовать всё! Отчего вы не преобразуете себя? Этой задачи было бы вполне достаточно».

Бастиа был оптимистом, полагая, что красноречивые аргументы в защиту свободу окажутся убедительными; однако история оказалась не на его стороне. История человечества представляет собой летопись систематических произвольных злоупотреблений и контроля со стороны элиты, действующей в частном порядке, посредством церкви, но главным образом посредством государства. Сотни миллионов несчастных были замучены до смерти прежде всего родным государством. Свободы, которыми обладала незначительная часть населения Земли (преимущественно в Западном мире) и только в течение очень короткого периода времени (последние два-три века), через двести-триста лет будущему историку будут казаться исторической аномалией, требующей объяснения. Этот историк также увидит, что эта странная аномалия оказалась временным явлением, а человечество вернулось к традиционному положению дел: произвольному контролю и злоупотреблениям.

К счастью, история доказывает ошибочность пессимистических оценок. Поблекшая респектабельность идей коммунизма и социализма во всемирном масштабе вселяет

Уолтер Уильямс

слабую надежду на лучшее. Еще один обнадеживающий знак: технологические новшества затрудняют государству сбор информации о гражданах и осуществление контроля за их действиями. Технологические нововведения, облегчающие доступ к информации, передачу сообщений и электронные денежные транзакции делают попытки государства контролировать действия людей более затратными, а порой вообще невозможными. Технологический прогресс ведет тому, что граждане мира смогут общаться и обмениваться друг с другом информацией, товарами и услугами, не испрашивая санкции или разрешения у государства, да и вообще не ставя его в известность.

Если говорить о перспективах свободы в США, то наиболее оптимистическая комбинация факторов выглядит следующим образом: крах коммунизма, развитие информационных технологий вкупе с мощными организациями, ориентированными на свободный рынок и пропагандирующими идеи Бастиа. На американцах лежит огромная ответственность. Если свобода умрет в США, то она обречена во всем остальном мире. Более широкое знакомство с ясными идеями Бастиа о свободе будет важным шагом в пробуждении угасшего духа свободы у наших сограждан-американцев.

Уолтер Уильямс

Закон

Закон извращен! И полицейская власть государства извращена вместе с ним. Закон, заявляю я, не только лишили его надлежащего предназначения, но и заставили следовать прямо противоположной цели!

Закон стал орудием всяческой алчности! Не сдерживающий преступности, а сам повинный во зле, закон подлежит каре!

Если это верно, то это серьезный факт, и мой нравственный долг требует от меня обратить на это внимание моих сограждан.

Жизнь — д Божий

Мы получили от Бога этот дар, включающий в себя и все остальное. Этот дар — жизнь, жизнь физическая, интеллектуальная и нравственная.

Но жизнь не может поддерживаться сама по себе. Творец жизни возложил на нас ответственность за ее сохранение, развитие и совершенствование. Дабы мы могли исполнить это, Он обеспечил нас собранием чудодейственных способностей и ввел в гущу многообразных естественных ресурсов. Применяя наши способности к этим природным ресурсам, мы обращаем их в продукты и используем их. Этот процесс необходим для того, чтобы жизнь могла протекать своим предписанным путем.

Фредерик Бастиа

Жизнь, способности, производство — иными словами, индивидуальность, свобода, собственность — это Человек; и несмотря на хитрость ловких политических лидеров, эти три Божьих дара предшествуют всему законоуложению человечества и стоят превыше него.

Жизнь, свобода и собственность существуют не оттого, что люди придумали законы. , существование жизни, свободы и собственности уже было свершившимся , что заставило людей отвести законам первое место.

Что о такое Закон?

Что же такое тогда закон? Это коллективная организация права человека на законную самозащиту .

Каждый из нас имеет естественное право от Бога защищать свою личность, свою свободу и свою собственность. Это три основных жизненных требования, и сохранение любого из них целиком зависит от сохранения двух других.

Тогда что же такое наши способности, как не продолжение нашей индивидуальности? И что же такое собственность, как не продолжение наших способностей?

Если каждый человек имеет право оборонять — даже силой — свою особу, свободу и собственность, следовательно, группа людей имеет право организоваться для объединения усилий по постоянной защите

¹ [См. две последние страницы очерка «Грабеж и закон» в наст, изд. — *Прим, и ЗА.*]

этих прав. Таким образом, принцип коллективного права — причина его существования, его законность — основан на индивидуальном праве. А общая сила, которая защищает это коллективное право, не может иметь никакого иного логического предназначения или иной задачи, кроме той, в поддержку которой она выступает.

Итак, *поскольку один индивидуум не может законно применить силу против свободы или собственности другого индивидуума, то общая сила по той же причине не может применяться законно для уничтожения личности, свободы или собственности индивидуумов либо групп.* Такое извращение силы в обоих случаях противоречило бы нашим установкам.

Сила была дана нам для защиты наших индивидуальных прав. Кто посмеет сказать, что сила была дана нам для попраiania равных прав наших братьев? Так как ни один самостоятельно действующий индивидуум не может законным образом употреблять силу для нарушения чужих прав, то не следует ли из этого логически, что тот же самый принцип применим к общей силе, которая есть не что иное, как организованное сочетание индивидуальных сил?

Поэтому совершенно очевидно следующее. Закон — это организация естественного права на законную защиту. Это замещение индивидуальных сил общей силой. А эта общая сила призвана делать лишь то, что имеют естественное и законное право делать индивидуальные силы: защищать людей, свободы и

Фредерик Бастиа

собственность, поддерживать право каждого и порождать *справедливость*, которая должна царить надо всеми нами.

Справедливое и прочное правление

Если бы нация основывалась на этом фундаменте, то мне кажется, что среди людей преобладал бы порядок, как в мыслях, так и в поступках. Мне кажется, что такая нация имела бы наиболее простое, легко воспринимаемое, экономичное, ограниченное, недеспотическое, справедливое и прочное правление, какое только можно вообразить, какова бы ни была его политическая форма.

При таком правлении каждый понимал бы, что располагает как всеми привилегиями, так и ответственностью за их наличие. Никто не ссорился бы с правительством, так как любой человек был бы уверен в том, что его личность уважаема, его труд свободен, а плоды его труда защищены ото всяких несправедливых посягательств.

В случае успеха мы не благодарили бы государство за свой успех, и, напротив, при неудаче мы имели бы столько же оснований обвинять государство в своем несчастье, сколько есть у фермеров оснований винить его за град или стужу. Государство давало бы о себе знать только в связи с бесценным благом безопасности, ассоциируемым с таким представлением о правлении.

Можно утверждать, что при невмешательстве государства в частные дела наши замыслы и их исполнение развивались бы сами собой логическим путем.

Мы бы не встречали бедных семей, ищущих литературное образование и не имеющих прежде хлеба. Мы не встречали бы ни городов, заселенных за счет с ел, ни сел, заселенных за счет городов. Мы не увидели бы обширного перемещения капитала, труда и населения, вызванного законодательными решениями.

Источники нашего существования становятся ненадежными и сомнительными из-за этого перемещения по воле государства. К тому же эти действия налагают на государство большую ответственность.

Полное извращение закона

К сожалению, закон отнюдь не ограничивается присущими ему функциями. А выйдя за пределы надлежащих функций, он не просто поступает непоследовательно и спорно. Закон ушел дальше; он вступил в противостояние с собственным предназначением. Закон использовали для разрушения его же целей: его употребили для упразднения правосудия, которое полагалось поддерживать. Закон предоставил коллективную силу в распоряжение бессовестных, которые хотят без риска эксплуатировать чужую личность, свободу и собственность. Он *сделал грабеж правом с целью защиты грабежа и объявил законную самозащиту преступлением, дабы карать ее.*

Как было осуществлено это извращение закона? И каковы его результаты?

Закон извратили под влиянием двух совершенно разных причин: глупой жадности и ложной филантропии. Поговорим о первой.

Опасная тенденция

Самосохранение и саморазвитие — обычное стремление всех людей, и если бы все наслаждались неограниченным применением своих способностей и свободным размещением плодов своего труда, то социальный прогресс длился бы непрерывно, ненарушаемо и неизменно.

Но есть еще одна тенденция, свойственная людям. Когда это возможно, они стремятся жить и процветать за счет других. Это не бездумное обвинение, но это и не следствие мрачного и немилосердного духа.

В пользу этого свидетельствуют анналы истории: бесконечные войны, массовые переселения, религиозные гонения, всемирное рабство, нечестность в коммерции и монополии. Происхождение этой губительной страсти заключено в самой природе человека — в том первобытном, всеобщем и неукротимом инстинкте, толкающем его к удовлетворению желаний с наименее возможными неудобствами.

Процветание и грабеж

Человек может жить и удовлетворять свои потребности, лишь неустанно трудясь, неустанно применяя свои способности к естественным источникам. *этого и начинается процветание.*

Но верно также и то, что человек может жить и удовлетворять свои потребности, захватывая и потребляя продукты чужого труда. *этого и начинается грабеж.*

Ну а коль скоро человек имеет естественную склонность избегать неудобств, а труд как таковой

является неудобством, то люди будут прибегать к грабежу всякий раз, когда грабеж легче работы. История показывает это довольно ясно, и при таких условиях этого не в силах остановить ни религия, ни мораль.

Когда же прекращается грабеж? Он прекращается, когда становится более неудобным и опасным, чем труд.

В таком случае очевидно, что надлежащая цель закона — употребить мощь его коллективной силы для остановки этой роковой тенденции красть, а не работать. Закон призван всеми мерами защищать собственность и карать хищения.

Однако, как правило, закон создается одним человеком или одним классом людей. А так как закон не может действовать без санкции и поддержки господствующей силы, то такая сила должна быть облечена доверием тех, кто творит законы.

Этот факт в сочетании с фатальной тенденцией, живущей в сердце человека для удовлетворения его желаний с наименьшими усилиями, и объясняет всемирное извращение закона. Таким образом, нетрудно понять, как закон, вместо того чтобы сдерживать несправедливость, становится неодолимым оружием несправедливости. Нетрудно понять, отчего закон используется законодателем для нарушения в той или иной степени среди остальных людей их личной независимости рабством, их свободы — репрессиями, а их собственности — грабежом. Это делается в пользу особы, творящей закон, и соразмерно власти, которой она обладает.

Жертвы узаконенного грабежа

Естественно, люди восстают против несправедливости, жертвами которой они становятся. Поэтому, когда грабеж организован законом в пользу тех, кто творит закон, все ограбляемые классы стараются — мирными или революционными средствами — как-то приобщиться к законотворчеству. В зависимости от просвещенности эти ограбляемые классы вольны поставить перед собой одну из двух совершенно разных целей при попытке достигнуть политической власти: либо остановить узаконенный грабеж, либо стать его участниками.

Горе нации, если среди массовых жертв узаконенного грабежа преобладает эта последняя цель, когда они в свою очередь овладевают властью, чтобы творить закон!

Пока этого не случилось, меньшинство практикует узаконенный грабеж по отношению к большинству: обычная практика, когда право участвовать в законотворчестве предоставлено лишь немногим лицам. Но затем участие в создании законов становится всеобщим, и тогда люди стремятся уравновесить свои конфликтующие интересы всеобщим грабежом. Вместо того чтобы выкорчевывать встречающуюся в обществе несправедливость, они делают эту несправедливость всеобщей. Как только ограбленные классы завоевывают политическую власть, они устанавливают систему репрессий против других классов. Они не упраздняют разрешенный законом грабеж (такая задача требовала бы большей, нежели их собственная, просвещенности). Напротив, они состязаются со сво-

ими несправедливыми предшественниками, участвуя в узаконенном грабеже, даже если это — против их собственных интересов.

Похоже, каждому человеку необходимо пережить жестокое возмездие до наступления царства справедливости — кому из-за собственной злобы, кому из-за недопонимания.

Результаты узаконенного грабежа

Ничто не сулит обществу большего зла и более крупных перемен, чем превращение закона в орудие грабежа.

Каковы последствия такого извращения? Для описания их всех потребовались бы целые тома. Поэтому нам придется довольствоваться выделением самых примечательных.

Прежде всего из сознания каждого вычеркивается разница между справедливостью и несправедливостью.

Никакое общество не может существовать без определенного почтения к законам. Самый надежный путь достичь уважения к законам — сделать их заслуживающими уважения. Когда закон и нравственность противоречат друг другу, то гражданин стоит перед суровой альтернативой: либо утратить свое нравственное чувство, либо расстаться с уважением к закону. Эти два вида зла одинаковы по своим последствиям, и человеку было бы трудно сделать выбор между ними.

Сущность закона — в поддержании справедливости. В том-то и дело, что в умах людей закон и справедливость суть одно и то же. Мы все сильно расположены

Фредерик Бастиа

поверить в то, что любая законная вещь еще и справедливо обоснована. Эта вера распространилась столь широко, что многие стали ошибочно полагать, что нечто «справедливо», потому что так говорит закон. Тогда для придания грабежу справедливого и священного облика в сознании множества людей закону необходимо лишь провозгласить и санкционировать его. Рабство, ограничения и монополия находят защитников не только среди тех, кому они выгодны, но и среди тех, кто от них страдает.

Участь нонконформистов

Если вас посетят сомнения в моральности этих институтов власти, то найдутся те, кто заявят, что «вы опасный новатор, утопист, теоретик, ведущий подрывную деятельность, вы можете поколебать устои, на которых покоится общество».

Если вы станете читать лекции по морали или по политической науке, то найдутся официальные организации, которые обратятся к правительству с таким умозаключением: «эту науку нельзя больше изучать только лишь с точки зрения свободы торговли (гражданской, справедливости), как это имело место до сих пор. Эту науку надлежит изучать только с точки зрения фактов и , регулирующих французскую промышленность (фактов и , противоречащих свободе, собственности и справедливости)», или «занимая финансируемые государством преподавательские , профессора

должны воздерживаться от того, чтобы хоть в малейшей степени ставить под угрозу уважение ныне действующему закону>Л

То есть раз существует закон, который санкционирует какие бы то ни было рабство или монополию, угнетение или разбой, то его не стоит даже упоминать. Ведь как же его упоминать, не нанося ущерба уважению, которое он внушает? Мораль и политическую экономию надо изучать с точки зрения этого закона, предполагая, что он должен быть справедлив просто оттого, что это — закон!

Другая особенность этого трагического извращения закона состоит в том, что оно придает преувеличенное значение политическим страстям и ссорам и политике в целом.

Я мог бы тысячью способов доказать это суждение. Но я ограничусь в целях иллюстрации предметом, в последнее время занявшим умы всех, — всеобщим избирательным правом.

А судьи кто?

Последователи философской школы Руссо, которые считают себя ушедшими далеко вперед, но которых я считаю отставшими на двадцать веков, здесь со мной не согласятся. Однако всеобщее избирательное право — если употреблять это понятие в самом строгом смысле — не является одной из тех священных догм,

¹ [Из материалов французского Генерального совета по промышленности, сельскому хозяйству и торговле (Session of May 6, 1850.). — Прим, к амер. изд.]

Фредерик Бастиа

проверять которые или сомневаться в них есть преступление. В самом деле, можно привести серьезные возражения против всеобщего избирательного права.

Прежде всего, в слове *всеобщее* таится вопиющее заблуждение. Например, во Франции 36 млн жителей. Тогда, чтобы избирательное право было всеобщим, должно быть 36 млн избирателей. Но и самый расширенный порядок допускает к голосованию лишь 9 млн. Исключаются трое из каждых четверых; и, более того, они исключаются четвертым. Этот четвертый выдвигает в качестве причины исключения принцип ограниченной правоспособности.

Всеобщее избирательное право, следовательно, подразумевает всеобщее право голоса для тех, кто правоспособен. Но остается вопрос: кто правоспособен? Относятся ли к неправопособным только малолетние, женщины, больные и взрослые, совершившие определенные преступления?

Почему право голосования ограничено

Более пристальное изучение этого предмета показывает нам мотив, по которому избирательное право основывается на предположении недостаточной правоспособности. Мотив состоит в том, что избиратель или голосующий осуществляет это право не ради одного себя, но и ради всех.

В этом отношении самая расширенная и самая ограниченная избирательные системы сходны. Они различны лишь в определении неправопособности. Здесь различие не в принципе, а именно в степени.

Если, как стараются показать республиканцы из наших нынешних греко-римских философских школ, право голоса дается при рождении, то со стороны взрослых было бы несправедливостью не допускать к голосованию также и детей. Отчего их не допускают? Оттого, что их заранее расценивают недееспособными. А почему недееспособность — мотив для исключения? Потому, что не один только голосующий переживает последствия своего голосования, потому, что всякое голосование затрагивает и волнует каждого в целой общности, потому, что члены общности имеют право требовать гарантий, относящихся к действиям, от которых зависит их благосостояние и существование.

Решение — в ограничении закона

Я знаю, что можно было бы сказать в ответ на это, какие возражения могли бы быть. Но здесь не место углубляться в такого рода полемику. Я склонен лишь отметить, что спор о всеобщем избирательном праве (равно как и большинство других политических вопросов), который подстрекает, возбуждает и губит народы, утратил бы почти все свое значение, будь закон всегда тем, чем должен быть.

В самом деле, будь закон ограничен защитой всяких персон, всяких свобод, всякой собственности, будь закон не более чем организованным соединением индивидуальных прав на самооборону, будь закон препятствием, проверкой, карательной силой против любого угнетения и грабежа, то неужели мы, граждане, стали бы спорить о масштабах права голоса?

Фредерик Бастиа

Неужели при этих обстоятельствах пределы права голоса ставили бы под угрозу высшее благо — общественное спокойствие? Неужели исключенные классы отказались бы смиренно ждать своего права голосовать? Неужели получившие такое право ревниво охраняли бы свою привилегию?

Когда бы закон был ограничен своими надлежащими функциями, у всех была бы равная заинтересованность в законе. Неужели не ясно, что в таком случае голосующие не могли бы причинить неудобства неголосующим ?

Пагубная идея узаконенного грабежа

Но, с другой стороны, вообразите, что этот роковой принцип введен: под предлогом организации, регулирования, покровительства или поощрения закон забирает собственность у одного человека и передает ее другому; закон забирает состояние всех и передает его немногим — фермерам ли, фабрикантам ли, судовладельцам ли, художникам или комедиантам. При этих условиях, согласно логике, каждый класс наверняка будет стремиться подмять закон.

Исключенные классы гневно потребуют свое право на голосование и скорее перевернут общество в случае, если не добьются этого права. Даже нищие и бродяги станут тогда доказывать вам, что они тоже имеют неоспоримое право голосовать. Они скажут вам:

— Мы не можем купить вина, табака или соли, не уплатив налога. А часть налога, который мы платим, дается законом — как привилегия или ссуда —

гем, кто богаче нас. Другие пользуются законом, чтобы поднять цены на хлеб, мясо, железо или одежду. Значит, так как каждый использует закон для собственной выгоды, то мы тоже хотели бы использовать закон к нашей выгоде. Мы требуем от закона *право на пособие*, т.е. на грабеж в пользу бедняков. Для получения этого права нам тоже следует стать избирателями, чтобы организовать широкомасштабную Нищету для своего собственного класса, как вы организовали широкомасштабный Протекционизм для вашего класса. Так что не рассказывайте нам, нищим, что вы будете действовать ради нас и бросите нам, словно кость, как предлагает г-н Мимерель¹, 600 000 франков, дабы нас утихомирить. У нас другие притязания. В любом случае, мы желаем договориться на свой счет, раз остальные классы договорились на свой!

И что возразить на этот довод!

*Извращенный закон вызывает
конфликты*

До тех пор, пока соглашаются с тем, что закон можно отклонить от его истинной цели и что он может применять насилие к собственности, вместо того чтобы ее

¹ [Пьер Огюст Реми Мимерель де Рубэ (Pierre Auguste Remi Mimerel de Roubaix) (1786—1872) — текстильный фабрикант и политик. Благодаря своей протекционистской активности, вызвавшей в 1848—1849 гг. отповедь со стороны Бастиа, Мимерель был назначен Наполеоном III членом Консультационного совета и Комиссии производителей. В 1849 г. избран депутатом, а в 1852 г. Наполеон назначил его сенатором. — *Прим. амер. персе.*]

Фредерик Бастиа

защищать, — до тех пор у всех будет желание участвовать в создании закона, чтобы либо оградить себя от хищений, либо использовать его для хищений. Политические вопросы всегда будут пагубными, господствующими и всепоглощающими. Будет драка перед входом в Законодательное собрание, и борьба в ней будет не менее яростной. Чтобы уяснить это, едва ли нужно изучать то, что просачивается во французское или английское законодательство; *ведь понимать предмет значит знать ответ.*

Есть ли нужда приводить доказательства, что это отвратительное извращение закона — вечный источник ненависти и разлада, что оно ведет к гибели самого общества? Если такое доказательство нужно, взгляните на Соединенные Штаты (в 1850 г.). Нет на свете страны, где больше отводится закону его надлежащая область: защита свободы и собственности каждого. Вследствие этого не видно в мире страны, где социальный порядок покоился бы на более прочном фундаменте. Но даже в США два — и только два — пункта, которые всегда подвергали опасности мир в обществе.

*Рабство и таможенные пошлины —
это грабеж*

Какие же эти два пункта? Это рабство и таможенные пошлины. Только в этих двух предметах обсуждения закон, вопреки общему духу республики Соединенных Штатов, принял на себя роль грабителя.

Рабство — это насилие закона над свободой. Протекционистские пошлины — это насилие закона над собственностью.

Самый замечательный факт состоит в том, что это двойное узаконенное преступление — прискорбный пережиток старого мира — единственное, что может привести и, вероятно, приведет к разрушению Союза Штатов. Действительно, нельзя представить себе в самой сердцевине общества более поразительного явления, чем это: *закон выступил в роли орудия несправедливости*. А если этот факт вызовет ужасные последствия для США, где надлежащее предназначение закона было извращено только в частных случаях рабства и таможенных пошлин, то каковы должны быть последствия для Европы, где извращение закона является принципом, системой?

Два рода грабежа

Г-н Монталамбер¹ [политик и писатель], разделяя мысль, содержащуюся в знаменитой прокламации г-на Карлье², сказал: «Мы должны воевать против социализма». Согласно определению социализма, выдвинутому г-ном Шарлем Дюпеном³, он подразумевал: «Мы должны воевать против грабежа».

¹ [Шарль, граф де Монталамбер (Charles, Count de Montalembert) (1810—1870) — публицист, проповедовавший взгляды либерального католицизма. — *Прим. амер. перев.*]

² [Пьер Карлье (Pierre Carlier) (1799—1858) — французский политик и полицейский чиновник. Возглавлял парижскую полицию во время революций 1830 и 1848 гг. Назначен префектом полиции в 1849 г. — *Прим. амер. перев.*]

³ [Шарль Дюпен (Charles Dupin) (1784—1873) — выдающийся французский инженер и экономист, профессор Консерватории искусств и ремесел в Париже, депутат и сенатор. — *Прим. амер. перев.*]

Фредерик Бастиа

О каком же грабеже он говорил? Ведь есть два рода грабежа: незаконный и узаконенный.

Не думаю, что незаконный грабеж — такой, как кража или мошенничество, определенные, предусмотренные и караемые уголовным кодексом, — можно назвать социализмом. Это не тот вид хищения, который систематически угрожает основам общества. Так или иначе, война против этого вида грабежа не ждала приказов со стороны этих господ. Война против незаконного грабежа велась с начала мира. Задолго до Февральской революции 1848 г., задолго до появления даже самого социализма Франция обзавелась полицией, судьями, жандармами, тюрьмами, темницами и эшафотами с целью борьбы против незаконного грабежа. Сам закон ведет эту войну, и мое пожелание и мнение состоит в том, что следует поддерживать такое отношение к хищениям.

Закон защищает грабеж

Но он не всегда это делает. Порою закон защищает грабеж и участвует в нем. То есть бенефициарии избавляются от стыда, опасности и угрызений совести, которые в противном случае повлияли бы на их поступки. Порою закон ставит целый аппарат судей, полиции, тюрем и жандармов на службу грабителям и, защищаясь, трактует пострадавшего как преступника. Короче говоря, существует узаконенный грабеж, и это о нем говорит г-н де Монталамбер.¹

¹ [Лицо, получающее выгоды. — *Грим. русск. перев.*]

Узаконенный грабеж может присутствовать лишь отдельными пятнами ржавчины среди законодательных мер народа. А раз так, то лучше уничтожить его без лишних разговоров, не обращая внимания на вопли кругов, заинтересованных в грабеже.

Как распознать узаконенный грабеж

Как же распознать узаконенный грабеж? Достаточно просто. Смотри. когда закон людям то, что им принадлежит отдает которым это не принадлежит. когда закон благоволит одному гражданину за счет другого. делая то, чего сам гражданин сделать не может, не совершая преступления.

Тогда отмените этот закон без промедления, так как это не просто зло как таковое, но и плодovitый источник дальнейшего зла, ибо он порождает репрессии. Если такой закон, который может быть отдельным случаем, не отменить незамедлительно, то он будет распространяться, множиться и развиваться в систему.

Тот, кто извлекает выгоду из этого закона, будет активно протестовать, защищая свои приобретенные права. Он будет жаловаться, что государство обязано защищать и поощрять его частный промысел, что такая процедура обогащает государство, поскольку защищенный промысел способен жить дальше и обеспечивать более высоким жалованием бедных работников.

Не принимайте софистику заинтересованных лиц близко к сердцу. Принятие этих доводов превратит

Фредерик Бастиа

узаконенный грабеж в систему. Фактически это уже произошло. Современная иллюзия — это попытка сделать богаче каждого за счет кого-нибудь другого, сделать грабеж всеобщим под предлогом организации его.

Узаконенный грабеж многолик

Итак, узаконенный грабеж может совершаться бесконечным количеством способов. Следовательно, у нас бесконечное количество планов для его организации: тарифы, протекционизм, государственные пенсии, ссуды, льготы, прогрессивное налогообложение, общественные училища, гарантированные рабочие места, гарантированные прибыли, минимальные оклады, право на пособие, право на орудия труда, даровые кредиты, и т.д., и т.п. Все эти планы в целом с их общей целью — узаконенным грабежом — учреждают социализм.

Теперь, поскольку при таком определении социализм — это собрание доктрин, то какую атаку можно провести против социализма, помимо войны доктрин? Если вы найдете эту социалистическую теорию ложной, нелепой и злой, то отвергните ее. А чем она более ложна, нелепа и зла, тем легче ее отвергнуть. Прежде всего, если желаете быть сильным, выкорчевывайте всякую крупницу социализма, которая может прокрасться в ваше законоуложение. Это будет нелегкая задача.

Социализм — это узаконенный грабеж

Г-на де Монталамбера обвинили в стремлении бороться против социализма грубой силой. С него следует снять

это обвинение, так как он спокойно заявил: «Война, которую нам надо вести против социализма, должна быть в гармонии с законом, честью и справедливостью».

Но почему г-н де Монталамбер не видит, что загнал себя в порочный круг? Употреблять закон для противостояния социализму? Но сам социализм полагается именно на закон. Социалисты хотят ввести в практику *узаконенный* грабеж, а не *незаконный*. Социалисты, подобно прочим монополистам, хотят сделать закон своим оружием. А если в один прекрасный день закон встанет на сторону социализма, то как его можно использовать против социализма? Поскольку грабеж подстрекается законом, он не боится ваших судов, жандармов и тюрем. Скорее, он призовет их на помощь.

Чтобы предотвратить это, вы преградите социалистам доступ к законотворчеству? Вы не пустите социалистов в Законодательное собрание? Я утверждаю, что пока узаконенный грабеж продолжает оставаться главным делом законодательства, у вас ничего не получится. Предполагать обратное — нелогично, даже абсурдно.

Выбор, стоящий перед нами

Вопрос узаконенного грабежа надо урегулировать раз и навсегда, и есть только три пути сделать это: ^{1 2 3}

1. Немногие грабят многих.
2. Все грабят всех.
3. Никто не грабит никого.

Фредерик Бастиа

Необходимо сделать выбор между ограниченным грабежом, всеобщим грабежом и полным отсутствием грабежа.

Ограниченный узаконенный грабеж. Эта система преобладала, когда было ограничено право голоса. Требуется вернуться к этой системе, дабы предупредить вторжение социализма.

Всеобщий узаконенный грабеж. Мы оказались под угрозой этой системы с тех пор, как право участия в голосовании стало всеобщим. Наделенное правом голоса большинство решило построить законодательство на том же принципе узаконенного грабежа, который применялся их предшественниками, когда право голоса было ограничено.

Отсутствие узаконенного грабежа. Это принцип справедливости, порядка, мира, стабильности, гармонии и логики. До последнего вздоха я буду провозглашать этот принцип со всей силой своих легких (которые — увы! — совсем слабы)¹.

Надлежащая функция закона

Ну а будучи вполне искренним, можно ли от закона требовать чего-либо, кроме отсутствия грабежа? Можно ли закон, который с необходимостью требует применения силы, использовать для чего-либо, кроме защиты прав каждого? Ручаюсь, никому не выйти за рамки этой цели, не извращая ее и, следовательно, не поворачивая силу против права. Это самое пагубное и

¹ [При написании своего труда Бастиа знал, что умирает от туберкулеза. Он скончался год спустя. — *Прим. амер. перев.*]

нелогичное социалистическое извращение, которое можно вообразить. Следует согласиться с тем, что истинное решение в области общественных отношений, которое столь долго ищут, содержится в простом девизе: *закон есть организованная справедливость*.

Значит, следует утверждать: когда справедливость организована законом, т.е. силой, то это исключает идею использования закона (силы) для налаживания и регулирования какой бы то ни было человеческой деятельности, будь то труд, благотворительность, сельское хозяйство, торговля, промышленность, образование, искусство или религия. Налаживание посредством закона чего угодно неизбежно разрушило бы основополагающую организацию — правосудие. В самом деле, как можем мы представить себе применение силы против свободы граждан и, следовательно, против справедливости, т.е. против своего надлежащего предназначения?

Соблазнительность социализма

Здесь я сталкиваюсь с самым популярным заблуждением нашего времени. То, что закон должен быть справедливым, не считается достаточным; он должен быть филантропическим. Им также недостаточно, чтобы закон гарантировал каждому гражданину непринуждаемое применение своих способностей для физического, умственного и нравственного самосовершенствования. Напротив, требуют, чтобы закон напрямую повышал благосостояние, образование и нравственность всей нации.

Фредерик Бастиа

В этом соблазнительная привлекательность социализма; и я повторяю вновь: эти два применения закона прямо противоречат одно другому. Нам надо сделать выбор между ними. Гражданин не может в одно и то же время быть свободным и несвободным.

Принудительное братство убивает свободу

Однажды г-н де Ламартин¹ написал мне следующее: «Ваша доктрина — лишь часть моей программы. Вы остановились на свободе, я иду дальше — к братству». Я ответил ему: «Вторая половина Вашей программы уничтожает первую».

В самом деле, мне представляется невозможным отделить слово «братство» от слова «добровольное». Мне не понять, как можно *легально* навязать братство без *легального* упразднения закона и, следовательно, без *легального* растаптывания справедливости.

У грабежа узаконенного два корня. Один из них, как я уже сказал, лежит в человеческой алчности, другой — в ложной филантропии.

¹ [Альфонс Мари Луи де Ламартин (Alphonse Marie Louis de Lamartine) (1790—1869) — один из великих поэтов французского романтизма и выдающийся государственный деятель. Впервые избран депутатом в 1834 году, его звездным часом стала революция 1848 года, когда он сыграл решающую роль в провозглашении Республики. Своим красноречием он успокоил парижскую толпу и возглавил временное правительство. Будучи скорее идеалистом и оратором, чем практическим политиком, скоро потерял былое влияние и в 1851 году вернулся к частной жизни. — *Прим. амер. перев.*]

В этом смысле, думаю, мне следует объяснить точно, что я подразумеваю под словом «грабеж».

Грабеж — насилие над собственником

Я не употребляю, как это часто делается, это слово в каком-нибудь смутном, неточном, приблизительном или метафорическом смысле. Я использую его в научно принятом значении: для выражения обратного понятию собственности (заработная плата, земля, деньги или что угодно). Когда часть имущества передается от лица, владеющего им, — без согласия и возмещения, насильно или обманом — кому-либо, кто им не владеет, то я заявляю, что собственность подверглась насилию; акт грабежа совершен.

Я утверждаю, что этот акт есть в точности то, что закон, казалось бы, должен подавлять всегда и везде. Когда закон сам совершает акт, который ему полагается подавлять, то я заявляю, что грабеж все-таки произведен, и добавляю, что с точки зрения общества и имущества эта агрессия по отношению к правам даже хуже. Однако в этом случае легального ограбления лицо, получающее выгоды, не отвечает за акт грабежа. Ответственность за этот легальный грабеж лежит на законе, на законодателе и самом обществе. Тут кроется политическая опасность.

Можно сожалеть о жесткости слова «грабеж». Я тщетно пытался подобрать нерезкое слово, так как я никогда — особенно сейчас — не желаю привносить словами раздражение в наши рассуждения. То есть, поверят мне или нет, я объявляю, что не намерен

Фредерик Бастиа

подвергать нападкам чьи-либо намерения или мораль. Я, скорее, нападаю на *идею*, которая, по-моему, ложна, на систему, которая кажется мне несправедливой, на столь независимую от личных намерений несправедливость, которую каждый из нас невольно питает и от которой страдает, не зная причины страдания.

Три системы грабежа

Здесь не ставится вопрос об искренности тех, кто выступает адвокатом протекционизма, социализма и коммунизма. Любой автор, который хотел бы этого, должно быть, пребывает под влиянием политического духа или политического страха. Однако следует подчеркнуть, что протекционизм, социализм и коммунизм — в основе одно и то же растение в трех различных стадиях роста. Все, что можно сказать: узаконенный грабеж легче рассмотреть в коммунизме, ибо это полный грабеж, и в протекционизме, ибо там грабеж ограничен специфическими группами и отраслями промышленности. Следовательно, из этих трех систем

Если бы монополия, особая привилегия против конкуренции под государственным покровительством, предоставлялась какой-то одной группе во Франции, например, литейщикам, то эта акция была бы столь явным узаконенным грабежом, что не могла бы длиться долго. Именно поэтому мы видим все защищенные покровительством коммерческие предприятия сведенными в общее дело. Они даже организовались таким образом, чтобы выступить в роли представителей *всех, кто трудится*. Они инстинктивно чувствуют, что узаконенный грабеж не считается больше таковым, когда он становится всеобщим.

социализм — самая расплывчатая, самая нерешительная и, значит, самая искренняя стадия развития. Однако намерения личности, искренние или неискренние, здесь не рассматриваются. Фактически я уже сказал, что легальный грабёж отчасти базируется на филантропии, даже если она ложная.

После такого разъяснения рассмотрим же значимость, происхождение и направленность этого популярного страстного желания — стремиться решить вопрос всеобщего благоденствия путем всеобщего грабежа.

Закон — это сила

Поскольку закон организует справедливость, то социалисты спрашивают, отчего бы закону не организовать еще и труд, воспитание и религию.

Отчего бы не употребить закон для этих целей? Оттого, что он не смог бы организовать труд, воспитание и религию без нарушения справедливости. Мы должны помнить, что закон — это сила, а значит, свойственная закону функция не может законным образом выходить за рамки функций силы.

Когда закон и сила удерживают человека в рамках правосудия, они не налагают на него чего, кроме чистого отрицания. Они обязывают его лишь не причинять вреда другим. Они не насилуют ни его личность, ни его собственность. Они охраняют все это. Они носят оборонительный характер, они обороняют в равной степени права всех.

Фредерик Бастиа

Закон — отрицательная концепция

Безвредность миссии, выполняемой законом и законной защитой, самоочевидна, полезность явна, а легитимность неоспорима.

Как однажды заметил один мой друг, заложенная в законе идея отрицания настолько истинна, что утверждение, будто *предназначение закона — обеспечить господство справедливости*, не является вполне точным. Следует утверждать, что *предназначение закона — не допускать господства несправедливости*. На самом деле, именно несправедливость (в отличие от справедливости) имеет собственное существование. Справедливость достигается, только когда отсутствует несправедливость.

Но когда закон посредством своего неперемного агента — силы — предписывает людям регулирование труда, способ или тему образования, религиозную веру или убеждения, тогда закон больше не является отрицанием. Он выступает утверждающей силой по отношению к народу, он заменяет волей законодателя их собственную волю, инициативой законодателя — их собственную инициативу. Когда это происходит, то люди больше не нуждаются в обсуждении, сравнении, планировании; все это закон делает за них. Ум становится для людей бесполезным придатком; они перестают быть людьми, они теряют лицо, свободу, ответственность.

Попробуйте вообразить регулирование труда, навязанное силой, которое не является насилием над свободой, или передачу имущества, навязанную силой.

которая не является насилием над собственностью. Поскольку примирить эти противоречия невозможно, то из этого следует вывод о неспособности закона организовать труд и промышленность без организации несправедливости.

Политический подход

Когда политик обзревает общество из своего уединенного кабинета, его ошеломляет зрелище неравенства, которое он видит. Он оплакивает лишения, являющиеся участью многих наших братьев, лишения, которые кажутся еще более горестными на фоне роскоши и богатства других.

Быть может, политик спросил бы себя, не есть ли такое положение дел следствие давних завоеваний и разбоя или недавнего узаконенного грабежа. Быть может, он обдумал бы следующее предположение: так как все стремятся к благосостоянию и совершенству, то не будет ли правосудие достаточным условием для стимулирования наибольших усилий в пользу прогресса и какого только возможно равенства, совместимого с индивидуальной ответственностью? Согласовалось ли бы это с положением об индивидуальной ответственности, которая по Божьей воле дала человечеству возможность выбора между пороком и добродетелью и вытекающими из этого карой и вознаграждением?

Но политик никогда не вносит в это философскую мысль. Его рассудок обращается к организациям, комбинациям и договоренностям, законным или по видимости законным. Он пытается исправить зло,

Фредерик Бастиа

увеличивая и увековечивая само явление, вызвавшее зло в первую очередь: узаконенный грабеж. Мы видели, что правосудие несет в себе идею отрицания. Можно ли найти хотя бы один пример такого рода положительного законодательства, не содержащего в себе принципа грабежа?

Закон и милосердие

Вы говорите: «Есть люди, у которых нет денег» — и обращаетесь к закону. Но закон не грудь, сама наполняющаяся молоком; и у закона нет молочных жил, наливающих молоко от какого-нибудь источника вне общества. Ничто не поступит в общественную казну в пользу одного гражданина или одного класса, пока остальные граждане или классы не *обеспечат* такие поступления. Если каждый изымает из кассы ту сумму, которую вложил, то, разумеется, закон ни у кого не крадет. Но эта процедура ничего не дает тем, кто не имеет денег. Она не способствует равенству доходов. Закон может стать инструментом уравнивания, только когда он берет у одних лиц и отдает другим. Когда закон поступает так, то он — инструмент грабежа.

Учтя это, рассмотрите покровительственные тарифы, ссуды, гарантированные прибыли, гарантированные рабочие места, программы по облегчению быта малообеспеченных, общественное воспитание, прогрессивное налогообложение, безвозмездные кредиты и общественные работы. Вы обнаружите, что это всегда строится на узаконенном грабеже, на организованной несправедливости.

Закон и образование

Вы говорите: «Есть недостаточно образованные люди» — и обращаетесь к закону. Но сам по себе закон — не сияющий светоч учения. Закон простирается над обществом, где у одних есть знания, а у других нет, где одним гражданам надо учиться, а другие могут учить. Что касается образования, закон имеет лишь два варианта: он может разрешить свободные и добровольные взаимоотношения между обучающими и обучаемыми или поступить против воли людей в этом вопросе, взяв у некоторых из них достаточно для оплаты учителей, которые назначаются правительством с целью бесплатного преподавания.

Закон и нравственность

Вы говорите: «Вот люди, которым недостает нравственности и религиозного чувства» — и обращаетесь к закону. Но закон есть сила; и надо ли мне говорить о том, насколько насильственны и тщетны такие действия, как применение силы в отношении нравственности и религии?

Казалось бы, социалисты, даже будучи самоуспокоенными, не могут не видеть этот чудовищный легальный грабеж, который вытекает из таких систем и таких усилий. Но что делают социалисты? Они благо-разумно маскируют этот легальный грабеж от других — и даже от самих себя — под оболостительными именами братства, единства, организованности и сообщества.

Фредерик Бастиа

Поскольку мы так мало требуем от закона (всего лишь правосудия!), то социалисты в связи с этим заключают, что мы отвергаем братство, единство, организованность и сообщество. Социалисты клеймят нас названием *индивидуалисты*. Но мы уверяем социалистов, что отказываемся признавать только *принудительную* организацию, а не естественную. Мы отвергаем те формы объединения, которые созданы принудительно, а не свободно. Мы отвергаем *принудительное* братство, а не подлинное. Мы отвергаем *искусственное* единство, избавляющее людей от индивидуальной ответственности, только и всего. Мы не отрицаем естественного единства человечества под рукою Провидения.

Смешение понятий

Социализм, подобно другим теориям, от которых он происходит, путает понятия «государство» и «общество». В итоге всякий раз, когда мы возражаем против того, что делается государством, социалисты делают вывод, что мы возражаем против этих деяний как таковых.

Мы порицаем государственное образование. Тогда социалисты говорят, что мы против любого образования. Мы протестуем против государственной религии. Тогда социалисты говорят, что мы не хотим вообще никакой религии. Мы не согласны с равенством по воле государства. Тогда они говорят, что мы против равенства; и т.д., и т.п. Это все равно, что обвинять нас, будто мы не хотим, чтобы люди питались, потому что мы не хотим, чтобы государство выращивало зерно.

Влияние социалистических писателей

Как пришли политики к такой нелепой мысли, что закон создан, дабы заниматься тем, чего в нем нет, — достатком, наукой и религией, которые в положительном смысле учреждают процветание? Неужели под влиянием наших современных авторов, пишущих на общественные темы?

Нынешние писатели — особенно принадлежащие к социалистической философской школе — базируют свои разнообразные учения на общей гипотезе: они делят человечество на две части. Народ вообще, за исключением писателей, образует первую группу. Сами писатели образуют вторую, и наиболее важную группу. Конечно, это самая фантастическая и чванливая идея, которую когда-либо рождал человеческий ум!

В самом деле, эти публицисты начинают с предположения, что сам народ не обладает проницательностью, не имеет мотивации к действию. Эти писатели делают вид, что народ — инертная масса, пассивные частицы, неподвижные атомы, в лучшем случае — что-то вроде растения, безразличного к собственному способу существования. Они предполагают, что народ легко поддается преобразованию — под действием воли и рук другого человека — в бесконечное разнообразие форм, более или менее симметричных, художественных и совершенных.

Более того, любой из этих пишущих о правлении авторов без колебаний представляет, что он сам — по праву организат,

Фредерик Бастиа

законодателя или основателя — является этой волей и р у к о й , той вселенской мотивирующей силой, той творческой энергией, чья высокая миссия — слепить этот раздробленный человеческий материал в общество.

Социалистические авторы смотрят на народ взглядом садовника, обзирающего свои деревья. Как садовник формирует из деревьев причудливые пирамиды, зонты, кубы, вазы, опахала и пр., точно так же социалисты фантастическим образом создают из человеческих существ группы, серии, центры, подцентры, соты, трудовые отряды и иные формы. Точно так же, как садовнику нужны топоры, подрезные крючья, пилы и ножницы для обработки деревьев, так и социалистическому автору нужна сила, отыскать которую для обработки человеческих существ он может только в законе. С этой целью он разрабатывает законы о тарифах, о налогах, пособиях и школах.

Социалисты претендуют на роль Бога

Социалисты рассматривают людей как сырье, пригодное для образования социальных комбинаций. Очевидно, что, если у социалистов вдруг появятся сомнения в успешности этих комбинаций, они потребуют, чтоб небольшая часть человечества оставалась *вне эксперимента*. Хорошо известна популярность идеи испробовать *все системы*, а один социалистический вождь серьезно прославился тем, что попросил

V Конституционной Ассамблеи предоставить ему небольшой округ со всеми его жителями для проведения опыта.

Таким же путем изобретатель строит модель, перед тем как сконструировать машину в натуральную величину, химик расходует химикаты, фермер занимается семенами и землей, дабы опробовать идею.

Но какова разница между садоводом и деревьями, между изобретателем и машиной, между химиком и его элементами, между фермером и семенами! И, откровенно говоря, социалист думает, что между ним и человечеством разница такая же!

Нет ничего удивительного в том, что социалисты XIX века рассматривают общество как искусственное творение законодательского гения. Эта идея, плод классового образования, возобладала надо всеми интеллектуалами и знаменитыми писателями нашей страны. Этим интеллектуалам и писателям отношения между людьми и законодателем кажутся такими же, как между глиной и гончаром.

Кроме того, даже там, где они согласились признать способность к действию в сердце человека и рассудительность в человеческом разуме, они сочли этот Божий дар роковым. Они решили, что люди под воздействием этих двух дарований будут фатально тянуться к саморазрушению. Они полагают, что если законодатели предоставят народу право свободно следовать своим наклонностям, то народ придет к безбожию вместо религии, к невежеству вместо знания, к бедности, а не к производству и обмену.

Социалисты презирают человечество

Согласно этим авторам, поистине счастье, что Небеса наделили некоторых людей — правителей и законодателей — прямо противоположными наклонностями не только ради них самих, но и ради всего остального мира! *В то время как человечество тянется ко , законодатели жаждут добра; пока человечество продвигается ко мраку, законодатели стремятся к просвещению; пока людей несет к , законодателей влечет к себе добродетель.* С тех пор как они решили, что таково подлинное положение дел, они требуют применения силы с целью замены наклонностей человечества на их собственные.

Откройте наугад любую книгу по философии, политике или истории, и вы, вероятно, увидите, как глубоко укоренилась в нашей стране эта идея — дитя классических учений, мать социализма. В каждой из них вы, возможно, найдете мысль о том, что человечество — просто инертная материя, получающая жизнь, организацию, мораль и процветание от государства; и даже хуже: утверждение о том, что человечество движется к вырождению и будет остановлено в этом падении лишь волшебной рукой законодателя. Общепринятая классическая мысль повсюду заявляет, что над пассивным обществом находится власть, именуемая *закон*, или *законодатель* (либо называемая иными терминами, обозначающими безымянных особ или особу с бесспорным влиянием и авторитетом), который продвигает, управляет, благодетельствует и улучшает род людской.

Защита обязательного труда

Рассмотрим сначала цитату из Боссюэ:

Одной из вещей, наиболее сильно запечатлевшихся (по чьей воле?) в умах египтян, был патриотизм... *Никому не позволялось* быть бесполезным государству. Закон предписывал каждому его работу, передававшуюся от отца к сыну. Никому не позволялось иметь две профессии, переходить с одного места на другое... Но была одна задача, которой все *принуждены* были следовать: освоение законов и мудрости. Игнорирование религии и политических нравов не *прощалось* ни при каких обстоятельствах. Более того, всякое занятие *было предписано* (кем?) определенному округу... Среди хороших законов один из наилучших гласил, что каждый натаскивается (кем?) в подчинении им, законам. В итоге Египет был полон чудесных изобретений и в нем не пренебрегали ничем, что могло сделать жизнь легкой и спокойной.

Итак, согласно Боссюэ, от себя люди не получают ничего. Патриотизм, процветание, изобретения, земледелие, наука — все это дается народу действиями законов, правителей. Все, что должны делать люди, — подчиняться предводителям.

Защита отеческого правления

Боссюэ проводит идею государства как источника всяческого прогресса, доходя аж до защиты египтян, отрицавших ценность единоборств и музыки. Он говорит:

Фредерик Бастиа

Как возможно такое? Эти искусства были изобретены Трисмегистом¹.

И в отношении персов Боссюэ объявляет, что все приходит свыше:

Одной из первых обязанностей *государя* было поддержание сельского хозяйства... Так же как имелись ведомства по управлению армиями, были учреждены ведомства и для руководства сельскими работами... Персидскому народу *было внушено* безграничное уважение к царской власти.

Также, согласно Боссюэ, греческий народ, несмотря на невероятный ум, не знал идеи личной ответственности. Сам он, подобно псам и лошадям, был не в состоянии придумать простейших игр:

Грекам, по природе умным и отважным, *культура была привита* царями и переселенцами из Египта. От египетских правителей греческий народ научился телесным упражнениям, *состязаниям в скачках на конях и колесницах*... Но самое хорошее, чему египтяне научили греков, — быть послушными и дать себя сформировать закону ради общественного блага.

Идея пассивного человечества

Бесспорно, эти классические теории [развитые преподавателями, писателями, законодателями, экономистами и мыслителями наших дней] утверждали, что все

¹ [Легендарный первый верховный жрец в истории Египта. — *Прим, изд.*]

приходит к людям извне. В качестве еще одного примера возьмите Фенелона¹.

Он был современником правления Людовика XIV
Это, плюс тот факт, что ему были привиты классические знания и восхищение древностью, естественно, побудило Фенелона принять идею, что человечество должно быть пассивно, что несчастье и процветание, мороки и достоинства вызываются внешним влиянием, осуществляемым в отношении людей законом и законодателями. Каков бы ни был исход, люди не решают этого сами, за них решает государь. Государь толкуется как *душа* бесформенной массы людей, которые образуют нацию. В государе сосредоточены мышление, предвидение, прогресс и принцип всяческой организованности. Таким образом, вся ответственность лежит на нем.

Это доказывают все десять книг Фенелонова «Телемаха». Отсылаю к ним читателя и удовольствуюсь цитированием наугад этого знаменательного произведения, которому при всем уважении к другим я отдаю должное в первую очередь.¹

¹ [Франсуа де Салиньяк де ля Мот- Фенелон (Fran[^]ois de Salignac de La Mothe-Fenelon) (1661—1716) — архиепископ Камбрейский, опекун герцога Бургундского, внука и наследника Людовика XIV, классик французской литературы, автор сборника «Басни», философско-утопического романа «Приключения Телемаха», переводчик «Одиссеи» Гомера. В XVIII в. «Приключения Телемаха» пользовались огромным успехом, были переведены на все европейские языки, в том числе на русский. — Прим, изд.]

Фредерик Бастиа

Социалисты игнорируют причины и факты

С поразительным легковерием, типичным для классицистов, Фенелон не замечает авторитета причин и фактов, приписывая общее счастье египтян не их собственной мудрости, а мудрости их царей:

Наш взор не мог бы скользнуть как мимо берега с богатыми городами, так и мимо сельских усадеб, расположенных самым приятным образом; всегда вспаханные поля, ежегодно покрывающиеся золотистыми колосьями; луга, полные стад; работники, согнувшиеся под тяжестью плодов, которыми земля щедро одаривает своих земледельцев; пастухи, нежные ноты из свирелей и флейт, которые отдаются эхом. «Счастлив народ, — сказал Ментор¹, — управляемый мудрым царем...»

Затем Ментору было угодно обратить мое внимание на довольство и достаток, покрывшие весь Египет, где насчитывалось 22 тысячи городов. Он восхищался хорошими полицейскими правилами в городах, правосудием, отправляемым в пользу бедных против *богатых*, здоровым воспитанием детей в покорности, труде, трезвости и любви к искусствам и литературе, точностью, с коей совершались все религиозные церемонии, бескорыстием и высоким мнением о чести, уважением к людям и богобоязнию, которой все отцы учат своих детей. Он не переставал восхищаться процветанием страны.¹

¹ [В «Телемахе» Ментор является учителем юного наследника престола. — *Прим. амер. перев.*]

«Счастлив народ, — сказал он, — так управляемый мудрым царем».

*Социалисты хотят регламентировать
поведение людей*

Фенелонова идиллия на Крите еще более заманчива. Ментора угораздило заявить:

Все, что вы видите на этом чудесном острове — результат законов Миноса. Воспитание, которое он предписал для детей, делает их тела крепкими и сильными. С самого начала детей приучают к умеренности и труду, ибо предполагается, что всякие чувственные наслаждения ослабляют плоть и ум. Поэтому им не разрешают никаких наслаждений, кроме удовольствия стать непобедимым, благодаря доблести, и обрести славу... Здесь карают три порока, ненаказуемых у других народов: неблагодарность, лицемерие и жадность. Нет нужды наказывать людей за роскошь и расточительство, так как они неизвестны на Крите... Не позволяются ни дорогая мебель, ни великолепные платья, ни отменные пиршества, ни раззолоченные дворцы.

Так готовит Ментор своих учеников — несомненно, с наилучшими из намерений — к лепке населения Итаки, манипулированию и управлению им. А чтобы убедить учеников в мудрости этой идеи, Ментор рассказывает им о примерах Салента¹.

¹ [Легендарный город, в котором Фенелон поместил свое утопическое правительство в «Телемахе». — *Прим. амер. перев.*]

Фредерик Бастиа

Именно из такого рода философии мы получаем свои первые идеи!

Нас учат обрабатывать личность, как наставник Оливье де Серр¹ учил фермеров подготавливать почву и ухаживать за ней.

Прославленное имя и порочная идея

Теперь послушайте на эту же тему великого Монтескье:

Для поддержания духа торговли необходимо благоприятствование ему всех законов. Эти законы, пропорционально разделяя богатства по мере их накопления в торговле, должны предусматривать для каждого бедного гражданина, как и для остальных, достаточно доступные условия для начала работы. Тем же самым законам следует ввести состоятельного гражданина в такие сниженные условия, при которых он вынужден трудиться, чтобы продержаться или заработать.

То есть законам надлежит разделяться со всяким состоянием!

Хотя в демократии действительное равенство есть душа государства, но его так трудно установить, что слишком большая точность в этом отношении не всегда желательна. Достаточно, если будет установлен ценз, до некоторой степени определяющий и ограничивающий различия: после этого специальные законы

¹ [Оливье де Серр (Olivier de Serres) (1539—1619) — один из отцов французского сельского хозяйства и советник Генриха IV. — *Прим. амср. персе.*]

должны будут, так сказать, уравнивать неравенства посредством налогов на богатых и льгот бедным.

Здесь мы вновь встречаем идею уравнивания шан-
тов законом, силой.

В Греции было два рода республик: одни — военные, как Лакедемон, а другие — торговые, как Афины. В одних хотели сделать граждан праздными, в других им старались внушить любовь к труду. Я прошу обратить внимание на силу гения, которою должны были обладать эти законодатели для того, чтобы видеть, что, нарушая все принятые обычаи и смешивая все добродетели, они явят миру свою мудрость. Ликург, смешав грабеж с духом справедливости, беспощадное рабство с крайней свободой и самые свирепые чувства с величайшей умеренностью, дал устойчивость своему городу. Он, по-видимому, отнял у него все: ремесла, торговлю, деньги, городские стены; там есть честолюбие, но нет надежды на материальное вознаграждение; есть влечения, внушаемые природой, но нет ни отца, ни мужа, ни детей; и даже стыдливость отнята у целомудрия.

пути, которыми Спарта шла к величию и славе.
Та же необычайная сила, которую мы видели в учреждениях Греции, явилась нам и среди грязи и разложения нашего времени. Один законодатель и честный человек образовал народ, у которого честность — такое же естественное качество, как храбрость у спартанцев.

Г. Пенн — настоящий Ликург, и хотя первый поставил себе целью мир, а второй — войну, они сходны

Фредерик Бастиа

по тем своеобразным путям, на которые они вывели свои народы, по силе своего влияния на свободных людей, по своим победам над их предрассудками и господству над их страстями.

Страна Парагвай дает нам еще один пример [народа, который ради собственного блага формируется своими законодателями]¹.

То, что было сделано здесь, хотели вменить в преступление *обществу*, которое в удовольствии повелевать видит единственное благо жизни. Но управлять людьми, делая их счастливыми, всегда прекрасно.

Те, кто пожелает создать подобные учреждения, должны установить общность имущества республики Платона, благочестие, которого он требовал по отношению к богам, отчуждение от иностранцев для охранения нравов; нужно поручить ведение торговли государству, а не отдельным гражданам; нужно дать людям наши искусства без нашей роскоши и наши нужды без наших желаний.

Ужасная идея

Те, кто подвержен безрассудной плебейской влюбленности, могут воскликнуть: «Так сказал Монтескье! Это же великолепно! Это возвышенно!» Что до меня, то я твердо придерживаюсь собственного мнения.

[Как известно, в то время Парагвай занимал более обширную территорию, чем теперь. Он был колонизован иезуитами, поселившими индейцев в деревнях и вообще спасшими их от дальнейших жестокостей со стороны алчных конкистадоров. — *Прим, амер. перев.*]

Я говорю: «Вам это нравится? Стыда в вас вовсе нет»¹. Это ужасно! Это отвратительно! Эти случайные выдержки из работ Монтескье показывают, что он считает людей, свободы, собственность — само человечество — не чем иным, как материалом для законодателей в их упражнениях в мудрости.

Вождь демократов

Теперь рассмотрим Руссо в связи с этой темой. Этот публицист — высший авторитет у демократов. И хотя он строит социальную структуру на *воле*, он в большей степени, чем кто-либо, принял идею поголовной инертности человечества в присутствии законодателей:

Но если верно, что великие государи встречаются редко, то что же тогда говорить о великом Законодателе? Первым надлежит лишь следовать тому образцу, который должен предложить второй.

Этот — *механик, который изобретает* ;

тот лишь рабочий, который ее собирает и пускает в ход.

Какую же роль играют во всем этом люди? Они всего лишь машины, запущенные в действие. И более того, не считаются ли они просто сырьем, из которого сделана машина?

Итак, между законодателем и государем предполагаются те же отношения, что и между сельскохозяйственным специалистом и фермером, а между

¹ [Ответ Альцеста своему другу Филинту, лицемерно хвалившему плохой сонет (Ж.-Б. Мольер. Мизантроп. Действие I. Явление II). — Прим. амер. перев.]

Фредерик Бастиа

государем и его подданными — такие же отношения, как между фермером и его землей. В таком случае как высоко над человечеством поместился этот публицист? Руссо правит самими законодателями и учит их делу таким повелительным тоном:

Вы хотите сообщить Государству прочность? Тогда сблизьте крайние ступени, насколько то возможно; не терпите ни богачей, ни нищих.

Если, к примеру, почва неблагоприятна и бесплодна или земли слишком мало для жителей данной страны? Обратитесь тогда к промышленности и ремеслам, произведения которых вы будете обменивать на съестные припасы, которых вам недостает.

Если же, напротив, вы занимаете богатые равнины и плодородные склоны? Если вы живете на хорошей земле, и у вас недостает населения? Тогда посвятите все ваши заботы земледелию, что умножает число людей, и изгоните ремесла, которые окончательно лишили бы край населения, сосредоточив в нескольких пунктах территории то небольшое число жителей, которое там есть.

Если вы занимаете протяженные и удобные берега? Тогда *пустите в море корабль*, развивайте торговлю и мореходство; это будет краткое, но блестящее существование. Если море омывает у ваших берегов лишь почти неприступные скалы? Тогда *оставайтесь варварами* и питайтесь рыбой; так вы будете жить спокойнее, лучше, быть может, и, уж наверное, счастливее. Словом, кроме правил, общих для всех, каждый народ в себе самом заключает некое начало, которое

располагает их особым образом и делает его законы пригодными для него одного.

Гак, некогда, для древних евреев, а недавно для арабов, главным была религия, для афинян — литература, для Карфагена и Тира — торговля, Родоса — мореходство, Спарты — война, а для Рима — добродетель. Автор «Духа Законов» показал на множестве примеров, *каким путем Законодатель направляет первоустройство страны к каждой из этих целей...* Но если Законодатель, ошибаясь в определении своей цели, следует принципу, отличному от того, что вытекает из природы вещей; если один из принципов ведет к порабощению, а другой — к свободе; один — к накоплению богатств, другой — к увеличению населения; один — к миру, другой — к завоеваниям, — тогда законы незаметно теряют свою силу, внутреннее устройство испортится, и волнения в Государстве не утихнут до тех пор, пока оно не подвергнется разрушению или изменениям и пока неодолимая природа не вступит вновь в свои права.

Но если природа вещей в конце концов неизбежно *воцарится* в своей империи, то отчего Руссо не признает, что ей не нужен законодатель, чтобы поставить ее на первое место?

Отчего он не видит, что, повинуясь своим инстинктам, люди обратятся к земледелию на плодородной почве и к торговле на извилистом и легкодоступном побережье без вмешательства всяких Ликургов или Солонов, либо Руссо, *которые запросто могли бы ошибиться?*

*Социалисты хотят принудительного
соответствия*

Как бы то ни было, Руссо облакает создателей, организаторов, администраторов, законодателей и контролеров общества страшной ответственностью. Поэтому он особенно взыскателен к ним:

Тот, кто берет на себя смелость дать установления какому-либо народу, должен чувствовать себя способным изменить, так сказать, человеческую природу, превратить каждого индивидуума, который сам по себе есть некое замкнутое и изолированное целое, в часть более крупного целого, от которого этот индивидуум в известном смысле получает свою жизнь и свое бытие; переиначить организм человека, дабы его укрепить; должен поставить на место физического и самостоятельного существования, которое нам всем дано природой, существование частичное и моральное¹. Одним словом, нужно, чтобы он отнял у человека его собственные силы и дал ему взамен другие, которые были бы для него чужими.

Бедная человеческая природа! Что бы ожидало судьбу личности, если б мы доверились последователям Руссо?

¹ [Согласно Руссо, существование человека в обществе является *частичным* в том смысле, что он лишь *часть* общества. Сознавая себя таковым и мысля и чувствуя с точки зрения целого, человек становится, таким образом, моральным. — *Прим. амср. персе.*]

*Законодатели стремятся формировать
человечество*

Теперь рассмотрим Рейналя¹ на предмет человеческих существ, вылепливаемых законодателями:

Законодателю требуется сначала оценить климат, воздух и почву. Ресурсы в его распоряжении определяют его обязанности. Сначала он должен оценить свое *местоположение*. Нам, живущим у морских берегов, следует иметь законы, регулирующие мореплавание... Если это в глубине суши, то законодатель должен строить планы в соответствии с видом и плодородностью почвы...

Особенно гений законодателя должен проявляться в распределении собственности. В качестве общего правила, когда в любой стране обустроивается новое поселение, каждому мужчине для обеспечения семьи следует выделять достаточный земельный участок... На целинном острове, который *вы* населяете детьми, вам нужно лишь дать семенам истины созреть вместе с развитием разума... Но когда вы переселяете народ, имеющий прошлое, в новый край, то умение законодателя покоится на политике *запрещения людям* придерживаться несправедливых суждений и обычаев, которые следует по возможности исправлять и исцелять. Если *вы* пожелаете удержать эти

¹ [Рейналь Гийом Томас Франсуа (Abbe Guillaume Raynal) (1713—1786) — французский историк, социолог, теолог, аббат. Известен главным образом работами по французской средневековой литературе. — Прим. амер. перев.]

Фредерик Бастиа

суждения и обычаи от того, чтобы они стали постоянными, то обезопасите следующее поколение общей системой публичного воспитания детей. Государю или законодателю вовсе не следует устраивать поселение, не отправив первым делом мудрецов на обучение молодежи...

В новой колонии заботливому законодателю, желающему *очистить обычаи и нравы*, открываются широкие возможности. Если он будет обладать достоинством и гениальностью, то земля и люди *в его распоряжении* вдохновят его рассудок планами на пользу обществу. Писатель может лишь предварительно набросать вчерне такой план, так как он неизбежно связан с ненадежностью любых гипотез; проблема имеет множество форм, сложностей и обстоятельств, которые трудно предвидеть и установить в деталях.

Законодатели как управлять людьми

Наставления Рейналя законодателям по управлению людьми можно сравнить с лекциями, которые читает профессор сельскохозяйственных наук своим студентам: «Климат — первое правило для фермера. *Его* ресурсы определяют его действия. Сначала он должен оценить географическое положение. С глинистой почвой ему следует поступать так-то и так-то. С песчанистой он должен действовать иначе. Фермеру открываются все возможности, если он хочет очистить и улучшить почву. Если он достаточно умел, план

работы он составит с учетом навоза в его распоряжении. Преподаватель же может лишь набросать заранее этот план вчерне, так как это неизбежно связано с ненадежностью всякой гипотезы, проблема имеет множество форм, сложностей и обстоятельств, которые трудно предвидеть и установить в деталях».

О, возвышенные писатели! Пожалуйста, вспоминайте иногда, что эти глина, песок и навоз, которыми вы так произвольно распорядитесь, — это люди! Они равны вам! Они такие же свободные и разумные человеческие существа, как и вы! Так же, как и вы, они получили от Бога способность созерцать, планировать вперед, мыслить и судить о себе самих!

Временная диктатура

Возьмем рассуждения Мабли¹ о законе и законодателе. В отрывке, предшествующем тому, что здесь процитирован, Мабли предположил, что закон ввиду пренебрежения безопасностью устарел. Далее он обращается к читателю со следующими словами:

В этих обстоятельствах пружины правительства явно ослаблены. *Дайте им* новое напряжение, и зло будет излечено... Меньше думайте об ошибках наказания и больше о поощрении, *в котором вы нуждаетесь*. Таким путем вы восстановите для *своей республики*

¹ [Габриэль Бонно де Мабли (Gabriel Bonnot de Mably) (1709—1785) — французский философ, историк, коммунист-утопист. Составитель свода международного права. Предлагал уравнивательные мероприятия: ограничение потребностей, пресечение роскоши. Брат более известного Кондильяка. — Прим, изд.]

Фредерик Бастиа

юношескую живость. Поскольку свободные люди прошли мимо этой процедуры, они потеряли свободу. Но если зло сотворено главным образом так, что обычные приемы управления не способны его исцелить, то *обратитесь* к чрезвычайному трибуналу со значительными краткосрочными полномочиями.

И в такой манере Мабли продолжает на протяжении двадцати томов.

Под влиянием такого учения, происходящего из классического образования, наступило время, когда каждый захотел поставить себя над человечеством с целью его обустройства, организации и регулирования по своему усмотрению.

Социалисты хотят имущественного равенства

Теперь рассмотрим рассуждения Кондильяка¹ по вопросу о законодателях и человечестве.

Милостивый государь, следуйте примеру Ликурга или Солона. А перед тем как вы дочитаете этот очерк, позаботьтесь о предоставлении законов каким-нибудь дикарям в Америке или в Африке. Склоните эти кочевые племена к оседлому жилью, научите их

¹ [Этьен Бонно де Кондильяк (Etienne Bonnot de Condillac) (1715—1780) — французский философ и психолог, популяризатор идей Локка во Франции. Одна из центральных фигур Французского Просвещения. Его представления в области политической экономики сформулированы в труде «Торговля и государство». — *Прим, изд.*]

пасти стада... Попытайтесь развить общественное сознание, которым природа наделила их... Заставьте их приступить к отправлению обязанностей рода людского... Применяйте наказания за чувственные наслаждения, дабы последние стали им неприятны. Тогда вы увидите, что все пункты вашего законодательства побудят этих дикарей расстаться с пороками и обрести достоинства.

у всех есть законы. Но мало кто стал счастлив. Отчего это так? Оттого, что сами законодатели почти всегда игнорировали предназначение общества, которое заключается в объединении семей общим интересом.

Беспристрастность закона состоит из двух вещей: провозглашения имущественного равенства и сословного равенства среди граждан... Так как законы учреждают большее равенство, то они становятся в той же мере более точными для всех граждан... Когда все равны имущественно и сословно и когда законы не оставляют надежды на нарушение этого равенства, то как могут люди поддаваться алчности, тщеславию, разгулу, праздности, лени, зависти, ненависти или ревности?

То, что вы узнали о Спартанской республике, должно просветить вас в этом вопросе. Ни в каком ином государстве законы не отвечали более естественному порядку равенства¹.

¹ [В памфлете «Ученые степени и социализм» автор с помощью серии аналогичных цитат еще раз показывает, как эта ошибка пришла к нам из прошлого. — *Прим, изд.*]

*Заблуждение социалистических
публицистов*

На самом деле, ничего нет странного в том, что в течение XVII и XVIII веков человечество рассматривалось как инертная материя, готовая принять все — форму, лицо, энергию, движение, жизнь — от великого государя, великого законодателя или великого гения. Эти века подпитывались изучением древности. Древность же представляет собою всюду — в Египте ли, Персии, Греции или Риме — зрелище нескольких людей, формирующих человечество в соответствии со своими прихотями, пользуясь престижем силы и обманом.

Но это не доказывает желательность такой ситуации. Это лишь доказывает, что так как люди и общество способны к улучшению, то естественно будет ожидать, что заблуждение, невежество, деспотизм, рабство и суеверие наиболее велики в начале истории. Публицисты, процитированные выше, не заблуждались, находя таковыми древние институты, но ошибались, предлагая их будущим поколениям в качестве предметов восхищения и подражания.

Некритичные и незрелые приспособленцы, они принимали как данность величие, сословное достоинство, нравственность и счастье искусственных обществ древнего мира. Они не понимали, что знание возникает и развивается с ходом времени и что по мере этого развития знание *может* принять сторону, и общество вновь овладеет собой.

Что такое свобода?

Теперь, что же такое политическая борьба, свидетелями которой мы являемся? Это инстинктивная борьба всех людей за свободу¹. А что есть эта свобода, само имя которой заставляет сердце биться учащенно и сотрясает мир? Не союз ли это всех свобод — свободы совести, образования, собраний, печати, передвижения,

¹ [Для того чтобы нация была счастливой, необходимо, чтобы составляющие ее индивиды были предусмотрительны, благоразумны и доверяли друг другу, а эти качества проистекают из чувства безопасности.

Эти качества приобретаются с опытом. Люди становятся предусмотрительны, когда страдают от недальновидности; благоразумны, когда их опрометчивость наказывается и т.д. и т.п. Отсюда следует, что рождение свободы всегда сопровождается злом, проистекающим от необдуманного распоряжения ею.

Глядя на это, всегда есть те, кто требует запретить свободу. «Пусть государство, — говорят они, — будет предусмотрительным и благоразумным для каждого».

Я хочу задать им следующие вопросы:

1. Возможно ли это? Может ли из неопытного народа возникнуть опытное государство?
2. В любом случае, не будет ли это с самого начала препятствовать накоплению опыта? Если людям силой будут навязываться конкретные действия, как человек сможет извлекать уроки из последствий своих действий? Будет ли он в таком случае находиться под опекой вечно?

А упорядочивая все, государство будет за все в ответе.

Все это несет в себе семена бесконечных революций, которые будут совершаться теми, кому вместе с приобретением опыта перекрыта возможность какого бы то ни было развития. —

*Наблюдение из рукописи автора. *

Фредерик Бастиа

труда, торговли? Одним словом, не является ли свобода волей каждой личности в полной мере употреблять свои способности без причинения вреда другим? Не является ли свобода разрушением всякого деспотизма, включая, конечно, узаконенный деспотизм? Наконец, не является ли свобода ограничением закона только его разумной сферой организации права индивидуума на законную самозащиту, сферой наказания несправедливости?

Следует учитывать, что тяга человечества к свободе постоянно натывается на препятствия, особенно во Франции. В огромной степени из-за пагубной страсти, воспринятой из античных учений и свойственной нашим публицистам, они жаждут поставить себя над человечеством, дабы устраивать, организовывать и регулировать его в соответствии со своей фантазией.

Филантропическая тирания

Пока общество борется за свободу, эти знаменитости, поставившие себя во главе его, полны духа XVII—XVIII веков. Они думают только о подчинении человечества филантропической тирании их собственного социального изобретения. Подобно Руссо, они стремятся заставить человечество послушно нести ярмо общественного благосостояния, которое они нарисовали в своем воображении. Это было особенно верно в 1789 г. Старый порядок рухнул не раньше, чем общество вынудили пресечь прочие искусственные построения, всегда начинающиеся с одной и той же точки: всесилие закона. Послушайте замыслы некоторых публицистов и политиков того периода.

Сен-Жюст¹:

Законодатель командует будущим. Именно ему изъявлять волю о благе рода людского. Именно ему заставлять людей быть такими, какими он велит им быть.

I ^беспьер^у:

Функция правительства — управлять физическими и моральными силами нации до конца, когда вступает в действие содружество.

Бийо-Варенн*:

Народ, который надо вернуть к свободе, следует сформировать заново. Могучая сила и беспощадное действие необходимы для разрушения старых предрассудков, для изменения старых обычаев, для ис-

¹ | Луи Антуан Леон де Сен-Жюст (Louis Antoine Leon de Saint-Just) (1767—1794) — видный участник Французской революции. Входил в комитет общественной безопасности, где отвечал за Царство террора. Ярый последователь Робеспьера. Казнен на гильотине, как и сам Робеспьер, когда их правительство было свергнуто. — *Прим. амер. перев.*]

“ [Робеспьер Максимильен-Мари-Изидор (1758—1794) — один из ведущих деятелей Французской революции. В 1793—1794 годах фактически возглавлял правительство Республики, являясь идеологом и руководителем революционной диктатуры. Сосредоточил в своих руках практически неограниченную власть; организатор массового террора. Казнен термидорианцами. — *Прим, изд.*]

⁵ [Жан Никола Бийо-Варенн (Jean Nicolas Billaud-Varenne) (1756—1819) член Конвента во время революции; вначале сторонник, затем враг Робеспьера; депортирован за участие в Царстве террора. — *Прим. амер. перев.*]

Фредерик Бастиа

правления развратных страстен, для ограничения неумных желаний и для уничтожения закоренелых пороков... Граждане! Прочный фундамент Спартанской республики создала негибкая суровость Ликурга. Слабый и доверчивый характер Солона вверг Афины в рабство. Эта параллель охватывает целую науку управления.

Ле-Пеллетье¹:

Учитывая степень человеческой деградации, я утверждаю, что необходимо осуществить всеобщую регенерацию и, если можно так выразиться, сотворить новый народ.

Социалисты хотят диктатуры

И вновь претензия на то, что люди — это сырье, и ничего более. Не им *изъявлять волю к собственному совершенствованию*, они к этому неспособны. По Сен-Жюсту, на это способен только законодатель. Людям надлежит быть лишь тем, чем *повелит* им быть законодатель. Согласно Робеспьеру, который дословно повторяет Руссо, законодатель начинает с декретирования цели, *для которой вводится в действие содружество*. И вот когда это определено, правительству остается только направить *физические и моральные силы нации* к этой цели. При этом жители страны должны оставаться совершенно пассивными.

¹ [Луи Мишель Лепелетье де Сен-Фаржо (Louis Michel Lerepeltier de Saint-Fargeau) (1760—1793) — член революционного Конвента, был смертельно ранен роялистом, после того как проголосовал за казнь Людовика XVI. — Прим. амер. персе.)

Л согласно учению Бийо-Варенна, у народа не должно быть никаких предрассудков, привязанностей и желаний, кроме тех, что разрешены законодателем. Он даже доходит до заявления, что несгибаемая суровость одного человека — фундамент республики. В тех случаях, когда утверждаемое на словах зло так велико, что обыкновенные правительственные меры не могут его излечить, Мабли рекомендует диктатуру для споспешествования достоинствам: «Обратитесь, — говорит он, — к чрезвычайному трибуналу со значительными полномочиями на короткое время. Воображение граждан нуждается в хорошей встряске».

11 Пслушаем Робеспьера:

Принцип республиканского правления — это добродетель, а средство, требуемое для установления добродетели — террор. В нашей стране мы стремимся заменить нравственностью себялюбие, честностью честь, принципами обычаи, обязательствами хорошие манеры, империей разума тиранию моды, презрением к пороку презрение ко власти, гордостью дерзость, величием души суетность, любовью к славе любовь к деньгам, добрыми людьми добрых компаньонов, достоинством козни, гениальностью остроумие, истиной блеск, очарованием счастья скуку удовольствия, величием человека малость великих, щедрыми, сильными, счастливыми людьми добродушных, пустых, деградировавших людей — короче говоря, мы стремимся заменить всеми достоинствами и чудесами республики все пороки и нелепости монархии.

Диктаторская надменность

На какую же головокружительную высоту над остальным человечеством помещает здесь себя Робеспьер! И обратите внимание на надменность, с которой он говорит. Он не согласен молить о великом пробуждении человеческого духа и не ожидает такого итога от упорядоченного правления. Нет, он сам переделает человечество, причем посредством террора.

Эта масса прогнивших и противоречивых положений взята из трактата Робеспьера, где он задается целью объяснить *принципы нравственности, которыми должно руководствоваться революционное правительство*. Заметьте, Робеспьер не выдвигает к диктатуре требования просто отбить иноземное вторжение или свалить противостоящие группы. Ему нужна диктатура скорее для того, чтоб он смог посредством террора навязать стране свои собственные принципы нравственности. Он говорит, что этот акт — лишь временная мера, предшествующая новой конституции. Но в действительности он стремится не стесняться в применении террора для истребления во Франции *эгоизма, нести, компаньонства, происков, остроумия, чувственности и бедности*. Он позволит закону править снова не раньше, чем он, Робеспьер, сотворит эти чудеса, которые он так и называет¹.

¹ [В этом месте оригинального французского текста Бастиа делает паузу и говорит всем доброжелателям и предполагаемым правителям следующее: «Ах вы, жалкие созданья! Вы, считающие себя столь великими! Вы, полагающие людей такими мелкими!»

Окольный путь к деспотизму

Обычно, однако, эти господа — реформаторы, законодатели и публицисты — не хотят навязывать деспотизм над человечеством впрямую. О нет, они слишком сдержанны и человеколюбивы для такого непосредственного действия. Нет, они прибегают к закону ради этого деспотизма, этого абсолютизма, этого всевластия. Они хотят лишь творить закон.

Чтобы показать преобладание этой ненормальной идеи во Франции, мне нужно привести не только все труды Мабли, Рейналя, Руссо и Фенелона плюс длинные выдержки из Боссюэ и Монтескье, но также целые судебные разбирательства Конвента. Не стану делать ничего подобного, просто отошлю к ним читателя.

*Наполеону нужно было пассивное
человечество*

Конечно, вовсе неудивительно, что та же самая идея была впоследствии привлечена Наполеоном. Он воспринял ее с жаром и применял решительно. Подобно химику, Наполеон расценивал всю Европу как вещество для своих опытов. Но при должном течении дел это вещество вступало в реакцию в ущерб ему. На острове Св. Елены Наполеон, основательно избавившийся от иллюзий, кажется, признал некоторую инициативу у человечества. Признав ее, он стал менее враждебен

Вы, желающие преобразовать всё! Отчего вы не преобразуете себя? Этой задачи было бы вполне достаточно». — Прим. ред. амер. изд.]

Фредерик Бастиа

к свободе. Тем не менее, это не удержало его от передачи такого урока сыну в своем волеизъявлении: «Править — значит увеличивать и распространять нравственность, образование и счастье». После всего этого едва ли нужно цитировать такие же мнения Морелли, Бабёфа, Оуэна, Сен-Симона и Фурье¹.

¹ [Морелли (Morelly) — французский утопический коммунист XVIII в. Автор поэмы «Базилиада» (1753) и трактата «Кодекс природы, или Истинный дух ее законов» (1755). Считал, что существующий строй, основанный на частной собственности, противоречит разуму и природе и должен быть заменен коммунистическими порядками. Почти неизвестный современникам, Морелли оказал влияние на формирование взглядов Г. Бабёфа, а также на французских утопических социалистов первой половины XIX в. (Э. Кабе, Ш. Фурье, отчасти Т. Дезами).

Ноэль Бабёф (Noel Babeuf) (1764—1797) — лидер крайне левого крыла плебейских сил во Французской революции. Был решительным противником всех правительств Французской революции за их недостаточную последовательность в деле осуществления действительного экономического и политического равенства. Проповедовал идею свержения существующего строя путем тайных заговоров и насильственного введения коммунистического строя, получившую название «бабувизма».

Роберт Оуэн (Robert Owen) (1771—1868) — английский реформатор и социалист, активно выступавший за улучшение условий труда фабричных рабочих.

Клод Анри де Ревруа граф де Сен-Симон (Claude Henri de Rouvroy, Comte de Saint-Simon) (1760—1826) — основатель французского социализма, призывавший к созданию промышленного государства, управляемого на основе «научных» принципов. Его работы были крайне популярны не только при его жизни, но и долгое время после его смерти.

Приведем, впрочем, одну выдержку из книги Луи Блана* ¹ по организации труда: «По нашему плану, общество получает движущую силу от власти». Теперь рассмотрим следующее: толчок этой движущей силе должен исходить из *плана* Луи Блана; его план должен быть навязан обществу; общество относится к роду человеческому. Следовательно, человечество должно получить свою движущую силу от Луи Блана. Далее будет сказано, что народ волен принимать или отвергать этот план. Правда, люди вольны принимать или отвергать *совет* от кого бы то ни было. Но Луи Блан понимает дело совсем не таким образом. Он надеется, что его план будет легализован и, значит, форсированно навязан народу силой закона:

По нашему плану, государству останется только проводить законы о труде (и больше ничего?) средствами, которыми может и должен осуществляться промышленный прогресс *в полной* .Государство

Шарль Фурье (F. C. M. Fourier) (1772—1837) — французский социалист, предлагавший организовать общество на основе больших групп людей численностью около 1600 человек, которые он называл «фалангами», живущими в одном здании, или «фаланстере». — *Прим. изд.]*

¹ [Луи Блан (Louis Blanc) (1811—1882) — французский утопический социалист, политик и историк, создатель общественных «мастерских», соединявших в себе элементы кооператива и профсоюза. Все зло в обществе приписывал давлению конкуренции, предлагая заменить ее принципом «каждому по потребностям, от каждого по способностям». В период Революции 1848 года член Временного правительства. — *Прим, изд.]*

Фредерик Бастиа

просто подвигает общество к наклонной плоскости (и это все?). Тогда общество соскользнет по этой плоскости исключительно под действием силы вещей и естественной работы *учрежденного механизма*.

Но что это за наклонная плоскость, о которой говорил Луи Блан? Не ведет ли она к пропасти? (Нет, она ведет к счастью.) Если это так, то почему общество не идет туда по собственному выбору? (Потому, что общество не знает, чего хочет; его надо подталкивать.) Что может подталкивать его? (Власть.) А кто должен дать толчок этой власти? (Как же, изобретатель машины, в данном случае — Луи Блан.)

Порочный круг социализма

Нам никогда не вырваться из этого круга: идея пассивного человечества и власти закона, используемого великим человеком для стимулирования народа. А будет ли общество на этой наклонной плоскости когда-нибудь наслаждаться свободой? (Разумеется.) А что такое свобода, г-н Луи Блан?

Раз и навсегда, свобода — не просто дарованное право; это также дарованная лицу власть использовать и развивать способности в царстве правосудия и под покровительством закона.

И это не бессмысленная особенность; смысл ее глубок, а ее последствия трудно оценить. В данном случае несомненно, лицо, дабы стать по-настоящему свободным, должно иметь власть применять и развивать свои способности, значит, каждое лицо требует от общества такого образования, которое *позволит ему*

развиваться. Отсюда следует также, что каждое лицо ожидает от общества производственных станков, без которых человеческая деятельность не может быть вполне эффективна. Ну а какими действиями может общество дать каждому лицу необходимое образование и необходимые станки, если не действиями закона?

Итак, вновь свобода — это власть. Из чего состоит эта власть? (Из существ образованных и существ, которым даны станки.) Кто должен дать образование и станки? (Общество, *обязанное дать это всем.*) Какими действиями должно общество дать станки тем, кто ими не владеет? (Как же, *действиями государства.*) А от кого общество их отберет?

Пускай читатель ответит на этот вопрос. Пусть он также отметит направление, в котором это нас увлекает.

Доктрина демократов

Странное явление нашего времени — то, что, вероятно, изумит наших потомков, — это доктрина, основанная на тройственной гипотезе: тотальная инертность человечества, всесилие закона и безошибочность законодателя. Эти три идеи образуют священный символ тех, кто провозглашает себя абсолютным демократом. Адвокаты этой доктрины также во всеуслышание объявляют ее *социальной*. Коль скоро они демократы, они питают безграничную веру в человечество. Но коль скоро они социально направлены, они уважают человечество чуть больше, чем толпу. Рассмотрим этот контраст подробнее.

Фредерик Бастиа

Каково отношение демократов, когда обсуждаются политические права? Как относятся они к народу, когда надо выбрать законодателя? Ну, тогда объявляется, что у народа инстинктивная мудрость; он одарен тончайшим пониманием, *его воля всегда*, всенародная воля не может ошибаться, голосование не может быть слишком всеобщим.

Когда пора голосовать, с избирателя явно не надо спрашивать гарантии его благоразумия. Его воля и способность выбирать мудро принимается как данность. Может ли народ ошибаться? Разве не живем мы в век просвещения? Что? Разве людей требуется всегда держать на привязи? Неужели они не завоевали свои права великими усилиями и жертвами? Неужели они не дали вполне достаточных доказательств своего ума и мудрости? Разве они не взрослые? Разве они не способны трезво взвешивать? Разве они не знают, что для них лучше? Есть ли класс или человек, который бы посмел поставить себя над народом и судить и действовать вместо него? Нет, нет, народ есть и должен быть *свободен*. Он желает управлять своими делами и будет делать это.

Но когда законодатель наконец избран, вот тогда тон их речи претерпевает прямо-таки коренную перемену. Народ возвращают к пассивности, инертности и несознательности; законодатель приходит ко всевластию. Теперь ему инициировать, стимулировать и организовывать. Человечеству приходится только подчиняться. Час деспотизма пробил. Мы уже наблюдаем эту фатальную идею: народ, который во время

выборов был так мудр, нравственен и совершенен, теперь не имеет никаких тенденций, а если и имеет, то это тенденции, ведущие к вырождению.

*Социалистическое представление
о свободе*

Не следует ли дать народу немного свободы?

Но г-н Консидеран¹ уверял нас, что свобода неизбежно ведет к монополии!

Мы понимаем, что демократическая свобода подразумевает конкуренцию. Но, согласно г-ну Луи Блану, конкуренция — это система, которая разоряет предпринимателя и истребляет народ. Именно по этой причине свободные разоряются и гибнут в соответствии со степенью их свободы. (Возможно, г-ну Луи Блану следовало бы обратиться к результатам конкуренции, например в Швейцарии, Голландии, Англии и США.)

Г-н Луи Блан также говорит нам, что конкуренция ведет к монополии, и, обосновывая это таким же путем, сообщает нам, что низкие цены ведут к высоким ценам, что конкуренция гонит производство к разрушительной активности, что конкуренция напрочь истощает источники, что конкуренция вызывает рост производства, в то же время вынуждая сокращать потребление. Отсюда

¹ [Виктор Консидеран (Victor Considerant) (1808—1893) — французский социалист-утопист, последователь Фурье. Выступал с идеей «примирения классов» путем создания ассоциаций. — Прим. амер. персв.]

Фредерик Бастиа

следует, что свободные люди производят не ради потребления, что свобода означает *угнетение и безумие* среди людей и что г-н Луи Блан должен уделить этому все свое внимание.

Социалисты боятся любых свобод

Так какие же свободы могли бы дать народу законодатели? Свободу совести? (Но если б она была разрешена, то мы бы увидели, как народ хватается за возможность атеизма.) Тогда свободу образования? (Но родители платили бы преподавателям за обучение их детей безнравственности и ложным представлениям. Кроме того, согласно г-ну Тьеру, если б образование строилось на национальной свободе, то оно перестало бы быть национальным, и мы учили бы детей идеям турок или индусов; при этом остается признать: благодаря такому легальному деспотизму над образованием наших детей приходится теперь осчастливливать обучением благородным идеям римлян.)

Тогда свободу труда? (Но она означала бы конкуренцию, которая в свою очередь оставляет продукцию непотребляемой, разоряет дельцов и истребляет народ.) Быть может, свободу торговли? (Но все знают, и защитники протекционистских тарифов не раз доказали, что свобода торговли разоряет каждого, кто в ней занят, и что необходимо подавлять свободу торговли ради процветания.)

Тогда, возможно, свободу объединений? (Но, согласно социалистическому учению, истинная свобода и добровольные объединения находятся во взаимном

противоречии, и цель социалистов — подавить свободу объединений как раз ради продвижения людей к объединению в рамках подлинной свободы.)

Отсюда ясно, что совесть социал-демократов не может позволить личностям никакой свободы, ибо они считают, что человечество по природе всегда тяготеет ко всякого рода деградации и расстройству. Таким образом, законодатели, конечно, должны строить планы в отношении народа с целью спасения его от него самого.

Такая цепь рассуждений ставит нас перед вопиющим вопросом: если люди столь неспособны, безнравственны и несведущи, как указывают политики, то зачем же право голоса тех же самых людей отстаивается с таким страстным упорством?

Идея о сверхчеловеке

Притязания этих организаторов рода человеческого поднимают еще один вопрос, который я задавал им и на который, насколько я знаю, они так и не ответили: если врожденные наклонности человечества плохи настолько, что предоставлять людям свободу небезопасно, то отчего же наклонности этих организаторов непременно хороши? Разве законодатели и их наемные агенты не принадлежат к той же человеческой расе? Или неужели они думают, что сами сделаны из более гонкой глины, чем остальное человечество?

Организаторы утверждают что общество, лишенное управления, стремглав мчится к неизбежному распаду, так как людские инстинкты очень порочны. Законодатели стараются прервать

Фредерик Бастиа

этот курс к самоубийству и придают ему более здоровое направление. Впечатление такое, будто законодателям и организаторам дарованы Небом такие ум и достоинство, которые ставят их вне и над человечеством; а раз так, то пусть они покажут свои способности к такому превосходству.

Они стали бы пастухами над нами, их овцами. Разумеется, такое решение предполагает их прирожденное превосходство над остальными; и, разумеется, мы вполне оправданно можем требовать от законодателей и организаторов доказательств их прирожденного превосходства.

Социалисты отвергают свободный выбор

Прошу уяснить, я не оспариваю их право придумывать социальные комбинации, подавать себя, выступать в свою защиту и действовать на собственный страх и риск. Ноя оспариваю их право осуществлять по отношению к нам эти планы законным, т.е. насильственным, путем и заставлять нас оплачивать их нашими налогами.

Я не настаиваю, чтобы сторонники различных социальных философских школ — Прудона¹, Кабе²,

¹ [Пьер-Жозеф Прудон (Pierre Joseph Proudhon) (1809—1866) — французский социалист, теоретик анархизма. Пропагандировал мирное переустройство общества путем реформы кредита и обращения; выдвинул идею учреждения Национального банка с целью предоставления дарового кредита и организации эквивалентного обмена продуктов труда мелких производителей. В период Революции 1848 года выдвигал проекты экономического

Фурье, классицисты и протекционисты — отrekliсь от своих специфических идей. Я настаиваю лишь, чтобы они отказались от общей для них идеи: *заставить* нас молча согласиться с их группами и сериями, их проектами по обобществлению, с их банками дарового кредита, их греко-римскими представлениями о нравственности и их коммерческим регулированием. Я всего лишь прошу, чтоб по вопросу этих планов нам было позволено самим принимать решение, чтоб нас не заставляли, прямо или косвенно, следовать им, если мы считаем, что они противоречат нашим главным интересам или противны нашей совести. Но эти организаторы жаждут согласиться на налоговые фонды и власть закона, для того чтобы провести свои планы.

Помимо того что это угнетение и несправедливость, в таком намерении содержится и пагубное предположение, что организатор безошибочен, а люди некомпетентны. Но опять-таки, если люди не способны судить сами о себе, то зачем то и дело говорить о всеобщем избирательном праве? ¹

сотрудничества классов и анархистскую теорию «ликвидации государства». По вопросу дарового кредита между Бастиа и Прудонном состоялась дискуссия на страницах издававшейся Прудоном газеты «Голос народа». — *Прим, изд.]*

¹ [Этьен Кабе (Etienne Cabet) (1786—1856) — французский публицист, идеолог утопического коммунизма. Социально-философский роман «Путешествие в Икарию» (1840) изображает устройство утопического коммунистического общества. Предпринял попытку создать колонию икарийцев в Америке (на Красной реке в Техасе и в Науву в Иллинойсе). — *Прим, изд.]*

Фредерик Бастиа

Причина французских революций

Спор идей, к несчастью, но закономерно, отразился на событиях во Франции. Французы, например, привели остальных европейцев к борьбе за свои права, или, точнее, к политическим требованиям. Этот факт еще не уберег нас от того, чтобы стать самым управляемым, самым зарегулированным, принуждаемым, самым связанным по рукам и ногам и самым эксплуатируемым народом в Европе. Франция также сводит все остальные нации к положению той, в которой постоянно предчувствуются революции. При таких обстоятельствах, вполне естественно, так оно и будет.

Так и будет до тех пор, пока наши политики принимают мысль, прекрасно выраженную г-ном Луи Бланом: «Общество получает импульс от власти». Так будет до тех пор, пока человеческие существа, наделенные чувствами, продолжают оставаться пассивными, пока они считают себя неспособными устроить свое процветание и счастье собственным умом и энергией, пока они всего ждут от закона, словом — пока они относятся к государству так же, как овца относится к пастуху.

Огромная власть правительства

До тех пор пока господствуют эти идеи, ясно, что ответственность правительства огромна. Удача и неудача, благосостояние и нищета, равенство и неравенство, добродетель и порок — все тогда зависит от администрации. Она всем облечена, она все предпринимает, все делает, следовательно, она за все отвечает.

Если нам сопутствует удача, правительство рассчитывает на нашу благодарность; но если нас постигает неудача, правительство должно нести ответственность за это. Разве не находятся наши личность и собственность в распоряжении правительства? Разве не всемогущ закон?

Добиваясь монополии на воспитание, правительство должно отвечать чаяниям отцов и семей, которые, таким образом, лишены свободы; а если эти чаяния разбиты, то кто виноват?

Регулируя промышленность, правительство обязуется добиться ее процветания; иначе нелепо отнимать у промышленности свободу. А если промышленность страдает, то кто виноват?

Вмешиваясь в торговый баланс, играя с тарифами и акцизами, правительство таким образом обязуется добиться процветания торговли; а если вместо процветания это приводит к развалу, то кто виноват?

Оказывая покровительство морским промыслам взамен их свободы, правительство принимает меры к их прибыльности; и если они становятся обузой для налогоплательщиков, то кто виноват?

Итак, у нас нет ни единой обиды, за которую правительство не берет на себя добровольной ответственности. Удивительно ли тогда, что любой провал увеличивает угрозу революции в Европе?

Какое же средство предлагается против этого? Неограниченное расширение сферы действия закона, т.е. ответственности правительства.

Но если правительство занимается контролем и повышением жалованья и не справляется с этим.

Фредерик Бастиа

если правительство берет на себя заботу обо всех, кто может нуждаться, и не справляется, если правительство берет на себя поддержку всех безработных и не справляется, если правительство дает беспроцентные займы всем заемщикам и не справляется, если, выражаясь словами, вышедшими, к сожалению, из-под пера г-на де Ламартина, «государство считает, что его предназначение — просвещать, развивать, расширять, усиливать, одухотворять и освящать душу народа», и если правительство со всем этим не справляется, то что тогда? Разве не наступит после каждого провала правительства, который — увы! — более чем вероятен, равно неизбежная революция?

Политика и

1

Экономическая наука должна быть разработана до того, как будет логически сформулирована наука политическая. В сущности, политическая экономия — наука, выясняющая, являются ли интересы людей гармоничными или антагонистичными. Это надо знать, прежде чем политическая наука определится в формулировании надлежащих функций правления.

Следует дать ответ на непосредственно вытекающий из развития экономической и в самом начале формулирования политической науки принципиальный вопрос: что есть закон? Чем он должен быть? Каково его поле деятельности, его пределы? По логике, на

¹ [Г-н Бастиа посвятил три книги и несколько статей развитию идей, содержащихся в трех абзацах этой главы. — *Прим. амер. пере в.]*

каком рубеже останавливается справедливая власть ◆аконодателя?

Я без колебаний отвечаю: *закон коллективная сила, предназначенная противостоять несправедливости.* Одним словом, *закон есть справедливость.*

Надлежащие законодательные функции

Это неверно, что законодатель имеет абсолютную власть над нашей личностью и собственностью. Существование личности и собственности предшествовало существованию законодателя, и его функция — всего лишь гарантировать их безопасность.

Неверно, что функция закона — регулировать наши сознание, идеологию, волю, образование, мнение, работу, торговлю, наши таланты или наши удовольствия. Функция закона — защищать свободное выражение этих прав и предупреждать вторжение в свободное выражение этих прав любого другого человека с такими же правами.

Так как закон с необходимостью является применением силы, то его законная область лежит только в пределах, где применение силы законно, а именно когда дело касается справедливости.

Каждый человек имеет право использовать силу для законной самообороны. Именно по этой причине коллективная сила, являющаяся лишь организованным сочетанием индивидуальных сил, может законно применяться с той же целью и не может применяться узаконении ни с какой иной целью.

Фредерик Бастиа

Закон — всего-навсего организация права личности на самозащиту, которая была до того, как закон появился официально. Закон есть справедливость.

*Закон и благотворительность —
не одно и то же*

Миссия закона *не* в том, чтобы угнетать людей и грабить их имущество, даже хотя бы закон и действовал **В** филантропическом духе. Его миссия — защищать личность и имущество.

Более того, нельзя сказать, что закон может носить филантропический характер, если он препятствует угнетению личности и грабежу его собственности. Это было бы противоречием. Закон не может избежать воздействия на личность и собственность; и если закон занимается всем чем угодно, но только не их защитой, то его действие неизбежно насилует свободу личности и его право на собственность.

Закон — это справедливость, простая и ясная, точная и очерченная. Ее видят глаза, ее схватывает разум, ибо справедливость измерима, непреложна и неизменна. Правосудие не больше того и не меньше.

Если вы переступите присущие ему границы — если попытаетесь сделать закон религиозным, братским, уравнительным, филантропическим, индустриальным, литературным или художественным, — то вы заблудитесь на неисследованной территории, в неопределенности и нечеткости, в принудительной утопии или, хуже того, во множестве утопий, каждая из которых стремится захватить закон и навязать его вам.

Это так, потому что, в отличие от правосудия, братство и филантропия не имеют четких границ. Начав однажды, где вы остановитесь? И где остановится закон?

Столбовая дорога к коммунизму

Г-н де Сен-Крик¹ предполагает распространить свою филантропию только на кое-какие промышленные группы. Он полагает потребовать, чтобы закон контролировал заказчиков на благо производителям.

Г-н Консидеран полагает финансировать дело трудовых групп. Он полагает использовать закон для обеспечения их гарантированным минимумом платя, жилья, пищи и всех прочих жизненных нужд.

Г-н Луи Блан полагает заявить — и резонно, — что эти гарантии минимума — только начало совершенного братства. Он полагает заявить, что закон должен дать станки и бесплатное образование всем трудящимся.

Другой на его месте заметил бы, что такое обустройство все равно оставляет возможности для неравенства. И он стал бы претендовать также на то, чтобы закон дал всем — даже в самой захолустной деревушке — предметы роскоши, литературы, искусства.

Все эти предложения — столбовая дорога к коммунизму. Законодательство тогда станет — фактически уже стало — полем битвы фантазий и алчности каждого.

¹ [Пьер Лоран Бартелеми граф де Сен-Крик (Pierre Laurent Barthelemy, Comte de Saint-Cricq) — член палаты депутатов, министр торговли с 4 января 1848 года по 8 августа 1849 года, позднее пэр Франции. — *Прим. персе.*]

Основа устойчивого правления

Закон — это справедливость. При этом утверждении можно предполагать простое и устойчивое правление; и я не согласен с любым, кто рассказывает, как могла бы появиться даже мысль о революции, мятеже, самом осторожном восстании против правительства, чья организованная сила ограничивается только подавлением несправедливости.

При таком режиме было бы наибольшее процветание, и оно распределялось бы наиболее равным образом. Что касается страданий, неотделимых от человечества, никто бы даже и не подумал обвинять в них правительство. Это правда, ибо сила правительства была бы ограничена пресечением несправедливости, тогда правительство было бы невиновно в страданиях, как сейчас невиновно оно в перепадах температуры.

В доказательство этого положения рассмотрим такой вопрос. Был ли народ когда-либо замечен в бунте против апелляционного суда, или штурмовала ли толпа мирового судью с целью получить большую оплату, бесплатные кредиты, станки, благоприятные расценки или созданные государством рабочие места? Все прекрасно знают, что такие вещи вне юрисдикции суда по рассмотрению гражданских дел или мирового судьи. А раз правительство ограничивалось соответственными функциями, все вскоре уясняли, что эти вещи вне юрисдикции самого закона.

Но постройте закон на принципе братства, провозгласите, что все доброе и все дурное проистекает из закона, что во всех личных бедах и всем социальном

Неравенстве виноват закон — и будет открыта дверь бесконечной веренице жалоб, раздражения, беспорядком и революций.

*Справедливость подразумевает
равные права*

Закон — это справедливость. Было бы поистине странно, если б закон мог быть чем-то еще! Разве справедливость не является правом? Разве права не являются равными? По какому праву закон вынуждает меня утверждать социальные планы г-д Мимереля, де Мелена, Тьера¹ или Луи Блана? Если закон имеет моральное право так поступать, то отчего он не заставляет этих господ согласиться с *моими планами*? Логично ли подозревать, что природа не наделила меня достаточным воображением, чтобы тоже измыслить утопию? Должен ли закон выбирать одну фантазию из многих и поставить одной ей на службу организованную силу правительства?

Закон — это справедливость. И нельзя сказать, как продолжают говорить, что закон может стать атеистическим, индивидуалистическим и бессердечным,

¹ [Арман де Мелен (Armand de Melun) (1807—1877) — видный филантроп, лидер общества Saint Vincent de Paul, по политическим взглядам умеренный консерватор.

Луи Адольф Тьер (Louis Adolphe Thiers) (1797 — 1877) — французский государственный деятель и историк, противник свободной торговли и во времена Бастиа сторонник проведения Францией агрессивной антианглийской политики. — *Прим. амер. перев.]*

Фредерик Бастиа

что он может творить человеческий род по своему образу. Это абсурдный вывод, достойный лишь тех поклонников правительства, кто верит, что закон есть род человеческий.

Бессмыслица! Неужели эти поклонники правительства верят, что свободные люди прекратят действовать? Следует ли из этого, что если мы не получаем энергии от закона, то не получаем ее вообще? Следует ли из этого, что если закон ограничен функцией защиты свободного применения наших способностей, то мы будем не в состоянии применить наши способности?

Предположите, что закон не принуждает нас следовать определенным формам религии, или порядка вступления в союзы, или приемов воспитания, или регулирования труда, или регулирования торговли, или планов благотворительности. Следует ли из этого, что мы нетерпеливо впадем в безбожие, отшельничество, невежество, нищету и жадность? Если мы свободны, следует ли из этого, что мы больше не будем признавать власть и милость Бога? Следует ли из этого, что мы перестанем объединяться, помогать друг другу, любить наших несчастных собратьев и оказывать помощь, изучать тайны природы и стараться улучшать себя со всей силой своих способностей?

Путь к достоинству и прогрессу

Закон — это справедливость. И именно по закону справедливости — в царствование права, под влиянием свободы, безопасности, устойчивости и ответствен-

пости — каждый человек обретет свою настоящую ценность и подлинное достоинство своего существа. Именно по закону справедливости достигнет человечество — несомненно, медленно, но верно — упорядоченного и мирного прогресса гуманности по Божьему промыслу.

Мне это кажется теоретически верным, так как, при каком бы то ни было обсуждаемом вопросе — религиозном, философическом, политическом или экономическом, чего бы он ни касался — процветания, морали, равенства, права, правосудия, прогресса, ответственности, сотрудничества, бедности, труда, торговли, капитала, оплаты, налогов, населения, финансов или управления, с какой бы точки на научном горизонте я ни начинал свои исследования, я неизменно прихожу к одному заключению: решение проблем человеческих взаимоотношений следует искать в свободе.

Доказательство идеи

А доказывается ли это опытом? Огляните весь мир. В каких странах самый мирный, самый нравственный и самый счастливый народ? Эти народы живут в странах, где закон менее всего вмешивается в частные дела, где правительство менее всего ощущается, где у индивидуума наибольший простор, а свободное мнение пользуется наибольшим влиянием, где административная власть самая умеренная и простая, где налоги наименее обременительны и почти равны для всех, а у народного недовольства меньше всего оснований для

Фредерик Бастиа

пробуждения. Эти народы — в странах, где индивидуумы и группы особенно активно исполняют свои обязанности и, следовательно, где нравы, признаться, несовершенных человеческих существ постоянно улучшаются, где торговля, собрания и сообщества наименее ограничены, где труд, капитал и население менее всего страдают от перемещений, где люди в наибольшей степени следуют своим наклонностям, где человеческие изобретения более всего отвечают Божьим законам.

Короче говоря, наисчастливейший, самый нравственный и самый мирный народ — это тот, который теснее всего придерживается принципа: несмотря на несовершенство человечества, вся надежда все-таки на свободные и добровольные деяния лиц в пределах права. Закон или силу нельзя применять ни для чего, кроме администрирования всеобщего правосудия.

Страсть править другими

Необходимо сказать: в мире слишком много «больших» людей — законодателей, организаторов, благотельей, народных вождей, отцов нации, и т.д., и т.п. Слишком многие ставят себя над человечеством; они делают карьеру на его организации, патронировании и на управлении им.

Однако кто-то скажет: «Вы же сами занимаетесь именно этим».

Верно. Но следует допустить, что я действую совсем в ином смысле. Если б я присоединился к отряду преобразователей, то с единственной целью убедить

их оставить народ в покое. Я не смотрю на народ, как Вакансон смотрит на свой автомат. Скорее, как физиолог принимает человеческое тело таким, как оно есть, так и я принимаю людей такими, каковы они есть. Я стремлюсь только изучать и восторгаться.

Мое отношение ко всем другим хорошо иллюстрируется рассказом одного известного путешественника. Однажды он прибыл в племя дикарей, где только что родился ребенок. Его окружила куча ворожей, кудесников и знахарей, вооруженных кольцами, крюками и веревками. Один из них сказал: «Это дитя никогда не узнает аромат трубки мира, пока я не растяну его ноздри». Другой сказал: «Он никогда не будет слышать, пока я не вытяну мочки его ушей до плеч». Третий сказал: «Он никогда не увидит солнечный свет, пока я не скошу ему глаза». Еще один сказал: «Он никогда не встанет прямо, пока я не согну ему ноги». Пятый сказал: «Он никогда не научится думать, пока я не разглажу его череп».

«Стойте, — крикнул путешественник. — То, что сделал Бог, сделано хорошо. Не претендуйте на то, будто умеете больше Его. Бог дал органы этому хрупкому созданию; пусть он развивается и растет сильным благодаря упражнениям, пользе, опыту и свободе». ¹

¹ [Жак де Вакансон (Jacques de Vaucanson) (1709—1782) — получил известность своими механическими игрушками, самыми известными из которых были «Флейтист» и «Утка». — Прим, амер. перев.]

Фредерик Бастиа

Отведаем же свободы

Господь даровал людям все, что им необходимо для выполнения своего предназначения. Он предусмотрел общественную форму, так же как и человеческую; и общественные органы устроены так, что будут развиваться гармонично в чистом воздухе свободы. Долой знахарей и организаторов! Долой их кольца, цепи, крючья и клещи! Долой их искусственные системы! Долой прихоти государственных администраторов, их проекты по обобществлению, их централизацию, их тарифы, правительственные школы, государственную религию, их безвозмездные кредиты, их банковские монополии, их регламентацию, их ограничения, их уравнивание в налогообложении и их благочестивое морализирование!

А теперь, после того как законодатели и благодетели так тщетно навязывали обществу столько систем, пусть же они в конце концов останутся там, где начали. Пусть же они отвергнут всякие системы и отведают свободы. Ибо свобода — признание веры в Бога и в Его труды.

Собственность и Закон

/Доверие моих сограждан облекло меня полномочиями законодателя.

Ноя непременно отказался бы от этого звания, если бы понимал его так же, как Руссо.

Всякий, кто осмеливается взяться за формирование нации, говорит он, должен ощущать себя в некотором смысле способным к изменению человеческой природы; к преобразованию каждого индивидуума, который сам по себе является законченным отдельным целым, в часть более объемного целого, от которого этот индивидуум неким образом получает свою жизнь и свое бытие; к изменению физической конституции человека с целью укрепления таковой, и т.д., и т.п. Если верно то, что великий государь — это редкость, то что же тогда можно сказать о великом законодателе? Первому требуется лишь следовать образцу, который подготовлен другим. Последний есть изобретатель, который создает механизм; первый же — всего лишь оператор, который запускает его и управляет им.

Руссо, будучи убежденным в том, что общество — это человеческое творение, счел необходимым поставить закон и законодателя на крайне удаленное возвышение. Он усматривал между законодателем и остальным человечеством столь же великую дистанцию или, вернее, столь же великую пропасть, как та,

Фредерик Бастиа

что отделяет изобретателя машины от инертного материала, из которого она создана.

По его мнению, закон должен преобразовывать людей и создавать или же не создавать собственность. По моему мнению, общество, отдельные его члены и собственность существуют прежде, чем закон, и поэтому — останавливаясь непосредственно на последнем из пунктов — я бы сказал так: это *собственность существует, потому что есть* , *а законы существуют, потому что есть собственность.*

Противопоставление этих двух систем является основополагающим. Ввиду того, что последствия, которые вытекают из них, то и дело от нас ускользают, я надеюсь, что мне будет позволено предельно уточнить сущность этого вопроса. Для начала я позволю себе заметить, что использую слово «собственность» именно в самом общем значении, а не в ограниченном значении земельной собственности. Я сожалею, и со мной, возможно, сожалеют все экономисты, что это слово невольно наводит нас на мысли о владении землей. Под собственностью я понимаю право, которое трудящийся имеет на ценность, которую он создал своим трудом.

Теперь, исходя из вышесказанного, я ставлю вопрос о том, создано ли это право законом, или же, напротив, оно стоит прежде и превыше закона; требуется ли закон для возникновения права на собственность или же, наоборот, собственность — это существовавший прежде факт и вместе с тем право, которое положило начало закону. В первом случае функция

законодателя будет состоять в том, чтобы организовать, видоизменить или даже устранить собственность, если он сочтет за благо так поступить; во втором случае его юрисдикция ограничивается гарантией и охраной прав собственности.

В предисловии к проекту конституции, опубликованному одним из величайших мыслителей нашей эпохи г-ном де Ламенне¹, я нахожу следующие слова:

Французский народ заявляет, что он признаёт права и обязанности прежде и свыше всех действующих законов и независимо от них.

Эти права и обязанности, происходящие непосредственно от Бога, сведены воедино в тройном догмате, который выражают эти священные слова: Равенство, Свобода, Братство.

У меня возникает вопрос о том, не является ли право на собственность одним из тех прав, которые, отнюдь не исходя от действующих законов, стоят прежде закона и являются причиной для его существования.

Это вовсе не теоретический и не праздный вопрос, как можно было бы подумать. Он имеет огромное, фундаментальное значение. Его решение для общества крайне необходимо, и читатель, как я надеюсь, сможет в этом убедиться после того, как я сопоставлю две обсуждаемые системы по отношению к их происхождению и их последствиям.

¹ [Фелисите де Ламенне (Fe'licite de Lamennais) (1782—1854) — французский философ, католический священник, реформатор и страстный поборник интересов рабочих классов. — Прим. амер. перев.]

Фредерик Бастиа

Экономисты полагают, что собственность — это predetermined явление, равно как и человеческая жизнь. Закон не порождает на свет это явление, так же как он не порождает и другое. Собственность есть неотъемлемое следствие природы человека.

Человек в полном смысле слова рождается собственником, поскольку рождается он с потребностями, удовлетворение которых необходимо для жизни, а также с органами и способностями, применение которых необходимо для удовлетворения этих нужд. Способности являются лишь продолжением человека; а собственность — это не что иное, как продолжение способностей. Лишить человека его способностей — значит обречь его на смерть; лишить человека продукта его способностей — значит также predetermined его смерть.

Есть некоторые политические теоретики, которые весьма усердно стремятся познать, каким Богу следовало создать человека. Мы же со своей стороны изучаем человека таким, каким Бог его уже сотворил. Мы видим, что он не может жить без обеспечения собственных потребностей, что он не может обеспечивать собственные потребности, не прибегая к труду, и что он не станет заниматься любым трудом, если он не уверен в том, что плоды его труда будут применены для удовлетворения его потребностей.

Именно поэтому мы убеждены, что собственность была установлена свыше и что назначение человеческого закона — это ее защита или безопасность.

Разве не верно то, что собственность стоит прежде закона, если это признается даже среди дикарей, у которых вовсе нет законов или, по крайней мере, нет законов письменных. Если дикарь посвятил свой труд возведению хижины, то никто не станет оспаривать его владение этой хижинной или право собственности на нее. Безусловно, другой, более сильный дикарь может выгнать его оттуда, но это не может не вызвать гнева и беспокойства всего племени. Вот именно подобное злоупотребление силой и служит поводом для объединения, для всеобщего соглашения, для установления закона, а также ставит общественные силы правопорядка на защиту собственности. Следовательно, закон является порождением собственности, а не собственность является порождением закона.

Мы можем заметить, что принцип собственности признается даже среди животных. Ласточка спокойно ухаживает за своими птенцами в гнезде, которое было создано ее собственным трудом.

Даже растения живут и развиваются за счет ассимиляции, за счет присвоения. Они усваивают вещества, газы, соли, что находятся в пределах их досягаемости. Достаточно в той или иной мере нарушить этот процесс, чтобы вызвать их увядание и гибель.

Человек также живет и развивается за счет присвоения. Присвоение — это природное явление, predetermined and necessary for his life; а собственность — это всего лишь присвоение, которое труд сделал правомерным. Когда труд предоставил

Фредерик Бастиа

вещества, пригодные для усвоения и присвоения, которые не были таковыми прежде, то я никак не могу усмотреть, каким образом можно предположить, что акт присвоения по праву должен быть осуществлен в пользу иного лица, а не того, кем была выполнена работа.

Именно по причине этих изначальных обстоятельств, которые являются неизбежными следствиями самой природы человека, и вступает в дело закон. Поскольку стремление к жизни и саморазвитию способно побудить сильного человека обобщить слабого и таким образом попрасть его право на плоды его труда, было обусловлено, что совместное влияние всех членов общества должно быть направлено на предотвращение и подавление насилия. Функция закона, таким образом, — охранять право на собственность. Предметом соглашения является не собственность, а закон.

Теперь же мы обратимся к истокам противоположной системы.

Все наши прежние конституции гласят, что собственность неприкосновенна, и этот факт явно указывает на то, что целью организации общества является свободное развитие частных объединений или отдельных лиц посредством их труда. Из этого следует, что право на собственность предшествует закону, так как единственная цель закона должна состоять в защите собственности.

Однако мне хотелось бы знать, не было ли подобное утверждение внесено в наши конституции, так сказать, инстинктивно, просто как заученная фраза, как

мертвый закон, и на самом ли деле оно лежит в основе всех наших общественных убеждений.

Теперь же, если верны слова о том, что литература — это зеркало общества, то на этот счет вполне могут возникнуть сомнения; ибо определенно никогда еще политические теоретики, после всех уважительных поклонов в сторону принципа собственности, так не настаивали на вмешательстве закона, причем не для охраны прав собственности, а ради того, чтобы видоизменять, сокращать, преобразовывать, компенсировать, уравнивать и организовывать собственность, кредит и труд.

Стало быть, этим предполагается, что абсолютная власть над людьми и собственностью передана закону, а в соответствии с этим — и законодателю.

Это может вселить в нас тревогу, но не должно удивлять нас.

Откуда мы заимствуем наши понятия об этих вопросах или даже само наше представление о правах? Из римской литературы и римского права.

Я не изучал правовую науку, но для меня достаточно знать, что первоисточником для наших теорий является римское право, чтобы утверждать, что они являются ложными. Римляне не могли не рассматривать собственность иначе как сугубо обусловленный факт — то есть продукт, искусственное творение письменного закона. Очевидно, что они не могли обратиться назад, как это делает политическая экономия, к истинной природе человека и постичь взаимоотношения и обязательные связи, которые существуют между

Фредерик Бастиа

потребностями, способностями, собственностью и трудом¹. Поступить так было бы для них абсурдным и самоубийственным. *могли это сделать, если жили за счет грабежа, если вся их собственность была результатом грабежа, если они основали весь свой образ жизни на труде рабов; как они могли, не потревожив при этом основ своего общества, ввести в свое законодательство идею о том, что подлинным основанием для права на собственность является труд, который ее производит? Нет, они не могли ни сказать, ни даже подумать об этом.* Им пришлось прибегнуть к сугубо эмпирическому определению собственности — *jus utendi et abutendi* — то есть к определению, которое указывает лишь на результаты, но не на причины или истоки, поскольку таковые, разумеется, римляне были вынуждены скрыть из поля зрения.

Грустно думать, что правовая наука, как мы ее знаем в XIX веке, по-прежнему основывается на принципах, сформулированных в древние времена ради оправдания рабства; однако объясняется это просто. Преподавание права монополизировано во Франции, а монополия исключает прогресс.

¹ [Труд здесь понимается в локковском, а не в марксистском смысле, отнюдь не означая безусловного права рабочего на продукцию фабрики. См.: Локк Дж. Два трактата о правлении. Кн. 2. Гл. III. О собственности. — Прим. ГВЛЛ.]

[Право употребления и злоупотребления (*лат.*) (т.е. право полной собственности). — Прим, изд

Конечно, юристы не формируют все общественное мнение; однако же следует сказать, что университетское и духовное образование чудесным образом готовит французскую молодежь к усвоению ложных представлений юристов по этим вопросам, поскольку, чтобы лучше убедиться в этом, оно погружает всех нас в течение десяти лучших лет из нашей жизни в ту атмосферу войн и рабства, которая окружала и насквозь пропитывала собой римское общество.

Не удивляйтесь в таком случае восстановлению в XVIII веке римского понятия о том, что собственность — это предмет соглашения и основа для правового института; что отнюдь не закон является следствием собственности, а как раз собственность является следствием закона. Мы знаем, что для Руссо не только собственность, но и общество в целом являлось результатом договора, плодом изобретения, продуктом разума законодателя.

Общественный порядок является священным правом, которое служит основой для всех остальных прав. Тем не менее это право происходит не от Природы. Следовательно, оно основано на соглашении.

Таким образом, право, которое служит основой для всех остальных прав, является сугубо конвенциональным. Стало быть, собственность, которая является последующим правом, также обусловлена соглашением. Она не происходит от Природы.

Робеспьер был поглощен идеями Руссо. В словах, которые последователь говорит о собственности, мы узнаем теории и даже риторические формы его учителя:

Фредерик Бастиа

Сограждане, сперва я выношу на ваше рассмотрение несколько пунктов, обязательных для составления нашей теории собственности. Пусть это слово никого не потревожит. Вам, корыстные души, кои почитают лишь золото, опасаться нечего; я не стремлюсь присвоить ваши сокровища, как бы ни был нечист способ их добычи... Что до меня, то я бы предпочел родиться на свет в хижине Фабриция¹, нежели во дворце Лукулла² (и т.д., и т.п.).

Здесь следует заметить, что при рассмотрении понятия собственности иррационально и опасно трактовать этот термин как синоним богатства или, что еще хуже, богатства, добытого нечестным путем. Хижина Фабриция — это такая же собственность, как и дворец Лукулла. Но позвольте мне обратить внимание читателей на следующие слова, в которых обобщается целая система:

Давая определение свободе, этой первоочередной потребности человека, наиболее священному из его естественных прав, мы вполне обоснованно заявили

¹ [Гай Фабриций Лусциний (Gaius Luscinius Fabricius) — выдающийся древнеримский военачальник и консул (в 282 и 278 годах); когда он был направлен к Пирру для переговоров о выкупе и обмене пленных в 280 году до н.э., его честность произвела такое впечатление на Пирра, что пленные были отпущены без выкупа. Он умер в такой бедности, что государству пришлось взять на себя содержание его дочери. — *Прим. амер. перев.*]

² [Лукулл Луций Лициний (Lucius Licinius Lucullus) (ок. 110—ок. 56 до н.э.) — древнеримский полководец и плутократ. Славился богатством, роскошью и пирами («лукуллов пир»). — *Прим. амер. перев.*]

о том, что ограничением для нее являются права других людей. Так почему же вы не применили этот принцип к собственности, которая является общественным установлением, как будто вечные законы Природы менее незыблемы, чем правила, принятые людьми?

После этих вступительных замечаний Робеспьер формулирует свои принципы в следующих выражениях:

Пункт 1. Собственность — это право, которым должен пользоваться каждый гражданин и распоряжаться той долей товаров, которая гарантирована ему по закону.

Пункт 2. Право на собственность ограничивается, как и все другие права, обязанностью уважать права других граждан.

Таким образом, Робеспьер противопоставляет свободу и собственность. Существует два права различного происхождения: одно происходит от Природы; другое является общественным установлением. Первое является естественным; второе — конвенциональным.

Тот факт, что Робеспьер налагает схожие ограничения на два этих права, должен был, казалось бы, привести его к мысли о том, что они имеют одно и то же происхождение. Идет ли речь о свободе или о собственности, соблюдать право других — значит не уничтожать или попира́ть право, а признавать и поддерживать его. Это именно так, потому что собственность,

Фредерик Бастиа

так же как и свобода, является правом, предшествующим закону, которое в обоих случаях существует только при условии соблюдения подобного права других, и функция закона как раз в том, чтобы следить за соблюдением этого ограничения, а это подразумевает признание и поддержку этого самого принципа.

В любом случае несомненно то, что Робеспьер, следуя примеру Руссо, рассматривал собственность как общественное установление, институт, как принятое правило. Он отнюдь не связывал собственность с ее подлинным обоснованием, каковым является труд. Это есть право, как сказал он, на распоряжение долей товаров, *гарантированной законом*.

Нет особой необходимости напоминать здесь о том, что через Руссо и Робеспьера римская идея собственности была унаследована всеми нашими доморожденными философскими школами социалистической направленности. Нам известно, что первый том сочинений Луи Блана, посвященный теме революции, представляет собой хвалебную оду философу из Женевы и вождю Конвента.

Таким образом, данная идея о том, что право на собственность является общественным установлением, что это изобретение законодателя, творение закона — иными словами, что оно неведомо людям в *первобытном состоянии*, — перешла от римлян к нам через преподавание права, изучение классических трудов, через политических теоретиков XVIII века, революционеров в 1793 году, а также современных сторонников планируемого общественного строя.

Теперь мы перейдем к рассмотрению следствий двух систем, которые я только что противопоставил. Начнем с правовой системы.

Первый результат состоит в том, что открывается безграничный простор для воображения утопистов.

Все это очевидно. Стоит только в принципе допустить, что собственность ведет свое существование от закона, и появляется столько же возможных способов организации труда, сколько появится возможных законов в умах мечтателей. Стоит только в принципе допустить, что обязанность законодателя — распределять, объединять и формировать людей и собственность любым способом, которым он предпочитает, и тогда не будет границ для всевозможных способов, посредством которых люди и собственность могут быть распределены, объединены и сформированы. В настоящее время в Париже получили распространение по меньшей мере пятьсот предложений в отношении организации труда, не считая схожего количества предложений об организации кредита. *В планах, несомненно, содержатся обоюдные противоречия, однако все они объединены одной основополагающей мыслью: именно закон создает право на собственность: именно законодатель распоряжается работниками и плодами их труда в роли высшего повелителя.*

Среди этих проектов наибольшее общественное внимание привлекли к себе работы Фурье, Сен-Симона, Оуэна, Кабе и Луи Блана. Однако было бы нелепо полагать, что данные пять методов организации

Фредерик Бастиа

являются единственно возможными. Существует неограниченное количество им подобных. Каждым утром может появляться новый метод, более привлекательный, нежели тот, что появился днем ранее, а вы попробуйте сами представить себе, что ожидало бы человечество, если, как только одни из этих планов были бы применены к нам, сразу появлялись бы другие, еще более благовидные. Человечеству пришлось бы выбирать между ежеутренней переменой своего образа жизни или беспрестанным движением по пути, осознаваемому как ложный, лишь потому, что оно уже вступило на этот путь.

Второй результат состоит в том, что пробуждает во всех этих мечтателях жажду власти. Предположим, что я замыслил систему для организации труда. Изложить свою систему и ждать, что люди примут ее, если она того заслуживает — значит допускать, чтобы инициатива оставалась за ними. Но в той системе, которую я рассматриваю, инициатива принадлежит законодателю. «Законодатель, — как говорит Руссо, — должен ощущать в себе достаточно сил для преобразования человеческой природы». Следовательно, я должен стремиться к тому, чтобы стать законодателем, чтобы ввести для человечества общественный порядок моего собственного образца.

Более того, очевидно, что системы, которые основаны на идее о том, что право на собственность является общественным установлением, неизбежно ведут либо к предельной концентрации привилегий, либо к абсолютному коммунизму — в зависимости от дурных

или благих намерений изобретателя. Если замыслы его неблагоприятны, то он использует закон для обогащения немногих за счет всех остальных. Если он настроен филантропически, то он постарается уравнять уровень жизни, и ради этой цели ему понадобится придумать некие способы, позволяющие гарантировать каждому законное право на равную долю во всем, что бы ни производилось. Остается только уяснить, возможно ли в подобном случае вообще что-либо производить.

В этом отношении Люксембург¹ не так давно позволил нам стать свидетелями весьма удивительного события. Разве не слышали мы, как в самой середине XIX века, через несколько дней после Февральской революции (революции, совершенной во имя свободы), один человек, даже не член кабинета министров, а член временного правительства, государственное должностное лицо, наделенное неограниченными революционными полномочиями, невозмутимо осведомляется о том, имеет ли смысл при распределении заработной платы учитывать силу, талант, усердие, производительность рабочего, то есть, по сути, те ценности, которые он производит; или же, не принимая во внимание эти личные качества или их полезный эффект, не будет ли лучше впредь выдавать каждому единое вознаграждение? Это равносильно вопросу, будет ли ярд ткани, привезенный на рынок лентяем, продаваться по той же цене, что и два фута, предлагаемых прилежным работником. И, что самое невероятное, этот же

¹ [Место заседаний Национальной ассамблеи. — Прим. амер. перев.]

Фредерик Бастиа

человек заявляет, что он предпочел бы уравнивать доходы, невзирая на качество или количество предлагаемой на продажу продукции, а значит, про себя он решил, что пусть в природе два есть два, но по закону два не должно быть больше, чем один.

Вот к чему мы приходим, когда отталкиваемся от предположения, что закон сильнее природы.

Те, к кому он обращался, очевидно, поняли, что подобный произвол противоречит самой природе человека, что один ярд ткани никогда не должен давать право на то же вознаграждение, что и два ярда. В подобном случае конкуренция, которой предстояло быть упраздненной, была бы замещена конкуренцией в тысячу раз худшей: каждый рабочий стремился бы стать тем, кто работает меньше всего, кто прилагает наименьшие усилия, так как по закону заработная плата была бы всегда гарантирована и была бы одинаковой для всех.

Однако гражданин¹ Блан предвидел это возражение, и, чтобы предотвратить эту тягу к бездеятельности, увы, столь естественную для человека тогда, когда его работа не вознаграждается, он замыслил идею об установке в каждой округе столба, на котором значились бы имена бездельников. Однако он не упомянул о том, должны ли тогда появиться сыщики для отслеживания такого греха, как леность, трибуналы для его осуждения и полицейские силы для исполнения

¹ [Это обращение, использовавшееся во время Французской революции, конечно, имеет здесь иронический оттенок, подобно обращению «товарищ» в наше время. — Прим. амер. перев.]

приговора. Следует отметить, что утописты никогда не затрагивают вопрос о том гигантском управленческом аппарате, которому единственно под силу привести их правовой механизм в действие.

Когда представители Люксембурга проявили некоторое недоверие, то вперед выступил гражданин Видадь¹, секретарь гражданина Блана, чтобы добавить заключительные штрихи к замыслу своего покровителя. Следуя примеру Руссо, гражданин Видадь предложил просто-напросто изменить человеческую природу и законы Провидения².

Провидению было угодно наделить каждого индивидуума определенными потребностями и их следствиями, равно как и определенными способностями и их следствиями, тем самым создавая самомотивацию, иначе известную как инстинкт самосохранения и стремление к саморазвитию, в качестве великой движущей силы человечества. Г-н Видадь намерен все это изменить. Он взглянул на творение Господа и понял, что

¹ [Франсуа Видадь (Francois Vidal) (1814—1872) — журналист, политик, много писал на экономические темы. Страстный адвокат государственного вмешательства в отношения между трудом и капиталом. После революции 1848 года. Луи Блан назначил его секретарем комиссии по организации труда. Позднее был активным деятелем оппозиции Луи Бонапарту. Его самая известная работа — «О распределении богатства, или О распределительной справедливости» (1846) — представляет собой критический анализ экономических доктрин того времени. — *Прим. амер. перев.*]

² [См. в т. I обзор работы г-на Видаля «О распределении богатства», а также в т. II ответ на пять писем Видаля, опубликованные в газете «La Presse». — *Прим, франц. изд.*]

Фредерик Бастиа

оно отнюдь не совершенно. В результате, исходя из принципа, согласно которому закон и законодатель могут все, он намерен с помощью указа самомотивацию подавить. Вместо нее он выдвигает кодекс чести. Отныне человек должен работать не ради того, чтобы жить самому или растить и обеспечивать свою семью, а затем, чтобы сохранять свою честь, дабы избежать рокового столба, как будто этот новый стимул не представляет из себя ту же самомотивацию, только иного рода.

Г-н Видаль продолжает неустанно перечислять те подвиги, на которые приверженность кодексу чести сподвигла те или иные армии. Но тогда, увы, пусть он поведаст нам всю правду, и если в его план входит введение для рабочих армейской дисциплины, то пусть он скажет, должен ли закон военного времени с его тридцатью нарушениями, которые караются смертью, заменить собой кодекс труда.

Еще более опасным следствием того пагубного принципа, с которым я пытаюсь здесь бороться, является та неопределенность, которая, подобно дамоклову мечу, неизменно нависает над трудом, капиталом, торговлей и промышленностью; причем опасность эта настолько серьезна, что я решаюсь просить читателя уделить этому вопросу самое пристальное внимание.

В такой стране, как Соединенные Штаты, где право на собственность поставлено превыше закона и где единственная задача общественных сил правопорядка состоит в том, чтобы охранять это естественное право, каждый человек может с полной уверенностью посвятить свой капитал и свой труд производству.

Ему нет нужды опасаться, что его планы и расчеты и любой момент могут быть расстроены решениями законодательной власти.

Когда же, наоборот, действуя на основе принципа, согласно которому не труд, а закон является основой собственности, мы позволяем создателям утопий применять к нам свои проекты в общем порядке и посредством постановлений, то как можно не понимать, что вся дальновидность и расчетливость, которой Природа наделила человека, оборачивается против индустриального прогресса?

Где в подобный момент тот лихой делец, который решился бы открыть фабрику или основать новое дело? Вчера вышел указ о том, что ему будет позволено работать только определенное количество часов. Сегодня выходит постановление о том, что будут зафиксированы ставки оплаты за определенный вид труда. Кто сможет предвидеть завтрашний указ, а также указ, который выйдет послезавтра, или указы за последующие дни? Если законодатель поставлен на столь несоизмеримом удалении от остальных людей и накрепко убежден, что имеет право распоряжаться их временем, их трудом и их операциями, а это все есть их собственность, то разве кто-то в целой стране будет хоть сколько-нибудь осведомлен о том положении, в которое закон принудительно поставит его самого и его род занятий завтра? И кто в таких условиях сможет или станет брать на себя какие-то обязательства?

Я, разумеется, отнюдь не отрицаю, что среди бесчисленных систем, в основе которых лежит этот

Фредерик Бастиа

ложный принцип, немалое число, и даже большее их число, создается из благородных и великодушных побуждений. Однако порочен в них сам принцип. Очевидной целью каждого отдельного плана является равномерное распределение богатства. Но еще более очевидным следствием того принципа, на котором эти планы основаны, неизбежно становится распределение бедности; более того, в результате состоятельные семьи будут низведены в категорию бедных, а семьи бедняков будут вымирать от голода и болезней.

Должен признаться, что я опасаясь за будущее моей страны, когда я размышляю о всей серьезности нынешних финансовых затруднений, которые этот опасный принцип должен еще более обострить.

В день 24 февраля мы узнали, что наш бюджет превышает тот доход, который Франция в состоянии получить; кроме того, по словам нынешнего министра финансов, немедленной оплате подлежат долги на сумму почти в миллиард франков.

В этой ситуации, и без того столь тревожной, расходы продолжали непрерывно увеличиваться, а приход — неизменно сокращаться.

Однако это еще не все. Общественность страны была с безграничной щедростью засыпана обещаниями двух видов. Согласно одним заверениям, за счет государства должно быть открыто огромное число благотворительных, но при этом дорогостоящих учреждений. Согласно другим, все налоги в скором времени будут снижены. Таким образом, с одной стороны, должны появиться новые детские сады, приюты, бесплатные

начальные и средние школы, мастерские, а также пенсии за выслугу в промышленных отраслях. Рабовладельцы намерены выплатить компенсации, а сами рабы должны оплатить убытки; государство намерено основать кредитные учреждения, предоставить рабочим средства производства, увеличить вдвое численность армии, реорганизовать флот, и пр., и пр., а с другой стороны, государство должно отменить налог на соль, пошлины, а также все самые непопулярные акцизные сборы.

Можно иметь различные представления о ресурсах Франции, но, по меньшей мере, нельзя не согласиться с тем, что все эти ресурсы должны быть освоены для того, чтобы обеспечить это двойное начинание, столь гигантское и столь очевидно противоречивое.

Однако тут, в разгар этого экстраординарного процесса, завершение которого можно считать неподвластным человеку, в то самое время, когда все силы страны направляются в сторону созидательного труда, звучит лозунг: право на собственность определяется законом. Соответственно, законодатель способен в любой момент, в соответствии с теми теориями, которые ему довелось усвоить, обнародовать указы, которые могут расстроить любые кропотливые расчеты. Рабочий является владельцем предмета или ценности не потому, что он создал таковые своим трудом, а потому, что это гарантировано сегодняшним законом. Завтрашний закон может отменить эту гарантию, после чего его владение больше не является законным.

Фредерик Бастиа

Что должно стать результатом всего этого? Капитал и труд будут напуганы; отныне они лишатся возможности рассчитывать на будущее. Капитал под воздействием подобной доктрины будет скрываться, спасаться бегством, просто гибнуть. А что тогда станет с рабочими, с теми рабочими, по отношению к которым вы исповедуете заботливость столь глубокую и искреннюю, однако столь непросвещенную? Будут ли рабочие лучше накормлены, когда остановится сельскохозяйственное производство? Будут ли они лучше одеты, когда никто не решится открыть новую фабрику? Будет ли для них больше рабочих мест, если исчезнет капитал?

А из каких источников вы будете получать налоги? И как вы будете пополнять казну? Как вы будете платить армии? Как вы будете расплачиваться с вашими долгами? На какие деньги вы будете обеспечивать средства производства? На какие средства вы будете содержать эти благотворительные организации, которые так легко создавать с помощью указов?

Я спешу отвлечься от этих мрачных соображений. Мне еще остается рассмотреть последствия принципа, являющегося антитезой тому принципу, который господствует сегодня, то есть принципа экономистов, — принципа, который устанавливает происхождение права на собственность от труда, а не от закона, принципа, который гласит: собственность прежде закона; единственное назначение закона состоит в том, чтобы охранять право на собственность, где бы она ни существовала, где бы она ни была образована, каким

бы способом трудящийся ее ни производил, будь то индивидуально или сообща, но с тем условием, что он соблюдает права других.

Во-первых, если принцип юристов предполагает фактическое рабство, то принцип экономистов означает свободу. Собственность, право пользоваться плодами своего труда, право на труд, на развитие, на использование своих возможностей согласно своим собственным представлениям без какого-либо вмешательства государства, исключая лишь осуществление им охранной деятельности — вот что имеется в виду под словом «свобода». И я до сих пор не могу понять, почему многочисленные приверженцы систем, препятствующих свободе, позволяют слову «свобода» оставаться на флаге Республики. Если быть точным, то некоторые из них все же вычеркнули его, чтобы заменить на слово «солидарность». Они более честны и более последовательны. Однако им следовало бы говорить «коммунизм», а не «солидарность», поскольку солидарность человеческих интересов, подобно собственности, существует вне пределов сферы действия закона.

Кроме того, этот принцип подразумевает единство. Это мы уже могли оценить. Если право на собственность определяет законодатель, то возникает столько же форм собственности, сколько может возникнуть ошибочных суждений в головах утопистов, то есть неограниченное количество. Если же, наоборот, право собственности — это предопределенный факт, предшествующий всей законодательной деятельности

Фредерик Бастиа

человека, в охране которого и есть назначение человеческого законодательства, то любая другая система будет недопустима.

Помимо этого существует надежность; а все признаки явно указывают на то, что если люди искренне признают обязанность каждого человека обеспечивать свои собственные средства к существованию, а также право каждого человека на плоды своего собственного труда как стоящие прежде и превыше закона, если человеческий закон требуется и вступает в дело только для того, чтобы обеспечить всем свободу заниматься трудовой деятельностью и распоряжаться ее плодами, то тогда все человеческое трудолюбие станет залогом полной надежности в будущем. Не будет больше повода для опасений, что законодательная власть может, выпуская один указ за другим, свести на нет приложенные усилия, сорвать планы, расстроить прогнозы. Под защитой подобной надежности будет стремительно создаваться капитал. Быстрое накопление капитала, в свою очередь, — это единственное основание для увеличения ценности труда. Представители трудящихся классов будут тогда хорошо обеспечены; они сами смогут кооперироваться для создания нового капитала. У них будет больше возможностей для того, чтобы продвинуться выше статуса наемных работников, вкладывать капитал в деловые предприятия, открывать свои собственные предприятия и тем самым вернуть себе уважение.

Наконец, извечный принцип, согласно которому государство должно быть не производителем, а стражем

безопасности для производителей, непременно подразумевает экономию и порядок в государственных финансах; соответственно, только этот принцип делает возможным процветание и обеспечивает справедливое распределение налогов.

Давайте никогда не будем забывать о том, что по сути государство не имеет своих собственных ресурсов. У него ничего нет, оно не владеет чем-либо, что не было бы позаимствовано у трудящихся. Когда же оно повсюду вмешивается, то тем самым оно подменяет частную деятельность дорогостоящей и плачевной по результатам деятельностью своих собственных представителей. Если бы здесь, как в Соединенных Штатах, было признано, что функция государства состоит в том, чтобы обеспечить всем полную безопасность, то осуществление этой функции могло бы обойтись в несколько сотен миллионов франков. Благодаря такой экономии в сочетании с промышленными успехами у нас наконец появилась бы возможность установить единый прямой налог, взимаемый исключительно с собственности всех видов.

Но для этого мы должны дождаться, пока опыт — и, возможно, весьма горький опыт — не научит нас доверять чуть меньше государству и чуть больше человечеству.

В заключение же я хочу сказать несколько слов по поводу Ассоциации свободной торговли¹. Ее очень

¹ [В 1846 году Бастиа помогал в организации первой Ассоциации свободной торговли в Бордо и вскоре был назначен секретарем аналогичной организации в Париже. — *амер. перев.*]

Фредерик Бастиа

много критиковали за выбор такого названия. Ее противники были обрадованы, а ее сторонники расстроены тем, что, по мнению и тех, и других, является нашим промахом.

— Зачем таким образом поднимать тревогу? — говорят ее сторонники. — Зачем вам указывать на своем щите основной принцип? Почему бы вам не ограничить себя требованием тех мудрых и предусмотрительных изменений в таможенных пошлинах, которые время сделало необходимыми, а опыт доказал их целесообразность?

Почему нет? Да потому, что, на мой, по крайней мере, взгляд, суть свободной торговли всегда заключалась не в таможенных пошлинах, а в праве, в законности, в общественном строе, в собственности. Потому что привилегия, в какой бы форме она ни была заявлена, подразумевает отмену прав собственности или насмешку над ними; потому что вмешательство государства с целью равномерно распределить богатство, увеличить долю собственности одних за счет других — это коммунизм, равно как капля воды есть в той же степени вода, что и целый океан; поскольку я предвидел, что право на собственность, единожды ослабленное в одной форме, вскоре должно подвергнуться нападкам в тысяче иных форм; потому, что я отказался от своей одинокой позиции не для того, чтобы бороться единственно за снижение таможенных пошлин, что подразумевало бы мою приверженность ложной идее о том, что закон стоит превыше собственности, а ради того, чтобы поспешить на спасение

противоположного принципа, скомпрометированного протекционистской системой; потому, что я был убежден в том, что землевладельцы и капиталисты сами же заронили в виде тарифа то семя коммунизма, которое теперь их пугает, поскольку они просили закон об увеличении их прибылей в ущерб трудящимся классам. Я отчетливо понимал, что эти классы также не станут медлить с требованиями во имя равенства о преимуществах со стороны закона в виде уравнения богатства, а это и есть коммунизм.

Если наши критики все же прочтут первый документ, выпущенный нашей Ассоциацией, а именно программу, составленную на предварительном заседании 10 мая 1846 года, то они смогут убедиться в том, что наша доминирующая идея такова;

Обмен, так же как и собственность, является естественным правом. Каждый гражданин, который произвел или приобрел продукт, должен иметь право выбора на то, чтобы применить его непосредственно в собственных целях или же передать его любому из живущих на земле, кто готов передать ему в обмен желанный для него предмет. Лишать его этого права, если он не совершил ничего против общественного порядка и норм морали, и тем самым единственно удовлетворять интересы других граждан — значит узаконивать акт грабежа и нарушать закон правосудия.

Кроме того, это равносильно нарушению условий общественного порядка; ибо какой же порядок может существовать в обществе, в котором каждая отрасль,

Фредерик Бастиа

поддерживаемая и поощряемая законом и общественными силами правопорядка, стремится преуспеть в подавлении всех остальных?

Мы и далее не обошли стороной обсуждение таможенных пошлин, когда добавили следующее:

Нижеподписавшиеся не оспаривают право общества облагать товары, которые пересекают его границы, налогами, предназначенными для покрытия общественных расходов, при условии, что они установлены исключительно исходя из нужд общественной казны.

Однако как только налог, утрачивая свой фискальный характер, будет иметь целью недопущение иностранного продукта, в ущерб самой казне, с целью искусственно повысить цену на подобный отечественный продукт и взыскать должное с общественности в пользу одного класса, то с этого момента берет свое начало протекционизм, или вернее, грабеж, а именно этот принцип наша Ассоциация и стремится дискредитировать и полностью вычеркнуть из наших законов.

Очевидно то, что если бы мы боролись исключительно за немедленное снижение таможенных пошлин, если бы мы, как утверждалось, являлись представителями определенных коммерческих интересов, то нам следовало бы проявить крайнюю осторожность и не указывать на своем знамени каких-либо намеков на принципы. Означает ли это, что я не предусмотрел тех препятствий, которые это объявление войны несправедливости должно было воздвигнуть на нашем пути?

Или же мне не было хорошо известно, что посредством уклончивого маневрирования, утаивания нашей цели, частичной маскировки наших замыслов мы бы скорее добились той или иной частичной победы? Но только как эти победы, по сути своей эфемерные, могли бы восстановить и защитить великий принцип прав собственности, который в подобном случае нам самим же следовало бы оставлять в тени и не выносить на обсуждение?

Я повторяю, что мы потребовали упразднения протекционистской системы не в качестве полезной правительственной м, а как акта ливости, как проявления , как строгого соблюдения права, стоящего выше . Мы не должны были скрывать то, к чему действительно стремимся, с помощью вводящей в заблуждение формы выражения.

Близится время, когда будет признано, что мы были правы, согласившись внести в название нашей Ассоциации не приманку, ловушку, сюрприз, маневр, а, скорее, открытое изложение незыблемого принципа порядка и правосудия; поскольку только в принципах и есть сила: только они являются сигнальными огнями для человеческого разума, местом сбора для сбившихся с пути убеждений.

В последнее время по всей Франции распространилось, подобно трепету от испуга, всеобщее волнение. При одном лишь упоминании слова «коммунизм»

¹ [См. в т. I письмо, датированное январем 1845 г., посвященное статье Ламартина «О праве на занятость». — Прим, франц. изд.]

Фредерик Бастиа

каждому становится не по себе. Наблюдая за тем, как возникают открыто и чуть ли не официально самые невероятные системы, как непрерывно, один за одним издаются пагубные указы, и опасаясь, что за ними могут последовать указы даже более пагубные, все хотят знать, в какую сторону мы движемся. Капитал в испуге, кредит улетучился, работа была прервана, пила и молоток остановились в разгар своего дела, как будто губительный электрический разряд неожиданно сковал разум и руки каждого человека.

А все это почему? Да потому, что право на собственность, уже и без того существенно скомпрометированное протекционистской системой, подверглось новым потрясениям, которые явились результатом самого первого толчка; потому, что вмешательство закона в дела промышленности как способ стабилизации цен и уравнивания доходов, ставшее первым известным проявлением протекционистской системы, сегодня угрожает проявить себя уже в тысяче форм, известных или прежде неведомых.

Да, я говорю об этом открыто: это землевладельцы, которые главным образом и являются уважаемыми владельцами собственности, нанесли ущерб правам на собственность, поскольку именно они призвали закон дать искусственную оценку их землям и их продукции. Это именно капиталисты предложили идею распределения богатства посредством закона. Протекционизм был предтечей коммунизма; скажу больше: он был его первым проявлением. Ибо что угнетенные классы требуют сегодня? Они требуют в точности того

же, чего требовали и чего добились капиталисты и землевладельцы. Они требуют вмешательства закона ради достижения баланса, равновесия, равенства в распределении богатства. То, что было сделано в первом случае посредством тарифа, они стремятся осуществить другими средствами, но принцип остается прежним: *используй закон, чтобы взять у одних и передать другим*; и разумеется, поскольку это именно вы, землевладельцы и капиталисты, добились признания этого пагубного принципа, то тогда не жалуйтесь, если люди менее удачливые, чем вы, претендуют на выгоды от него. Они, по крайней мере, имеют право претендовать на него, тогда как вы не имеете¹.

Однако люди наконец-то начинают прозревать, и они видят природу пропасти, к которой мы приближаемся в результате этого первого нарушения условий, обязательных для общественной стабильности в целом. Это ли не внушительный урок, это ли не наглядное доказательство существования той самой цепи причин и следствий, посредством которой в конце концов становится очевидной справедливость неизбежной расплаты, позволяющей увидеть, как ужаснулись сегодня богатые посягательствам, вызванным ложной доктриной, чудовищный фундамент для которой они сами и заложили, и чьи последствия, как они полагали, они смогут обернуть в свою пользу? Да, господа протекционисты, это вы явились подстрекателями коммунизма. Да, господа собственники, это вы разрушили

¹ [См. в т. II серию статей, посвященную субсидиям, и в т. IV памфлет «Протекционизм и коммунизм». — *Прим, франц. изд.*]

в нашем сознании подлинное представление о собственности. Именно политическая экономия дала нам это представление, вы же осудили политическую экономику, поскольку, отстаивая право на собственность, она выступает против ваших несправедливых привилегий¹. А когда приверженцы этих новых школ мышления, которые ужасают вас, пришли к власти, то что они попытались сделать в первую очередь? Запретить политическую экономию, ибо политическая экономия — это непрерывный протест против правового уравнивания, которого вы уже добились и которого другие, следуя вашему примеру, добиваются сегодня. Вы потребовали от закона нечто иное и большее, нежели от закона полагается требовать, нечто иное и большее, нежели закон вправе предоставить. Вы потребовали от закона не безопасности (на которую вы имели бы полное право), а прибавочной ценности сверх и выше того, что вам причитается, которая не могла бы быть предоставлена вам без нарушения прав других. Теперь же безрассудство ваших претензий стало всеобщим безрассудством. И если вы хотите предотвратить бурю, которая грозит уничтожить вас, вам остается лишь одно спасение. Признайте свою ошибку; откажитесь от своих привилегий; позвольте закону вернуться в должные рамки и ограничить законодателя надлежащей ему ролью. Вы открестились от нас, вы подвергли нас нападкам, поскольку вы, несомненно,

¹ [См. в т. IV памфлет «Грабеж и закон» и «Объявление войны профессорам политической экономии». — Прим, изд.)

нас не поняли. Теперь, когда вы чувствуете ту бездну, которую разверзли своими собственными руками, поспешите присоединиться к нам в нашей защите права на собственность, наделяя этот термин наиболее широким значением и показывая, что он включает в себя как способности человека, так и все, что его способности могут создать, посредством ли труда или обмена.

Доктрина, которую мы отстаиваем, вызывает определенное противодействие ввиду своей крайней простоты; она сводится к требованию законной безопасности для всех. Люди с трудом могут поверить в то, что аппарат управления можно сократить до таких размеров. Кроме того, поскольку эта доктрина ограничивает закон рамками всеобщего правосудия, ее упрекают за отказ от принципа братства. Политическая экономика данное обвинение не признает. Это и будет предметом обсуждения в готовящейся к выходу статье.

*К К**

А теперь, после того как законодатели и благодетели так тщетно навязывали обществу столько систем, пусть же они в конце концов остановятся там, где начали. Пусть же они отвергнут всякие системы и отдадут свободы. Ибо свобода — признание веры в Бога и в Его труды.

Собственность и Грабеж

Первое письмо⁴

Июль 1848 г.

Сегодня перед Национальным собранием стоит грандиозная задача, от решения которой в наивысшей степени зависит будущее процветание и спокойствие Франции. Быть занесенным в Конституцию напористо добивается новое право — право на занятость. При этом данное право не просто требует место для себя; оно претендует всецело или хотя бы частично на то место, которое ныне принадлежит праву на собственность.

Г-н Луи Блан предварительно уже прокламировал это новое право, и нам известно, с каким успехом.

Г-н Прудон настаивает на нем ради полного упразднения прав собственности.

Г-н Коней деран делает это для того, чтобы посредством его легитимизации упрочить сохранность права на собственность.

То есть, по мнению этих политических теоретиков, в собственности есть нечто неправомерное и ложное, некое мертвое семя. Я же намерен доказать, что собственность есть не что иное, как сама истина и справедливость, и что то, что заложено в ней, есть принцип жизни и прогресса.

¹ См. небольшое сочинение Консидерана под названием «Теория права на собственность и права на занятость».

Они, судя по всему, полагают, что в борьбе, которая в скором времени неминуемо разразится, бедные будут стремиться к победе права на занятость, а богатые встанут на защиту права на собственность. Я же убежден, что смогу доказать, что право на собственность является по сути своей демократическим, а все, что отвергает или попирает его, является в основе своей аристократическим и анархическим.

Мне было отчасти неловко испрашивать в газете место для целой диссертации по политической экономии, и поэтому ниже я привожу доводы, которые могли бы оправдать эту попытку.

Во-первых, серьезность и настоятельность данного вопроса.

Во-вторых, господа Луи Блан, Консидеран и Прудон являются не только политическими теоретиками; они еще и предводители определенных школ, и за ними стоят многочисленные и весьма пылкие сторонники, о чем свидетельствует их присутствие в Национальном собрании. Их доктрины в настоящее время оказывают значительное — и, на мой взгляд, пагубное — влияние на деловой мир, а кроме того, и это не может не вызывать серьезного беспокойства, их точка зрения может получить поддержку в виде уступок, сделанных перед ней мэтрами традиционной экономической науки.

И наконец — готов в этом признаться — в глубине сознания что-то подсказывает мне, что в самый разгар этой жаркой полемики у меня, вероятно, появится возможность пролить неожиданный луч света на данную проблему в области, в которой между школами,

которые расходятся во взглядах, иногда может быть достигнуто согласие.

Этого, я надеюсь, будет достаточно для того* чтобы данные письма нашли одобрение среди моих читателей.

Для начала я должен привести критические доводы, которые направлены против собственности.

Вот, вкратце, как излагает их г-н Коней деран. Я не думаю, что как-то видоизменил его теорию, трактуя ее более сжато¹:

Каждый человек законно владеет тем, что было произведено его трудом. Он вправе потреблять плоды своего труда, отдавать их, обменивать или завещать без каких-либо возражений с чьей-либо стороны, включая и общество в целом.

Соответственно землевладелец законно владеет не только продуктами земли, которые он произвел, но, помимо того, и дополнительной ценностью, которой он наделил землю как таковую посредством ее обработки. Однако существует нечто, что он не создавал, что не является плодом любого труда, — это целинная земля, изначальный капитал, производственная мощь природных ресурсов. И вот землевладелец завладел этим капиталом. Это есть узурпация, конфискация, несправедливость, перманентное правонарушение.

Человеческий род был поселен на этой земле для того, чтобы жить здесь и процветать. Таким образом, все человечество является узуфруктарием поверхности

¹ *Консидеран*. Теория права на собственность и права на занятость.

земли. Однако теперь эта поверхность присвоена меньшинством при отстранении остальных.

Это присвоение действительно неизбежно; ибо как же обрабатывать землю, если бы каждый человек мог произвольно или преднамеренно пользоваться своими естественными правами, то есть правами дикаря? Таким образом, собственность должна быть не уничтожена, а узаконена. Как? Путем признания права на занятость.

По сути, первобытные люди пользуются четырьмя своими правами (охота, рыбная ловля, сбор пищи и выпас скота) только при условии, что они заняты трудом; значит, на том же условии общество должно предоставить пролетариям эквивалент узурфрукта, которого оно их лишило.

Иными словами, общество должно предоставить всем представителям человечества — при условии, что они трудятся, — заработную плату, которая обеспечит им положение, имеющее выгодное отличие от положения дикарей.

Тогда собственность будет узаконена во всех отношениях, а между богатыми и бедными будет достигнуто примирение.

Вот все, что можно сказать по поводу теории г-на Консидерана¹. Он утверждает, что вопрос о

¹ Консидеран не единственный, кто разделяет эту теорию, как свидетельствует отрывок, взятый из «Вечного жида» Эжена Сю: «Слово *лишения* слишком плохо выражает то ужасное состояние, когда у человека не хватает того, что необходимо для сохранения здоровья, для поддержания дарованной

Фредерик Бастиа

собственности является одним из простейших, **ЧТО** для его разрешения требуется лишь немного здравого смысла и что до него, однако же, никто в этом вопросе так и не разобрался.

Такой комплимент едва ли делает честь роду человеческому; но, с другой стороны, я могу только изумляться крайней сдержанности авторских умозаключений.

Что именно он требует от общества?

Чтобы общество признало право на занятость как эквивалент узурфрукта необработанной земли, усматривая в этом благо для всего человечества.

А какова, по его оценке, ценность этого эквивалента?

Богом жизни: здорового жилья и воздуха, здоровой и достаточной пищи, теплой одежды. Слово *измор* лучше выразит полный недостаток тех жизненно необходимых вещей, которые справедливо цивилизованное общество обязано было бы предоставлять каждому труженику, поскольку его лишили права на землю, и он приходит в мир с единственным наследством: парой рабочих рук.

Дикарь не пользуется благами цивилизации, но у него есть по крайней мере звери, птицы, рыбы, плоды для утоления голода и деревья в лесах, где он может получить убежище и обогреться.

Цивилизованный человек, лишенный этих Божьих даров, уважающий собственность, как неприкосновенную святыню, имеет, наверно, право в награду за ежедневный тяжелый труд, обогащающий страну, на такой заработок, какой давал бы ему возможность жить *здоровой* жизнью, ни больше, ни меньше!»

Сколько необработанная земля может дать в качестве средства существования для дикарей.

Поскольку же этого едва достаточно для того, чтобы обеспечить единственного жителя на участке в пять квадратных миль, то землевладельцы Франции, безусловно, смогут весьма дешево узаконить свою узурпацию. Им нужно всего лишь пообещать повысить уровень жизни примерно тридцати—сорока тысяч безземельных рабочих вплоть до уровня жизни эскимосов.

Хотя о чем я говорю? При чем тут Франция? В этой системе больше не существует никакой Франции, больше нет никакой национальной собственности, поскольку usufrukt земли по естественному праву принадлежит всему роду людскому, всему человечеству.

Впрочем, я не намерен разбирать теорию г-на Консидерана слишком обстоятельно, ибо это увело бы меня далеко в сторону. Я бы хотел обсудить лишь то, что представляет важный и насущный интерес в самой основе этой теории, — я имею в виду вопрос о земельной ренте. Систему г-на Консидерана можно обобщить следующим образом: сельскохозяйственный продукт возникает благодаря взаимодействию двух факторов: действий человека, или труда, который обеспечивает почву для права на собственность, и действий Природы, которые должны оставаться безвозмездными и которые землевладельцы несправедливо обращают в свою пользу. Именно в этом и состоит узурпация прав рода человеческого.

Фредерик Бастиа

Если бы далее я преуспел в доказательстве того, что люди в своих деловых операциях платят друг другу только за труд, что они не включают и стоимость предметов обмена действия Природы, то г-н Консидеран мог бы считать себя полностью удовлетворенным.

Возражения г-на Прудона в отношении собственности абсолютно те же. «Собственность, — утверждает он, — перестанет быть незаконной, когда услуги будут взаимными». В таком случае, если я наглядно докажу, что люди только обмениваются услугами между собой, не начисляя друг другу ни сантима за использование тех сил Природы, которые Господь предоставил всем людям безвозмездно, то г-ну Прудону со своей стороны придется согласиться, что его утопия была достигнута.

Эти два политических теоретика будут тогда лишены каких-либо иных оснований для того, чтобы требовать введения права на труд. И не суть важно, что это пресловутое право трактуется ими с диаметрально противоположных позиций, что, по мнению г-на Консидерана, оно должно узаконить собственность, тогда как, согласно г-ну Прудону, оно должно ее упразднить. Остается фактом то, что оно не может больше являться предметом разногласий в том случае, если твердо доказано, что в условиях системы частной собственности люди обменивают труд на труд, усилие на усилие, работу на работу, услугу на услугу, а содействие Природы неизменно является чем-то предоставленным бесплатно, сверх того, дабы

с илы Природы, которым предназначено быть безвозмездными, оставались таковыми в ходе любых совершаемых людьми деловых операций.

Очевидно, что предмет спора здесь — законность земельной ренты, поскольку предполагается, что таковая целиком или частично является неправомерным платежом, который потребитель предоставляет землевладельцу не за личную услугу, а за безвозмездные дары Природы.

Я уже говорил, что наши современные реформаторы могут найти определенную опору в суждениях, высказанных ведущими экономистами¹.

Адам Смит, по сути, говорит о том, что рента во многих случаях — это разумный процент на капитал, потраченный на обустройство земли, но что нередко также этот процент составляет лишь часть ренты.

Маккуллох² по этому поводу убежденно высказывается так:

В точном значении назначенная рента — это сумма, выплачиваемая за использование неотъемлемых природных возможностей земли. Она всецело отличается от суммы, выплачиваемой за использование строений, ограждений, дорог или других удобств. Таким образом, рента всегда является монополией.

¹ [Это положение получило подробное развитие в гл. 5 и 9 «Экономических гармоний». — Прим, ф

² [Джон Рамсей Маккуллох (John Ramsay McCulloch) (1789—1864) — британский экономист, автор «Принципов политической экономии» (1825). — Прим. амер. персе.]

Фредерик Бастиа

Бьюкенен¹ доходит до того, что утверждает:

Рента — это часть дохода потребителей, которая переходит в карман землевладельца.

Рикардо²:

Часть ренты представляет собой процент на тот капитал, который был задействован при возделывании земли и возведении... строений... и пр.; остальное выплачивается за использование исходных и неотъемлемых свойств земли.

Скроуп³:

Ценность земли и ее способность приносить ренту определяются двумя обстоятельствами: во-первых, присвоением ее естественных способностей; во-вторых, трудом, примененным для ее культивации.

В силу первого из этих двух обстоятельств рента является монополией. Она ограничивает узурфрукт даров, которые Бог ниспослал человеку для удовлетворения его нужд. Это ограничение является справедливым лишь до тех пор, пока оно необходимо для общего блага.

¹ [Давид Бьюкенен-младший (David Buchanan, the younger) (1779—1848) — журналист, много писавший на экономические темы, редактор собрания сочинений Адама Смита в 1814 году — *Прим. амер. перев.*]

² [Давид Рикардо (David Ricardo) (1772—1823) — английский экономист, представитель классической школы. — *Прим. амер. перев.*]

³ [Джордж Полетт Скроуп (George Poulett Scrope) (1797—1876) — английский экономист и геолог, автор многочисленных памфлетов, написанных главным образом в опровержение мальтузианской теории. — *Прим. амер. перев.*]

Сениор¹:

Инструментами производства являются труд и природные средства. Природные средства были присвоены, владельцы за их использование взыскивают оплату в форме ренты, которая не является компенсацией за какие-либо потери и получается теми, кому не пришлось ни трудиться, ни копить, а кто просто протягивает руки, чтобы принять подношения остального сообщества.

После слов о том, что часть земельной ренты представляет собой процент на капитал, Сениор добавляет:

Излишек принимается владельцем природных средств и является его вознаграждением не за труд или воздержание, а всего лишь за то, что он не отказывал, когда у него была возможность отказать, за позволение воспользоваться дарами Природы.

Безусловно, если вы намерены вступить в борьбу с теми, кто провозглашает доктрину, основанную на благовидных побуждениях, способную пробудить надежды и вызвать сочувствующий отклик среди притесняемых классов и к тому же опирающуюся на суждения столь авторитетных имен, невозможно закрыть глаза на всю серьезность ситуации или же видеть в наших оппонентах сущих мечтателей, утопистов, безумцев или даже революционеров. Мы должны тщательно рассмотреть и решить этот вопрос раз

¹ [Нассау Уильям Сениор (Nassau William Senior) (1790—1864) — английский экономист и первый профессор политической экономии в Оксфорде. — *Прим. амер. перев.*]

Фредерик Бастиа

и навсегда. Ради этого стоит немного отвлечься от праздных занятий.

Я полагаю, что этот вопрос будет разрешен вполне убедительным для всех образом, если я докажу, что землевладелец не только оставляет безвозмездный узурфрукт природных ресурсов тем, кого именуют пролетариями, но и увеличивает этот узурфрукт в десятки и сотни раз. Смею надеяться, что с помощью этого наглядного доказательства возникнет четкое представление об определенных гармониях, которое будет доступно пониманию и сможет удовлетворить требованиям всех школ: политических экономистов, социалистов и даже коммунистов¹.

Второе письмо

До чего же негибаема сила логики!

Вот жестокие завоеватели поделили остров; они живут за счет ренты в праздности и роскоши посреди бедных, тяжело работающих покоренных ими людей. В таком случае, говорит экономическая наука, помимо труда возникает иной источник ценностей.

Затем она начинает анализировать земельную ренту и предъявляет миру следующую теорию: «Рента частично представляет собой процент на потраченный капитал. Другая часть — это монополия природных ресурсов, которые были незаконно захвачены и конфискованы».

Очень скоро эта политическая экономия английской школы пересекает Ла-Манш. Социалистическая

¹ [См. в конце этого памфлета протест Консидерана на первое письмо Бастиа и ответ последнего. — *Прим.*, изд.]

логика ухватывается за нее и говорит рабочим: «Берегитесь! В стоимость хлеба, который вы едите, входят три составных элемента. Есть работа фермера, которую вы обязаны оплачивать; есть работа землевладельца, которую вы также должны оплачивать; и есть работа Природы, за которую вы никому ничего не должны. То, что изымается у вас на этом основании, как говорит Скроуп, есть монополия; это налог, который, по словам Сениора, удерживается из тех даров, что ниспослал вам Бог».

Экономическая наука видит опасность ее отличия. Тем не менее она не отказывается от нее, а дает ей объяснение. «Действительно, — говорит она, — роль землевладельца в общественном устройстве является соответствующей, но она необходима. Люди работают на него, а он платит им лучами солнца и свежестью росы. Так должно быть, поскольку иначе земля никогда не была бы возделана».

«Не беспокойтесь, — отвечает логика. — У меня в запасе есть тысяча организаций, чтобы устранить несправедливость. Мы вовсе не обязаны мириться с ней».

Таким образом, благодаря ложному принципу, позаимствованному у английской школы, логика оспаривает земельную собственность. Остановится ли она на этом? Ни в коем случае. Иначе она не была бы логикой.

Как она уже заявила фермеру: «Законы растительной жизни не могут быть частной собственностью и приносить вам прибыль»; так же она скажет и производителю ткани: «Закон тяготения не может быть частной собственностью и приносить вам прибыль»;

Фредерик Бастиа

производителю льняных изделий: «Закон расширения пара не может быть частной собственностью и приносить вам прибыль»; фабриканту железных изделий: «Законы сгорания не могут быть частной собственностью и приносить вам прибыль»; судовладельцу: «Законы гидростатики не могут быть частной собственностью и приносить вам прибыль»; лесорубу, плотнику, столяру: «Вы используете пилы, топоры и рубанки; значит, ваша работа зависит от твердости тел и сопротивления материалов. Эти законы принадлежат всем и не должны приносить прибыль».

Да-да, логика дойдет и до этого, рискуя перевернуть все общество. Отвергнув земельную собственность, она возьмется отрицать продуктивность капитала, неизменно основываясь на предположении о том, что землевладелец и капиталист получают деньги за пользование силами Природы. По этой причине весьма важно доказать, что подобная логическая схема отталкивается от ложной предпосылки, что для любого дела, любого ремесла, любой отрасли отнюдь не свойственно, чтобы за использование сил Природы взималась плата, и что сельское хозяйство в этом отношении вовсе не является исключением.

Существуют явления, которые имеют полезное применение, не требуя трудового вмешательства: земля, воздух, вода, солнечные свет и тепло — сырьевые материалы и ресурсы, которыми снабжает нас Природа.

Существуют и другие вещи, которые становятся *полезными* только при участии труда, который будет

приложен к этим сырьевым материалам и найдет применение этим силовым ресурсам.

Таким образом, *полезность* обусловлена иногда только Природой, иногда только трудом, но все же в подавляющем большинстве случаев — совместными действиями как труда, так и Природы.

Пусть другие путаются в определениях. Что касается меня, то я понимаю «полезность» так же, как и любой обычный человек понимает это слово, этимология которого весьма точно передает его значение. Все, что является пригодным для использования, будет ли это обусловлено природой, либо трудом, либо и тем и другим, является полезным.

Я называю *ценностью* только ту долю *полезности*, которую вещам придает или добавляет труд, так что две вещи *имеют ценность*, когда те, кто *трудился* над ними, обменивают их бесплатно одну на другую. Ниже я излагаю свои доводы.

Что заставляет человека отказываться от обмена? Его осведомленность о том, что производство вещи, которая предлагается ему, затребовало бы от него меньше труда, нежели с него запрашивают за нее. Было бы бессмысленно говорить ему: «Я работал меньше, чем ты, но мне помогла сила тяжести, и я включил ее ценность в свой расчет». На это он ответит: «Я тоже могу воспользоваться силой тяжести, приложив трудовые усилия, равные твоим».

Когда два человека находятся в изоляции, то, если они работают, каждый это делает с целью оказать услугу самому себе; если же происходит обмен, то

Фредерик Бастиа

каждый оказывает услугу другому и получает от него равноценную услугу. Если один из них прибегает к помощи природного ресурса, который также пребывает в распоряжении другого, этот природный ресурс в цене учитываться не будет. Право отказа исключает возможность подобного расчета.

Робинзон Крузо охотится, а Пятница ловит рыбу. Очевидно, что количество рыбы, обмениваемой на дичь, будет определяться приложенным трудом. Если бы Робинзон сказал Пятнице: «Природе стоит большего труда создать птицу, чем рыбу; поэтому ты отдавай мне больше из своего улова, нежели я дам тебе из своей добычи, поскольку я передаю тебе в качестве компенсации более внушительное усилие со стороны Природы», то тогда Пятница не преминул бы ответить: «Тебе не дано, равно как и мне, оценивать усилия Природы. Сравнить нужно твой труд против моего, а если ты хочешь установить наши отношения на том основании, что я всегда должен работать более, чем ты, то я намерен заняться охотой, а ты можешь, если хочешь, ловить рыбу».

Мы видим, что щедрость Природы, согласно данному предположению, не может стать монополией, если только исключить применение насилия. Далее мы увидим, что если она имеет неоценимое значение в отношении полезности, то она не имеет никакого значения в отношении ценности.

В одной из своих работ я уже указывал на метафору как на врага для политической экономии;

теперь в схожем преступлении я обвиняю метонимию¹.

Достаточно ли точно мы выражаемся, когда говорим: «Вода стоит два су»?

Говорят, что один известный астроном не мог заставить себя выговорить: «Ах, какой красивый закат!» Даже в присутствии дам он вскрикивал в порыве необыкновенного восторга: «Ах, каким красивым зрелищем является вращение земли, когда лучи солнца направлены на нее по касательной!»

Тот астроном был точен, но нелеп. Столь же нелепым был бы экономист, который сказал бы: «Труд, который требуется для того, чтобы принести воду из родника, стоит два су».

Между тем причудливость иносказания отнюдь не умаляет его точности.

По сути, вода не стоит ничего. Она не имеет ценности, хотя и обладает полезностью. Если бы мы все располагали источником прямо у наших ног, то, несомненно, вода не имела бы никакой ценности, поскольку не было бы повода для ее обмена. Но если она находится за полмили, то мы должны пойти и набрать ее; это уже работа, и в этом состоит происхождение ее ценности. Если она находится на расстоянии мили, то это двойная работа, и отсюда двойная цена, хотя полезность остается прежней. Вода для меня — это

¹ [См.: Заключение к первой части «Экономических софизмов». — *Прим, фраки,, изд.* (См.: Бастиа Ф. Экономические софизмы. М.: Социум, Экономика, 2002. С. 123—128. — *Прим, изд.*)]

Фредерик Бастиа

безвозмездный дар Природы при том условии, что **Я** пойду и принесу ее. Если я сделаю это сам, то окажу самому себе услугу тем, что приложу определенные старания. Если я перепоручу эту работу другому, то доставлю ему определенные хлопоты и буду должен ему услугу. Таким образом, для сопоставления и обсуждения имеются два усилия, две услуги. Дар Природы всегда остается бесплатным. По существу, как мне представляется, ценность относится к труду, а не к воде, и если мы говорим: «Вода стоит два су», то это такая же метонимия, как если кто-то скажет: «Я выпил бутылку».

Воздух — это безвозмездный дар природы; он не имеет ценности. Экономисты говорят так: «Он не имеет ценности при обмене, однако он имеет ценность при использовании». Каков стиль! О, господа, неужели вы намеренно пытаетесь сделать экономику скучной? Почему бы просто не сказать: «Он не имеет ценности, но обладает полезностью»? Он обладает полезностью, потому что приносит пользу. Он не имеет ценности, поскольку все было выполнено Природой, а не трудом. Если труд не имеет здесь никакого значения, то тогда никто в этом отношении не должен предоставлять, принимать или компенсировать любую услугу. Никому не нужно идти на какие-либо хлопоты или совершать обмен, здесь ничего сравнивать; здесь отсутствует любая ценность.

Но если вы спускаетесь под воду в водолазном колоколе и при вас есть человек, который в течение двух часов с помощью насоса подкачивает вам вниз воздух, он будет вовлечен в определенные хлопоты; он будет оказывать вам услугу; вам понадобится отплатить ему.

Будете ли вы платить за воздух? Нет, вы заплатите за его труд. Приобретет ли воздух в этом случае ценность? Вы можете так выразиться, если хотите быть кратким, но не забывайте, что подобный способ выражения является примером метонимии; что воздух остается бесплатным; что за него не может быть назначена какая-либо стоимость; что если бы он имел какую-либо ценность, то она измерялась бы приложенными усилиями и в сравнении с тем, что было бы предложено в обмен.

Работник в прачечной обязан сушить белье в крупном хозяйстве с помощью теплоты* идущей от огня. Другой же согласен вывешивать его на солнце. Последний предпринимает меньше усилий; он не вправе требовать и не требует за свои услуги столько же. Он не запрашивает с меня за тепло солнечных лучей, и это я, клиент, выигрываю от этого.

Таким образом, великий экономический закон гласит:

У с л у г и о б м е н и в а ю т с я н а у с л у г и .

Do ut des; do ut facias; des; facio \

Сделай для меня, и я сделаю для тебя. Это весьма тривиально, предельно избито, и тем не менее в этом вся суть экономической науки².^{1 2}

¹ [Do ut des; do ut facias; facio ut des; facio ut facias — Даю, чтобы ты дал; даю, чтобы ты сделал; делаю, чтобы ты дал; делаю, чтобы ты сделал, (лат.) — Прим, русск. перев.]

² [«Недостаточно того факта, что ценность не содержится ни в материи, ни в силах природы. Не достаточно того факта, что она содержится только в услугах. Необходимо также, чтобы сами услуги не имели преувеличенной ценности. Ибо какая разница

Фредерик Бастиа

Из этих трех примеров мы можем сделать общее заключение: потребитель платит за все услуги, которые были ему оказаны, за все усилия, которые он не потратил, за весь труд, который он инициировал; но при этом он пользуется безвозмездными дарами Природы, равно как и силами Природы, которые производитель использовал в своей работе, не оплачивая их.

Эти три человека предоставили в мое распоряжение воздух, воду и тепло, не запрашивая с меня ни за что, помимо приложенных ими усилий.

Что же тогда может заставить нас полагать, что фермер, который также использует воздух, воду и тепло, запрашивает с меня за так называемую внутреннюю ценность этих природных ресурсов; что он предъявляет мне счет за созданную и не созданную им полезность; что, к примеру, цена пшеницы, продаваемой за 18 франков, подразделяется так:

несчастному рабочему, который платит высокую цену за пшеницу, платит ли он землевладельцу за производительные силы земли, или за его личное усердие?

Именно в этом и состоит задача конкуренции — выравнивать [ценность] услуг на основе справедливости. Она работает в этом направлении непрерывно». — [Из неопубликованного рукописного наследия автора. О развитии идей *ценности* и *конкуренции* см. гл. 5 и 10 «Экономических гармоний».

Дополнительные примеры см. в «Экономических софизмах», гл. 4, Первая серия. — *Прим, франц. перев.* (См.: Бастиа Ф. Экономические софизмы. М.: Социум, Экономика, 2002. С. 29—45. — *Прим, изд.*)]

12 франков за настоящий труд		законная
3 франка за труд, проделанный ранее /		собственность;
3 франка за воздух, дождь, солнце, растительную жизнь	}	незаконная собственность?

Почему все экономисты английской школы убеждены, что этот последний элемент был скрытым образом включен в стоимость пшеницы?

Третье письмо

Услуги оказываются в обмен на услуги. Мне приходится удерживать себя от искушения показать, насколько очевидной, непреложной и плодотворной является эта аксиома.

Стоит только отчетливо ее понять — и что тогда происходит со столь трудноуловимыми различиями между потребительской ценностью и меновой ценностью, материальными продуктами и нематериальными продуктами, производительными классами и непроизводительными классами? Промышленники, юристы, врачи, чиновники, банкиры, торговцы, моряки, военные, художники, рабочие — все мы, кем бы мы ни были, исключая лишь эксплуататоров, оказываем и принимаем услуги. Теперь, поскольку только эти взаимные услуги являются соизмеримыми друг с другом, то исключительно в них и содержится ценность, а не в безвозмездных сырьевых материалах и не в безвозмездных природных ресурсах, которые они включили в работу. И пусть не говорят тогда, как это широко принято в

Фредерик Бастиа

наши дни, что торговец является паразитирующим посредником. Прилагает он свои усилия или нет? Сберегает он или не сберегает наш труд? Если он оказывает услуги, то он, так же как и производитель, создает ценность¹.

Так же как промышленник посредством парового двигателя использует атмосферное давление и расширяемость газов, чтобы заставить работать свои станки, так же и торговец использует направление ветра и текучесть воды для перевозки своих товаров. Но ни тот, ни другой не запрашивают с нас за эти силы Природы; ведь чем больше эти силы помогают им, тем значительней они вынуждены снижать свои цены. Таким образом, эти силы остаются тем, чем пожелал их видеть Господь — безвозмездным даром (с тем условием, что к ним будет применен труд) для всего человечества.

Иначе ли обстоит дело в сельском хозяйстве? Именно это мы и рассмотрим далее.

Вообразите огромный остров, на котором обитает несколько дикарей. Один из них задумал посвятить себя возделыванию земли. Он готовится к этому длительное время, ибо знает, что это занятие потребует многодневного труда, прежде чем принести хотя бы малейшее вознаграждение. Он делает заготовления, он мастерит несколько примитивных инструментов. Наконец, он готов; он огораживает и расчищает участок земли.

¹ [О посредниках см. гл. 2 памфлета «Что видно и чего не видно» и начало гл. 16 «Экономических гармоний». — *Прим,*

В связи с этим возникают два вопроса.

Посягает ли этот дикарь на права сообщества?

Ущемляет ли он его интересы?

Так как вокруг имеется в сотни тысяч раз больше земли, чем сообщество могло бы возделывать, то он наносит не больший ущерб его правам, чем наношу я правам своих соотечественников, когда набираю из Сены стакан воды, чтобы напиться, или заимствую кубический фут воздуха из атмосферы, чтобы дышать.

Не ущемляет он и интересы своего сообщества. Совсем наоборот. Ввиду того что он или прекращает охотиться, или охотится меньше, его товарищи получают в соответствующей пропорции большее пространство для охоты; кроме того, если он производит больше пищи, чем он в состоянии съесть сам, то у него остается излишек для обмена.

Допускает ли он в отношении своих сотоварищей хотя бы малейшее принуждение? Нет, поскольку они вправе согласиться или же отказаться.

Взыскивает ли он за содействие земли, солнца и дождя? Нет, поскольку прибегнуть, как это сделал он, к помощи этих бесплатных средств производства может каждый.

Если он захочет продать свой участок земли, что он получит за него взамен? Эквивалент его труда, и не более того. Если бы он сказал: «Сперва дайте мне столько вашего времени, сколько я уделил обработке земли, а затем другую долю своего времени за ценность необработанной земли», то на это последовал бы ответ: «Рядом с твоей есть другая необработанная

Фредерик Бастиа

земля. Я могу возместить тебе только твое время; ведь если бы я уделил равное количество времени той же работе, ничто не помешало бы мне занять то же положение, что и ты». Точно такой же ответ мы должны дать разносчику воды, который потребует от нас два су за свои услуги и еще два за ценность воды. Таким образом, становится очевидно, что это является общим свойством земли и воды, что каждый из этих ресурсов приносит огромную пользу и что ни один из них не имеет ценности.

Если бы наш дикарь пожелал сдать свое поле в аренду, то он по-прежнему не получил бы ничего, помимо компенсации за его труд в иной форме. Претензии на что-либо большее неизменно упирались бы в следующий ответ: «На острове есть другие уголья», то есть ответ еще более исчерпывающий, нежели слова мельника из Сан-Суси: «И в Берлине есть судьбы»

Недавно активизировались разговоры о том, что взимать арендную плату за землю незаконно. Даже не заходя столь далеко, многим непросто понять, почему капитал должен приносить постоянный доход в форме процента. «Каким образом, — спрашивают они, — капитал, сформированный один раз, может приносить постоянный доход?» Я бы проиллюстрировал постоянный характер процента и его законность на следующем наглядном примере. Пусть у меня есть сто мешков пшеницы. Я могу жить на них, занимаясь при этом производительным трудом. Вместо этого я ссужаю их на год. Что должен мне заемщик? Полностью возвратить сто мешков зерна. Ограничивается ли этим его долг мне? В этом случае я оказываю ему услугу, не получив взамен ничего. Поэтому, кроме возвращения самой ссуды, он должен мне услугу — вознаграждение, величина которого определяется

Таким образом, по крайней мере первоначально, землевладелец, продает ли он продукцию своей земли или свою землю как таковую или же сдает ее в аренду, только лишь оказывает и принимает услуги на равноценной основе. Именно эти услуги сопоставляются и. *¹

чакоюм спроса и предложения, т.е. процент. Очевидно, что в конце года у меня все так же есть сто мешков пшеницы, которые я могу дать займы, и так до бесконечности. Процент же составляет незначительную долю труда, который заемщик получил возможность выполнить только благодаря моей ссуде. Если бы у меня было достаточно пшеницы, чтобы я мог жить только на получаемый процент, я мог бы вести праздный образ жизни, не принося никому вреда; и мне не составит труда показать, что получаемый таким путем досуг является одним из двигателей общественного прогресса.

¹ [Это аллюзия на стихотворение «Мельник из Сан-Суси» Франсуа Андрие, острослова, поэта и драматурга XVIII века. Желая расширить свой парк в Сан-Суси, прусский король Фридрих Великий обнаружил, что прокладке одной из аллей мешает мельница. Он позвал ее хозяина и предложил за мельницу хорошую цену. Однако мельник упрямо отказывался продать мельницу за любую цену. Рассердившись, Фридрих сказал: «Знаешь ли ты, что если я захочу, то могу отнять твою мельницу силой и ничего тебе не заплатить?» — «Да, вы могли бы это сделать, — ответил мельник, — если бы у нас не было судей в Берлине». Чрезвычайно изумившись такой наивности, Фридрих, согласно Андрие, оставил мельницу ее хозяину. Видимо, Бастиа считал эту историю весьма удачной иллюстрацией и неоднократно ссылался на нее и в других местах. — *Прим,* (См.: Колбая Г.Н. И все-таки — «Есть еще судьи в Берлине» <http://www.duma.gov.ru/csecure/arc3/public/18.html>)]

Фредерик Бастиа

соответственно, получают свою ценность, земле же ценность приписывается исключительно за счет текстового сокращения, или метонимии.

Теперь мы посмотрим, что происходит, когда земля острова начинает заселяться и возделываться.

Вполне очевидно, что при отсутствии особых привилегий для кого бы то ни было каждому становится легче добывать сырьевые материалы, провизию и труд, как это происходит в Соединенных Штатах. Здесь землевладельцам абсолютно невозможно поставить себя в более предпочтительное положение по сравнению с другими рабочими, поскольку вследствие избытка земель каждый имеет возможность заняться сельским хозяйством, если оно станет более прибыльным, нежели другие занятия. Эта свобода позволяет поддерживать равноценность услуг. Кроме того, она позволяет быть уверенным в том, что силы Природы, которые используются во множестве промышленных отраслей,* равно как и в сельском хозяйстве, приносят выгоду не производителям как таковым, а потребителям в целом.

Два брата выбирают разные пути. Один уезжает заниматься китобойным промыслом; другой отправляется осваивать земли на Дальнем Западе. Потом они начинают обменивать китовый жир на пшеницу. Означает ли это, что для одной из сторон в сделке ценность земли выше, чем ценность кита для другой? Сравнение можно провести только между оказываемой и принимаемой услугами. Следовательно, ценность имеют только эти услуги.

Подтверждается это тем, что если Природа оказалась весьма щедрой к земле, то есть если урожай получился обильным, то цена на пшеницу падает, и выигрывает от этого рыбак. Если Природа проявила благосклонность к океану или, иными словами, если улов выдался богатым, то подешевеет китовый жир, что будет выгодно для фермера. Это как нельзя лучше доказывает, что безвозмездный дар Природы, даже будучи задействован производителем, остается бесплатным для потребителей, при единственном условии, что они платят ему за его применение, то есть за его услугу.

Следовательно, до тех пор пока в стране существует избыток невозделанной земли, между взаимными услугами будет сохраняться равновесие, а землевладельцы будут лишены возможности пользоваться какой-либо исключительной выгодой.

Дело обстояло бы иначе, если б землевладельцы добились запрета на освоение любых новых земель. В таком случае вполне очевидно, что они оказались бы в состоянии диктовать свои собственные условия остальному сообществу. С ростом населения и по мере того, как все более настоятельно будет давать о себе знать потребность в продовольствии, вполне очевидно, что землевладельцы получили бы возможность запрашивать за свои услуги все более дорого, что в обычном языке посредством метонимии выражается так: земля стала дороже. Однако доказательство тому, что эта чудовищно несправедливая привилегия наделила бы искусственной ценностью не сырьевые материалы,

а услуги, следует искать во Франции и в самом Париже. Через процесс, схожий с тем, что мы только что описали, закон ограничивает число биржевых маклеров, агентов, торгующих государственными облигациями, адвокатов и мясников — и каков же результат? Предоставив им возможность назначать высокую цену за их услуги, закон создает им в угоду разновидность капитала, который не имеет воплощения в какой-либо материальной форме. Ради краткости мы говорим: «Эта практика, эта контора, эта лицензия стоит столько-то», и метонимия налицо. То же касается и земли.

Наконец, мы подходим к последней гипотезе, согласно которой земля всего острова находится в индивидуальном владении и индивидуально обрабатывается.

Здесь, по всей видимости, относительное положение двух классов должно измениться.

Население острова продолжает увеличиваться; оно заполняет все области применения усилий, за исключением одного, которое было уже зарезервировано. Землевладелец тогда окажется в состоянии устанавливать условия обмена. Ценность услуги ограничивается отнюдь не волей того, кто ее оказывает. Она ограничивается, когда тот, кому она предлагается, может отказаться от нее, выполнить ее сам или договориться с другими. У пролетария больше не остается ни одной из альтернатив. Прежде он мог сказать землевладельцу: «Если ты запросишь с меня сверх компенсации твоего труда, то я буду возделывать землю

сам», и землевладелец был вынужден уступить. Теперь у землевладельца есть следующее возражение: «В стране больше нет незанятых земель». Таким образом, будет ли ценность приписана вещам или услугам, но тот, кто обрабатывает землю, будет извлекать выгоду из отсутствия какой-либо конкуренции; а поскольку землевладельцы будут в состоянии навязывать свои условия фермерам-арендаторам и батракам, они, по сути, навяжут их всем.

Единственной причиной для возникновения этой новой ситуации, несомненно, является тот факт, что безземельные больше не в состоянии обуздать требования землевладельцев словами: «Еще есть неосвоенная земля, которой мы можем воспользоваться».

Что же тогда должно произойти для сохранения равноценности услуг, для немедленного превращения нынешней ситуации в ту, что имела место ранее? Только одно: чтобы рядом с нашим островом возник еще один или, что еще лучше, чтобы целые материки не передавались под возделывание всецело в одни руки.

В этом случае труд продолжал бы развиваться, распределяясь в должных пропорциях между сельским хозяйством и другими отраслями, без всякой возможности притеснения с одной стороны или с другой; поскольку если бы землевладелец сказал ремесленнику: «Я продам свою пшеницу по цене, превышающей обычную компенсацию за труд», то последний незамедлительно ответил бы: «Я буду работать для тех землевладельцев на континенте, которые не будут выдвигать такие требования».

Фредерик Бастиа

Когда наступит такое время, подлинная защита широких масс будет заключаться в свободе обмена, в праве на трудоустройство в истинном значении этого термина¹.

Право на занятость заключается в свободе, в праве на личную собственность. Ремесленник является владельцем продукта своего труда, своих услуг, или цены, которую он за них получает, в не меньшей степени, чем землевладелец. До тех пор пока на основании этого права он может обменивать их по всему миру на сельскохозяйственные продукты, он неизбежно удерживает землевладельца в том положении равенства, которое я описал ранее, когда услуги обмениваются на услуги без того, чтобы владение землей уже само по себе независимо от труда обеспечивало сколько-нибудь более значительное преимущество, нежели владение паровым двигателем или простейшим инструментом.

Однако если, узурпировав законодательную власть, землевладельцы препятствуют тому, чтобы пролетарии работали для внешнего мира, то равновесие услуг будет разрушено. Из уважения к научной точности я не скажу, что они тем самым искусственно повышают ценность земли или сил Природы; но я скажу, что они искусственно повышают ценность своих услуг. Меньшим трудом они платят за больший труд.

¹ [Эта гипотеза была вновь подвергнута рассмотрению автором в заключительной части его письма к Тьеру. См. последние 12 страниц памфлета «Протекционизм и коммунизм». — *Прим, франц. изд.*]

Они притесняют других. Они делают то, что делают все привилегированные монополисты и как делали землевладельцы, запрещавшие расчистку неосвоенных земель: они приносят в общество основание для неравенства и бедности; они извращают представления о справедливости и собственности; они роют бездну у себя под ногами¹.

Однако какое же облегчение смогут найти безземельные в провозглашении *права на занятость*? Каким образом это новое право увеличит количество продовольствия или число рабочих мест, доступных для широких масс? Разве не весь капитал задействован в обеспечении их работой? Будет ли он преумножен при прохождении через государственную казну? Изымая его посредством налогов, не закрывает ли государство, по меньшей мере, столько же источников занятости с одной стороны, сколько оно открывает с другой?

Но тогда в чьих же интересах вы устанавливаете это право? Согласно вашей теории, это должно быть в интересах всех тех, кто больше не владеет своей долей узуфрукта невозделанной земли. Однако банкиры, торговцы, промышленники, юристы, врачи, госслужащие, художники и кустари не являются землевладельцами. Подразумеваете ли вы, что землевладельцы должны быть ответственны за обеспечение трудоустройства всех этих граждан? Но все они создают вакансии друг для друга. Подразумеваете ли вы только

¹ [О земельной собственности см. гл. 9 и 13 «Экономических гармоний». См. также в т. II вторую часть речи, произнесенной 29 сентября 1846 года в Зале Монтескле. — Прим, изд.]

Фредерик Бастиа

то, что богатые, являются они землевладельцами или нет, должны прийти на помощь бедным? Но тогда вы говорите о благотворительной раздаче, а не о праве, берущем свое начало в собственности на землю.

Право, на котором необходимо настаивать ввиду его неоспоримости, неприкосновенности, священности, — это право на трудоустройство в подлинном значении этого термина, т.е. свобода, право собственности не только на землю, но и на свой труд, свой интеллект, свои способности, свою личность — право, которое попирается, если один класс может запретить другим классам свободный обмен их услуг, будь то за рубежом или у себя дома. До тех пор пока существует эта свобода, земельная собственность не является привилегией; она, как и любая иная собственность, является всего лишь правом человека на плоды его собственного труда.

Из этой доктрины мне еще понадобится вывести несколько заключений.

Четвертое письмо

Физиократы¹ некогда говорили: только земля является продуктивной.¹

¹ [В XVIII веке члены философской и экономической школы, основанной Франсуа Кенэ (Francois Quesnay, 1694—1774). Ввиду своей веры в естественное право (*naturae*), управляющее всеми человеческими отношениями точно так же, как и физической вселенной, они возражали против любого человеческого вмешательства, особенно в сельское хозяйство и промышленность. Они резюмировали свою доктрину во фразе *laissez faire*.

Некоторые политические экономисты высказались: продуктивным является исключительно труд.

Когда мы видим пахаря, который склоняется над бороздой и орошает ее каплями пота со лба, мы вряд ли в состоянии отрицать его трудовой вклад в производство. Однако Природа тоже неустанно трудится. И солнечный луч, который пробивается сквозь тучи, и тучи, которые гонит по небу ветер, и ветер, который приносит дождь, и дождь, который растворяет те вещества, что удобряют почву, и те силы, что раскрывают загадку жизни в юном растении, — все известные и неизвестные нам силы Природы подготавливают урожай, пока пахарь ищет во сне отдохновения от своих трудов.

Таким образом, невозможно не признать тот факт, что Природа и человеческий труд объединяют свои усилия для претворения в жизнь феномена производства. Полезность, за счет которой человечество существует, является результатом этого взаимодействия, и это так же верно буквально для всех отраслей, как и для сельского хозяйства.

Тем не менее при обменных операциях, которые люди ведут между собой, существует только один

laissez passer [позволяйте делать (что хочет), позволяйте идти (куда хочет)]. Они также считали, что источником богатства являются силы природы и поэтому только они могут быть законным источником государственных финансов. Тяжеловесный стиль, которого они придерживались в своих произведениях, стал объектом насмешек со стороны Вольтера и многих других. Однако их доктрины частично были восприняты Адамом Смитом и Жаном-Батистом Сэем. — Прим. амер. мзд.]

Фредерик Бастиа

фактор, который является и который может быть сопоставимым, а именно человеческий труд, под которым я подразумеваю оказываемые и принимаемые услуги. Единственно эти услуги соизмеримы между собой; только они могут быть компенсированы; это именно и только в них заключена ценность; и можно совершенно безошибочно утверждать, что человек фактически является владельцем только своего собственного труда.

Что же касается той доли полезности, которая обусловлена вкладом Природы, то она, даже будучи вполне реальной и значительно превосходящей все то, чего смог бы добиться человек, являет собой безвозмездный дар; она переходит из рук в руки бесплатно; она не имеет ценности в так называемом узком смысле слова. Кто смог бы подсчитать, измерить или установить ценность тех законов Природы, которые испокон веков приходили на помощь всякий раз, когда человеческий труд призывал их к действию? С чем их можно сопоставить? Каким образом мы должны оценивать их? Если бы они имели ценность, то они фигурировали бы в наших отчетах и ведомостях; нам пришлось бы назначать цену за их использование. И каким образом мы могли бы определить ценность, если они находятся во всеобщем распоряжении на одном и том же условии, а именно: что для их применения следует приложить трудовые усилия?

Итак, любое полезное производство является плодом усилий Природы, которая действует даром, и труда, который компенсируется.

Однако при созидании определенной полезности эти два фактора — человеческий труд и силы Природы — не пребывают между собой в некогда установленных и неизменных соотношениях. Отнюдь нет! Прогресс выражается в постоянном увеличении вклада Природы, тем самым пропорционально сокращая вклад человеческого труда. Иными словами, в рамках определенного объема полезности безвозмездное содействие Природы постепенно все больше и больше заменяет обременительное содействие со стороны человеческого труда. Общая доля увеличивается за счет требующей компенсации выделенной доли.

Если бы вам пришлось перевозить стофунтовый груз из Парижа в Лилль без всякой помощи со стороны сил Природы, то есть на своих плечах, то на это у вас ушел бы месяц изнурительного труда. Если бы вместо выполнения этой работы самостоятельно вы передоверили ее другому, вам понадобилось бы отплачивать ему равноценным трудом. Иначе он не взялся бы за эту работу. С появлением саней, повозок, железной дороги, с любым улучшением, часть работы передоверяется силам Природы, и происходит соответствующее сокращение труда, который необходимо выполнять или компенсировать. Теперь любая плата, которая устраняется, несомненно олицетворяет победу, причем не для того, кто предоставляет услугу, а для того, кому она предназначена, то есть для человечества.

До изобретения печатного дела переписчик не мог переписать Библию менее чем за год, и то была мера компенсации, которую он был вправе потребовать.

Фредерик Бастиа

Сегодня каждый может купить Библию за пять франков, на изготовление которой едва ли уходит один день работы. Таким образом, безвозмездная сила Природы заменяет двести девяносто девять трехсотых требующего компенсации человеческого труда. Одна часть представляет человеческую услугу и является частной собственностью; двести девяносто девять частей представляют собой вклад Природы, более не требуют оплаты и, соответственно, относятся к категории того, что является бесплатным и общедоступным.

Нет такого инструмента, приспособления или машины, которые не привели бы к сокращению вклада человеческого труда, то есть к уменьшению либо стоимости продукта, либо того фактора, который составляет основу собственности.

Это наблюдение, которое, я признаю, изложено здесь не вполне безупречно, должно, на мой взгляд, сплотить на общей почве собственности и свободы различные школы, которые сегодня сообща оказывают столь неблагоприятное влияние на общественное мнение.

Каждую из этих школ можно кратко охарактеризовать с помощью одной аксиомы.

Аксиома экономистов: Не мешайте (*laissez passer*).

Аксиома эгалитаристов: Взаимный обмен услугами.

Аксиома сен-симонистов: Каждому по его способностям, каждому способностям по их производительности.

Аксиома социалистов: Справедливое распределение между капиталом, талантами и трудом.

Аксиома коммунистов: Общность владения имуществом.

Далее я намереваюсь показать в общих чертах (поскольку не имею возможности посягать здесь на нечто большее), насколько доктрина, изложенная мной в предшествующих абзацах, отвечает требованиям всех этих программ.

Экономисты

Вряд ли есть необходимость доказывать, что экономистам должно признать ту доктрину, которая безусловно ведет свое происхождение от учений Смита и Сэя и представляет собой не что иное, как следствие тех основных законов, что они открыли. Не вмешайтесь — вот что означает по сути своей слово «свобода», и я сомневаюсь, возможно ли хотя бы представить себе понятие собственности без свободы. Являюсь ли я владельцем своих производственных мощностей, своего труда, а также продуктов своего труда, если я не могу использовать их, чтобы оказывать услуги, принимаемые добровольно? Не должен ли я быть волен либо работать самостоятельно, что подразумевает потребность в обмене, либо объединить усилия со своими партнерами, что является сотрудничеством, то есть другой формой обмена?

Если же свобода ограничена, разве этим не наносится ущерб собственности как таковой? Кроме того, каким образом взаимные услуги будут получать свою точную относительную ценность, если их обмен не является беспрепятственным, если закон не позволяет

Фредерик Бастиа

человеческому труду выполнять те услуги, которые являются наиболее высокооплачиваемыми? Собственность, справедливость, равенство и уравнивание услуг, безусловно, могут существовать только при наличии свободы. Более того, именно свобода делает вклад сил Природы бесплатным и доступным для всех; ибо до тех пор, пока узаконенная привилегия наделяет меня монопольным правом на эксплуатацию любой из сил Природы, я взыскиваю не только за мой труд, но и за использование этой силы. Я знаю, как принято в наши дни насмеяться над свободой. Наш век, похоже, всерьез воспринял иронический рефрен из песни нашего великого сочинителя¹:

Сердцу моему во гневе
Всякая претит свобода.
Ату свободу!
Долой свободу!

Что касается меня, то, даже если любовь моя к ней всегда была инстинктивной, пусть никогда я не перестану отстаивать ее всем разумом.

¹ [Пьер-Жан де Беранже (Pierre Jean de Beranger) (1780—1857). Песня, о которой идет речь, называется просто «Свобода» (*La Liberie*) и написана в 1822 году как протест против подавления свободы речи в период Реставрации. Строки, цитируемые Бастиа, в оригинале выглядят так:

Мол *coeur en belle*
A pris la liberte.
Fi de la liberte!
A bas la liberte! — . амер. лерев.]

Эгалитаристы

Взаимность услуг, к которой они стремятся, — это именно то, что становится результатом действия системы частной собственности.

На первый взгляд, человек является владельцем всего, чем он обладает, всей полезности, которая в этом содержится. В действительности же он является владельцем только ее ценности, то есть той доли полезности, которая привнесена трудом; ибо при продаже таковой он может получить возмещение только за ту услугу, которую он предоставляет. Представитель эгалитаристов недавно осудил собственность, сводя значение этого слова к тому, что он именуется ростовщичеством, использованием земли, денег, домов, кредита и пр. Однако такой вид ростовщичества осуществляется и может быть осуществленным только с помощью труда. Получение услуги предполагает обязательство оказать таковую. В этом и состоит взаимность услуг. Когда я ссужаю нечто, что я произвел в поте лица своего и что я могу использовать для собственной выгоды, я оказываю услугу заемщику, который в обмен за нее также должен мне некоторую услугу. Он не оказал бы мне никакой услуги, если бы ограничился тем, что возвратил мне занятое в конце года. В продолжение этого времени он получал бы выгоду от моего труда мне в ущерб. Если бы я получил компенсацию за что-либо иное, нежели за свой труд, то возражение эгалитаристов было бы обоснованным. Но оно таковым отнюдь не является. Если они

Фредерик Бастиа

последовательны в своих убеждениях, то в силу истинности изложенной в этих письмах теории они должны присоединиться к нам в нашем стремлении защитить право на собственность и потребовать то, что необходимо для его целостности, или, точнее, то, что составляет его сущность, а именно — свободу.

Сен-симонисты

Каждому в соответствии с его способностями, каждым способностям в соответствии с их продуктивностью.

Этот принцип также основан на системе частной собственности.

Мы оказываем друг другу взаимные услуги; но эти услуги не являются соразмерными длительности или интенсивности нашего труда. Они не измеряются с помощью динамометра или хронометра. Для того, кому я предлагаю свою услугу, не так уж важно, работал ли я один час или же целый день. *Его интересуют не те усилия, которые прилагаю я, а те , от которых я избавляю его*¹. Дабы сберечь труд и время, я берусь использовать одну из *сил Природы*. До тех пор пока никто, помимо меня, не знает, как использовать эту силу с пользой, я предоставляю другим больше услуг, нежели они могут оказать для самих себя в тот же срок. Я получаю за это хорошее

¹ [О сбереженных усилиях, рассматриваемых как важнейшая часть ценности, см. гл. 5 «Экономических гармоний». — Прим, франц.,. изд.]

нознаграждение и таким образом обогащаюсь, не ущемляя при этом чьих-либо интересов. Данная сила природы в этом случае способствует только моей выгоде; мои способности вознаграждаются — каждому по его способностям. Но довольно скоро мой секрет был раскрыт. Мой способ перенимается другими; конкуренция вынуждает меня снизить свои требования. Цена на продукт падает до тех пор, пока мой труд не будет компенсироваться точно так же, как и любой труд подобного рода. Сила Природы, таким образом, не утрачена; она ускользает от меня, но осваивается всем человечеством, которое отныне обеспечивает равное удовлетворение спроса с меньшими трудовыми затратами. Всякий, кто эксплуатирует эту силу в собственных целях, затрачивает меньше усилий, нежели ранее, и, соответственно, всякий, кто эксплуатирует ее для других, получает меньшее вознаграждение. Если он хочет увеличить свое состояние, то ему не остается иного пути, кроме как увеличить объем своего труда. Каждым способностям согласно их производительности. По сути дела, весь вопрос состоит в том, чтобы работать лучше или работать больше, и именно в этом заключается смысл аксиомы сен-симонистов.

Социалисты

Справедливое распределение между капиталом, талантом и трудом.

Справедливость в распределении исходит от закона: услуги обмениваются на услуги, но при условии, что этот обмен является свободным, то есть при условии,

Фредерик Бастиа

что право на собственность является общепризнанным и уважаемым.

В первую очередь вполне очевидно, что тот, кто более талантлив, предоставляет больше услуг при ранних стараниях; из чего следует, что ему добровольно будет предоставлена более высокая компенсация.

Что касается капитала и труда, то это есть предмет, по поводу которого я, к своему сожалению, просто не в состоянии здесь распространяться, ибо нет ничего, что было бы представлено широкой публике в более ложном и более опасном свете.

Капитал зачастую подается как всепоглощающий монстр, как враг труда. Тем самым был вызван к жизни некий иррациональный антагонизм между двумя силами, которые, по существу, имеют схожие истоки и схожую природу, которые взаимодействуют и помогают друг другу и которые не могут обойтись друг без друга. Когда я вижу гневное отношение труда к капиталу, я словно бы вижу, как голод отвергает пищу.

Я определяю капитал следующим образом: сырьевые материалы, орудия труда и запасы, использование которых, не будем забывать, является бесплатным настолько, насколько их производству содействует Природа, и за которые взимается только их ценность, то есть продукт труда.

Чтобы изготовить что-либо полезное, необходимы сырьевые материалы; каким бы простым этот продукт ни был, для этого требуются орудия труда; как бы немного времени это ни занимало, для этого необходимы запасы. Вот пример: чтобы построить

железную дорогу, общество должно накопить достаточно денег¹, чтобы обеспечивать в течение нескольких лет трудоспособность тысяч людей.

Сырьевые материалы, орудия труда и запасы сами по себе также являются продуктами предшествующего труда, который пока еще не был компенсирован. Следовательно, когда предыдущий труд и труд нынешний совмещаются в общем предприятии с единой целью, они компенсируют друг друга; происходит обмен труда, обмен услугами на обоюдно согласованных условиях. Какая из двух сторон получит более выгодные условия? Та, которая менее нуждалась в другой. Здесь мы сталкиваемся с непреложным законом спроса и предложения; жаловаться на него было бы несерьезно и непоследовательно. Говорить, что труд должен хорошо оплачиваться, когда рабочих в избытке, а капитал в дефиците, равносильно словам о том, что чем меньше припасов, тем сытнее все будут накормлены.

Чтобы труд был востребован и хорошо оплачивался, в стране должны в достатке присутствовать сырьевые материалы, орудия труда и запасы — то есть, иными словами, капитал.

Из этого следует, что рабочие в первую очередь должны быть заинтересованы в скорейшем наращивании капитала; что в результате их ускоренного накопления сырьевые материалы, орудия труда и запасы будут активно соперничать между собой. Только это и может улучшить долю рабочих. А что является

¹ [Читай: «реальных ресурсов». — *Прим. ГВЛ.*]

Фредерик Бастиа

первоочередным условием для формирования капи* тала? Чтобы каждый был уверен в том, что он действительно является владельцем — в полном смысле этого слова — своего труда и своих сбережений. Собственность, уверенность в будущем, свобода, мир, порядок, вопросы хозяйства — вот что интересует каждого, но в особой и наибольшей степени пролетариев.

Коммунисты

В любой эпохе мы можем найти людей с честным и великодушным характером — таких, как Томас Мор¹, Харрингтон² и Фенелон, — которые, будучи потрясенными зрелищем человеческих страданий и неравенства в благосостоянии, искали прибежище в коммунистической утопии.

¹ [Томас Мор (Sir Thomas More) (1478—1535) — английский государственный деятель и писатель; один из основоположников утопического социализма. В сочинении «Утопия», опубликованном в 1516 году первоначально на латыни, а затем на английском языке, Мор изобразил общество, где нет частной собственности и обобществлено производство и быт; труд — обязанность всех, распределение происходит по потребности. — *Прим, изд.*]

[Джеймс Харрингтон (James Harrington) (1611—1677) — английский политический философ. Считается, что его сочинение об устройстве идеального государства *Commonwealth of Oceana*, подчеркивавшее важность писанной конституции, непрямого избрания президента, тайного голосования и ограничения срока пребывания в должности, оказало влияние на политическую мысль в США и других демократических странах. — *Прим, амер. перев.*]

Пусть это может показаться странным, но я утверждаю, что система частной собственности прямо на наших глазах ведет к тому, чтобы подобная утопия все более и более превращалась чуть ли не в реальность. Именно по этой причине в самом начале я заметил, что собственность имеет демократическую сущность.

Что позволяет человечеству жить и продолжать развиваться? Все, что служит ему; все, что приносит ему пользу. Среди полезных явлений существуют такие, в создании которых человеческий труд не участвует — это воздух, вода, солнечный свет; таковые являются абсолютно бесплатными и доступными для всех. Существуют и такие явления, которые становятся полезными только благодаря взаимодействию труда и Природы. Таким образом, их полезность можно подразделить на две составные части. Одна часть обусловлена трудом, и только она подлежит компенсации, имеет ценность и составляет собственность. Другая часть привнесена природными ресурсами, и она остается бесплатной и доступной для всех.

Далее, из этих двух сил, которые участвуют в создании полезности, вторая — то есть та, что является бесплатной и доступной для всех — все больше заменяет первую, которая является обременительной и поэтому подлежит компенсации. В этом состоит закон прогресса. На земле нет такого человека, который не искал бы помощи у сил Природы; а когда он обретает ее, то немедленно позволяет всему человечеству воспользоваться таковой, пропорционально снижая цену, назначенную за продукт.

Фредерик Бастиа

Таким образом, в любом отдельно взятом продукте часть полезности, которая является бесплатной, постепенно заменяет другую часть, которая по-прежнему требует усилий.

Та часть, что является общедоступной для всех, все более превышает в неопределенных пропорциях присваиваемую часть, и это позволяет говорить, что для человечества владение тем, что является общим и доступным для всех, неуклонно расширяется.

Кроме того, очевидно, что при наличии свободы та часть полезности, которая по-прежнему подлежит оплате или может быть присвоена, как правило, распространяется если не строго равномерно, то, по крайней мере, пропорционально предоставляемым услугам, поскольку эти услуги как таковые и являются мерой компенсации.

Таким образом, мы видим, с какой неодолимой силой право на частную собственность ведет к установлению равенства между людьми. Во-первых, оно создает общий фонд, который с каждым шагом прогресса постоянно увеличивается и в отношении которого соблюдается абсолютное равенство; благо все люди равны в том, что касается ценности, которая была аннулирована, то есть полезности, которая более не требует компенсации. Все люди равны в отношении той части цены за книги, которая была устранена с введением печатного дела.

Соответственно, если брать ту часть полезности, которая связана с человеческим трудом, с предприня-

тыми усилиями или необходимыми навыками, то конкуренция ведет к установлению равновесия между компенсациями; а единственным сохраняющимся неравенством является то, что обусловлено неравенством усилий, стараний, труда или умения — иными словами, неравенством оказываемых услуг; и помимо того факта, что подобное неравенство будет оставаться неизменно справедливым, кому еще не понятно, что без него все усилия разом сошли бы на нет?

Я могу предвидеть, какими будут возражения. «Вам, — послышатся голоса, — присущ оптимизм политических экономистов! Они настолько погружены в свои теории, что никогда не соблаговолят посмотреть реальным фактам в лицо. Где же на деле эти эгалитаристские тенденции? Разве весь мир не представляет собой грустное зрелище богатства, существующего рядом с нищетой, роскоши, насмехающейся над нуждой, праздности и тяжкого труда, пресыщения и голода?»

Я отнюдь не отрицаю это неравенство, эту нужду, эти страдания. Да и кто мог бы их отрицать? Тем не менее я утверждаю: тогда как право на частную собственность отнюдь не предполагает подобных следствий, они должны быть поставлены в вину противоположному принципу — принципу грабежа.

Именно это мне и остается наглядно доказать.

Пятое письмо

Нет, господа, политические экономисты отнюдь не думают, как их нередко обвиняют, что мы живем в наилучшем из всех возможных миров. Они вовсе

Фредерик Бастиа

не закрывают глаза на пороки общества и не остаются безучастными к жалобам тех, кто бедствует. Тем не менее, они ищут причины этих бед и полагают, что обнаружили, что среди тех бед, с которыми общество может сталкиваться, нет более деятельного и более повсеместного зла, нежели несправедливость. Вот почему они настаивают прежде всего на всеобщей справедливости.

Человек стремится улучшить свою участь. В этом — первый закон его естества. Чтобы добиться этого улучшения, ему сперва необходимо заняться каким-либо трудом или пройти определенные лишения. Те же соображения, которые побуждают человека стремиться к улучшению своего благосостояния, по-нуждают его также и избегать тех стараний, которые требуются для достижения этой цели. Прежде чем посвятить себя собственному труду, он слишком нередко использует труд других.

В связи с этим к личной заинтересованности можно применить те же слова, что были сказаны Эзопом о языке: ничто в мире не совершило столько добра и не причинило столько вреда. Личная выгода создает все, за счет чего человечество живет и развивается; она стимулирует труд; она порождает собственность. Но вместе с тем она привносит в мир и все формы несправедливости. Каждая из этих форм получила свое название, однако все они могут быть обобщены одним словом — грабеж.

Собственность и грабеж — дети одного родителя, спасение и наказание общества, добрый гений

и гении злой — силы, что с самого начала соперничали за власть над судьбами мира!

Тот факт, что собственность и грабеж имеют это общее происхождение, делает вполне объяснимой ту лсткость, с которой Руссо и его современные последователи смогли опорочить и расшатать общественный порядок. Достаточно было показать только одну из сторон личной выгоды.

Мы усвоили, что люди по природе своей являются владельцами продуктов своего труда и что, обмениваясь между собой этой собственностью, они оказывают взаимные услуги.

Далее, основная характеристика грабежа состоит в применении силы или обмана для нарушения этой равноценности услуг ради нашей собственной выгоды.

Различные способы, которые изобретаются для совершения грабежа, так же неисчерпаемы, как и ресурсы человеческой изобретательности. Для того чтобы услуги, которые подлежат обмену, могли рассматриваться как действительно равноценные, необходимо соблюдение двух условий. Во-первых, оценка одной из участвующих в сделке сторон не должна быть искажена посредством вводящей ее в заблуждение другой стороны. Во-вторых, сделка должна быть свободной и добровольной. Если кто-либо с успехом вымогает у своего ближнего подлинную услугу, убеждая его в том, что услуга, которую он получает взамен, также является подлинной, хотя это лишь иллюзорная услуга, то это есть акт грабежа, который тем более

Фредерик Бастиа

является таковым, если грабитель использует принуждение¹.

Первоначально мы склонны полагать, что единственная разновидность грабежа — это кражи, определяемые и наказуемые уголовным кодексом. Если бы дело обстояло именно так, то я, не иначе, и впрямь придавал бы слишком весомую общественную значимость некоторому числу исключительных фактов, которые общественным сознанием порицаются и преследуются по закону. Но увы! Речь идет о грабеже, который совершается с позволения закона, через действие закона, при согласии и нередко с одобрения общества. Только эта разновидность грабежа способна принимать чудовищные размеры, достаточные для того, чтобы видоизменить распределение богатства в обществе, надолго парализовывать те уравнивающие тенденции, которые стимулирует свобода, создавать постоянное социальное и экономическое неравенство, разверзнуть пропасть нищеты и низвергать на мир тот поток бедствий, который поверхностные умы вменяют в вину собственности. Это та самая

¹ [Подлинность следует понимать как исполнение добровольно взятых на себя договорных обязательств, а не как экспертную оценку третьей стороны — ученого, правительственного чиновника и пр. Если продавец пообещал продать банку меда, а продал банку подкрашенного сахарного сиропа, то это нарушение его договорных обязательств. То есть грабеж. Но если в той же ситуации продавец говорил «я продаю то, что есть, а что это — и сам не знаю», а покупатель купил, то это добровольный обмен без всякого грабежа. — *Прим.* Г В.Л.]

разновидность грабежа, которую я подразумеваю, когда говорю о том, что он испокон веков соперничал с противоположным принципом в борьбе за власть над миром. Далее мы коротко упомянем о некоторых из его проявлений.

Во-первых, что такое война и, в особенности, как таковая понималась в древности? Какие-то люди объединились, чтобы образовать государство, однако они не пожелали направить свои производственные возможности на эксплуатацию природных сил для получения средств к существованию. Вместо этого, дождавшись, пока другие нации накопят собственность, они время от времени с огнем и мечом вторгались в эти страны и разоряли их. Победителям при этом доставалась не только добыча, но и славные почести, песни поэтов, женское обожание, признательность благодарной родины и восхищение от лица потомков! Безусловно, повсеместное признание подобных идей и подобной системы не могло не повлечь за собой множество мук и страданий и не привести к огромному неравенству среди людей. Была ли в том виновата собственность?

Позднее грабители усовершенствовали свои методы. Они смогли понять, что предание побежденных огню и мечу равносильно уничтожению сокровища. Захват только собственности людей был грабежом временным; захват людей вместе с тем, что им принадлежало, позволял поставить грабеж на постоянную основу. Так возникло рабство, которое является грабежом, доведенным до его крайней логической степени,

Фредерик Бастиа

поскольку оно лишает покоренного всей настоящей собственности и всей будущей собственности, его труда и плодов этого труда, его умственных способностей, его производственных возможностей, его привязанностей и стремлений, всей его личности. Это можно обобщить так: требовать от человека всех услуг, которых от него можно добиться силой, и не предоставлять ему ничего взамен. Таковым было положение в мире вплоть до недавнего времени, которое не столь уж отдаленно от наших с вами дней. Так было, в частности, в Афинах, в Спарте и в Риме; и печально думать о том, что нравами, обычаями и идеями именно этих республик наши учителя предлагают нам восторгаться и насыщают нас таковыми в наши юные годы. Мы словно те растения, в которые садовод впрыскивает красящие жидкости и которые приобретают в связи с этим несмываемый искусственный колорит. А мы еще удивляемся тому, что поколения, обученные подобным образом, не могут основать достойную республику! В любом случае следует признать, что именно в этом кроется причина неравенства, каковое, безусловно, нельзя ставить в вину принципу частной собственности, что было установлено нами в предшествующих статьях.

Я намерен оставить без внимания крепостное право, феодальную систему, а также то, что последовало за ней вплоть до 1789 года. Однако я не могу удержаться от упоминания о том грабеже, который столь долго практиковался за счет злоупотребления религиозной властью. Принимать от людей вполне определенные

у< дуги и предоставлять им взамен только мнимые, мошеннические, иллюзорные и смехотворные услуги — «ничит грабить их. Даже если это делается с их согласия, н> данный факт лишь усугубляет преступление, поскольку это означает, что грабитель взялся извращать • лму первопричину всего прогресса — человеческий рассудок . Мне нет необходимости рассуждать далее по этому вопросу. Всем известно, что эксплуатация всеобщей доверчивости путем злоупотребления истинной или ложной религией образовала пропасть между духовенством и мирянами в Индии, Египте, Италии и Испании. Разве в этом тоже повинна собственность?

Теперь мы переходим к XIX веку — после всех тех великих социальных несправедливостей, которые оставили столь глубокий след на нашей земле; и кто сможет отрицать, что нам понадобится время для того, чтобы изгладить этот след, даже если мы сделаем *право на собственность — которое единственно и есть свобода, или выражение всеобщей сти,* — основополагающим во всех наших законах и ¹

¹ [Если Бастиа имеет в виду, например, «отпущение грехов» в обмен на деньги, то «иллюзорность» этих услуг отнюдь не очевидна и не доказана. Кроме того, священник скорее помогает верующему совершить некий ритуал и эта услуга вполне реальна. В любом случае, нам неизвестны случаи обращения верующих в суд с жалобами на мошенничество священников. Конечно, и среди священников могут встречаться мошенники, не выполняющие свои обязательства надлежащим образом, но религия в целом под понятие мошенничества и грабежа, конечно, не попадает. — Прим. Г В.Л.]

Фредерик Бастиа

во всех наших взаимоотношениях? Вспомним, что крепостное право в наши дни охватывает половину Европы; что во Франции лишь менее полувека миновало с тех пор, как было покончено с феодализмом; что таковой по-прежнему присутствует во всем своем блеске в Англии; что *все страны прилагают беспрецедентные усилия для содержания мощных постоянных армий*, а это означает либо то, что они угрожают друг другу *торжественно*, либо то, что эти армии сами по себе являют собой не что иное, как пример грабежа на столь грандиозном уровне. Вспомним, что все страны несут тяжкое бремя долгов, происхождение которых следует связывать с прошлыми безрассудствами; не будем забывать, что мы сами ежегодно платим миллионы, чтобы искусственно продлевать жизнь порабощенных колоний, а другие миллионы — чтобы воспрепятствовать работоторговле на берегах Африки (тем самым наша страна была втянута в одну из самых затруднительных для нее дипломатических ситуаций), и что мы собираемся передать 100 млн франков плантаторам, чтобы увенчать ими те жертвоприношения, которые эта разновидность грабежа навлекла на нас в столь разнообразных формах.

Таким образом, что бы мы ни говорили, прошлое довлеет над нами. Мы освобождаемся от него лишь постепенно. Разве удивительно, что между людьми должно быть неравенство, когда принцип равноправия — право на собственность — до сих пор пользовался столь малым уважением? Откуда должно возникнуть выравнивание классов, каковое является

с трастной мечтой нашей эпохи, и как выглядит одна из его наиболее отличительных черт? Оно должно возникнуть на основе элементарной справедливости, путем выполнения следующего закона: услуга за услугу. ¹Чтобы обменять две услуги в соответствии с их истинной ценностью, сторонам в этой сделке потребуются два условия: ясность оценки и свобода обмена. Если оценка не является очевидной, то в обмен на подлинные услуги будут приняты услуги фиктивные, пусть и по доброй воле. Еще хуже, если в сделку вмешивается принуждение.

Учитывая вышесказанное, а также принимая во внимание то, что между людьми существует неравенство, которое имеет исторические корни и может исчезнуть только с течением времени, давайте посмотрим, сможет ли хотя бы наш век в процессе установления повсеместной справедливости окончательно исключить из человеческих отношений принуждение и обман, позволить естественным образом укрепиться равноценности услуг и обеспечить торжество демократической и эгалитарной сущности прав на собственность.

Увы! Я нахожу здесь такое множество грядущих злоупотреблений, столько несоответствий, столько прямых или косвенных отклонений, которые маячат на горизонте нового общественного порядка, что я даже не знаю, с чего мне начать.

Прежде всего нам следует упомянуть всевозможные лицензии. Никто не может стать адвокатом, врачом, учителем, маклером, торговцем государственными ценными бумагами, юрисконсультom, аптекарем,

Фредерик Бастиа

печатником, мясником или булочником, не столкнувшись при этом с правовыми ограничениями. Каждый из них предоставляет услугу, которая не дозволяется законом, и поэтому те, кому дано особое разрешение, поднимают свои цены до такого уровня, что одно лишь обладание лицензией, без услуги как таковой, являет собой огромную ценность. Здесь я сетую не на то, что от тех, кто оказывает эти услуги, требуются гарантии, хотя, если говорить начистоту, наиболее действенную гарантию следовало бы искать в тех, кто принимает эти услуги и платит за них. Но, однако же, эти гарантии не должны предполагать какую бы то ни было исключительность. Я согласен, требуйте от меня, чтобы я знал то, что полагается знать адвокату или врачу; однако не требуйте, чтобы я обучался этому в таком-то и таком-то городе или в течение такого-то количества лет и т.п.

Далее идет попытка установить искусственную цену, получить дополнительную ценность путем обложения пошлинами большей части предметов первой необходимости: пшеницы, мяса, одежды, железа, орудий труда и пр. Здесь очевидно стремление разрушить равноценность услуг, насильственное нарушение самого священного из всех прав собственности — права на плоды своего труда и свои производственные возможности. Как я уже показывал выше, когда вся земля в стране окончательно обращена в собственность, то, если рабочее население продолжает расти, оно имеет право установить ограничение на запросы землевладельца, работая на экспорт и импортируя продукты

своего питания из-за рубежа. Рабочие в обмен на товары могут предложить только свой труд; и очевидно, что если первое условие в уравнении — труд — постоянно увеличивается, тогда как второе остается неизменным, то в обмен на меньшее количество товаров будет предоставлен больший объем труда. Этот результат проявляется в снижении заработной платы — величайшем из бедствий, когда оно вызвано естественными причинами, величайшем из преступлений, когда оно происходит в результате действия закона.

Следом идет налогообложение, которое с некоторых пор превратилось в весьма желанный способ заработка жизненных средств. Мы знаем, что количество государственных должностей неизменно увеличивалось и что число претендентов растет еще стремительней, чем количество мест. Теперь же, задается ли когда-нибудь хоть один из этих претендентов вопросом о том, будет ли он оказывать людям услуги, равноценные тем, которые он рассчитывает получать? Будет ли когда-нибудь положен конец этой напасти? Как мы можем надеяться на это, если видим, что само же общественное мнение желает, чтобы все выполнялось этим воображаемым существом — государством, которое представляет собой скопление получающих жалованье бюрократов? После того как было решено, что каждый гражданин без исключения способен управлять страной, мы признаем граждан неспособными управлять собой. Очень скоро на каждого француза будет приходиться по два или три таких бюрократа, один из которых будет не позволять ему перегружать

Фредерик Бастиа

себя работой, другой — ведать его образованием, третий — предоставлять ему кредит, четвертый — вмешиваться в его деловые операции, ит.д., и т.п. Куда заведет нас иллюзия, заставляющая нас думать, что государство — это некое лицо, которое владеет неистощимым состоянием, абсолютно независимым от нас?

Люди начинают осознавать, что государственный аппарат обходится весьма дорого. Однако они не понимают, что эта ноша неизбежно сваливается на их же плечи. Их вынудили думать, что если до сих пор их ноша была обременительной, то Республика в состоянии, наряду с увеличением общего бремени, переложить по крайней мере большую его часть на плечи богатых. Роковое заблуждение! Безусловно, сборщик налогов может по случаю подступиться вместо одного лица к другому и получить наличные средства из рук богатого гражданина. Однако после того, как налог будет уплачен, на этом все не заканчивается. Тем самым на общество будет оказано дальнейшее воздействие. Это соответствующим образом отражается на относительной ценности услуг, и, стало быть, невозможно избежать ситуации, когда в конечном счете это бремя будет затрагивать буквально каждого, включая бедных. Таким образом, подлинные интересы общества не в том, чтобы нанести серьезный удар по одному из классов, а в том, чтобы имело место уважительное отношение ко всем классам, поскольку общность интересов связывает все классы воедино.

Теперь, есть ли хоть какие-либо признаки, что пришло то время, когда налоги будут снижаться?

Собственность и Грабеж

Скажу прямо: я считаю, что мы вступаем на путь, на котором грабеж, облакаясь в весьма утонченные, весьма искусные, весьма изобретательные формы, прикрываясь столь прекрасными лозунгами, как братство и солидарность, в скором будущем обещает развернуться с таким размахом, измерить всю величину которого воображению вряд ли под силу. Произойдет это следующим образом: под именем государства его граждане, взятые в совокупности, рассматриваются как некое реальное существо, живущее своей собственной жизнью и обладающее собственным богатством, причем независимо от жизней и материального состояния самих граждан; и вот каждый обращается к этому воображаемому существу: одни — чтобы получить от него образование, другие — работу, третьи — кредит, четвертые — продовольствие, и т.д., и т.п. Однако государство может предоставить своим гражданам лишь то, что оно сперва получило от них. Единственными результатами его вмешательства становятся, во-первых, масштабное распыление сил и затем полное разрушение равноценности услуг; ведь каждый будет стараться как можно меньше вложить в государственную казну и как можно больше получить из нее. Иными словами, государственная казна будет разграблена. А разве мы не наблюдаем сегодня, как происходит нечто подобное? Какой из классов не добивается для себя щедрот от государства? Могло бы показаться, что в нем заложен основной принцип жизни. Помимо несметных орд его собственных представителей на него во всем полагаются и уповают сельское

Фредерик Бастиа

хозяйство, промышленность, коммерция, ремесла, области искусства, колонии и кораблестроение. Они хотят, чтобы государство расчищало и орошало земли, колонизировало, обучало и даже развлекало. Каждый просит о премировании, субсидировании, поощрении и в особой степени — о безвозмездном даровании определенных услуг, таких, как образование и кредит. Почему бы тогда не попросить государство о безвозмездном даровании всех услуг? Почему бы не потребовать от государства снабжать всех граждан едой, питьем, одеждой и кровом бесплатно?

Лишь один класс оставался в стороне от этих безумных требований,

...Служанка бедная одна мне оставалась.

Зараза та ее доселе не касалась¹.

То был народ в так называемом узком значении этого слова, несметный рабочий класс. Но теперь он тоже просит «милостыню». Он привносит в казну величайший вклад; по всей справедливости, ради принципа равенства он имеет те же самые права на участие в этом всеобщем расхищении, на которое другие классы подали ему намек. Остается лишь глубоко сожалеть, что в тот день, когда он заявил о себе во весь голос, он должен был потребовать свою долю в грабеже,

¹ [Кризаль, здравомыслящий муж из комедии Мольера «Ученые женщины», произносит эти слова о своем доме. Следуя примеру его жены, все служанки, за исключением одной, ударились «в науку», забросив свои обязанности по хозяйству. — *Прим. амер. перев.*]

а не положить этому грабежу конец. Но разве мог этот класс быть более просвещенным, нежели другие? Разве не следует оправдать его подверженность той иллюзии, которая вводит в заблуждение всех нас?

Гем не менее, хотя бы ввиду количества просителей, которое приравнивается сегодня к общему количеству граждан, то заблуждение, на которое я здесь указал, не может быть долговечным; и вскоре, я надеюсь, придет то время, когда государство будут просить об услугах исключительно в пределах его компетенции, к которым относятся правосудие, национальная оборона, общественные работы и т.п.

Кроме того, мы сталкиваемся с еще одной причиной неравенства, причем, возможно, даже более действенной, чем все другие, — и это война против капитала. *Пролетариат можно освободить только одним способом — путем накопления капитала. Когда капитал накапливается более высокими темпами, нежели население, то этому сопутствуют два неизбежных результата, каждый из которых способствует улучшению положения рабочих: снижение цен на продукты и повышение заработной платы. Но для увеличения капитала прежде всего требуется безопасность. Если капитал напуган, то он скрывается, изолируется, а также распыляется и прекращает существование. Именно тогда труд становится невостребованным и предлагается по самой низкой цене. Таким образом, самое худшее из всех зол для рабочего класса — это позволить льстецам втянуть себя в войну против*

Фредерик Бастиа

*капитала, которая является столь же
скольکو и пагубной. В ней постоянная угроза
жа, которая еще хуже, нем собственно сам грабеж,*

И в заключение, если верно, как я попытался доказать, то, что свобода, под которой я подразумеваю право распоряжаться личной собственностью согласно своим пожеланиям и, соответственно, высшее обоснование права на собственность, если, я повторяю, верно то, что свобода неизбежно ведет к полной равноценности услуг, утверждает все большее равноправие, возводит всех людей к одному и тому же непрерывно растущему уровню жизни, то тогда отнюдь не собственность нам следует винить за грустное зрелище ужасающего неравенства, которое мир в очередной раз демонстрирует нам, а прямо противоположный принцип — грабеж, который допустил на нашей планете войны, рабство, крепостничество, феодализм, эксплуатацию народного невежества и легковерия, привилегии, монополии, торговые ограничения, государственные займы, коммерческие аферы, чрезмерные налоги и, наконец, войну против капитала вкупе с абсурдным требованием со стороны каждого жить и процветать за счет всех остальных.

Протест г-на Консидерана и ответ Ф. Бастиа'

Милостивый государь!

В серьезных публичных обсуждениях, касающихся социального вопроса, я не намерен допускать, чтобы

¹ [Опубликовано в *Journal des debats*, 28 июля 1848 года. — Прим, франц.изд.]

мне приписывались суждения, которые мне не принадлежат, или же позволять, чтобы мои настоящие убеждения представлялись в таком свете, который бы деформировал и искажал их.

Я не отстаивал право на собственность в течение двадцати лет перед сен-симонистами, которые отвергают право наследования, перед бабувистами (последователями Бабёфа), оуэнистами и всевозможными коммунистами ради того, чтобы не оспаривать свое зачисление в ряды противников права на собственность. Я убежден, что в свое время обосновал логическую закономерность этого права с помощью доказательств, которые будет весьма трудно опровергнуть.

Я не опровергал в Люксембургском дворце доктрины г-на Луи Блана, я не подвергался многократным нападениям г-на Прудона как один из наиболее последовательных защитников собственности, чтобы позволить г-ну Бастиа без всяких возражений со своей стороны выставить меня в ваших глазах образующим вместе с двумя вышеупомянутыми социалистами некий антисобственнический триумвират.

Поскольку я не хотел бы быть вынужденным просить вас справедливости ради напечатать на ваших страницах какие-либо чересчур объемные образцы моей прозы и поскольку вас не может не устроить мое пожелание по этому поводу, то я прошу у вас позволения адресовать г-ну Бастиа, прежде чем он опубликует еще что-либо, некоторые замечания, призванные ощутимо сократить те ответные реплики, которые он может вынудить меня направить ему, а возможно.

Фредерик Бастиа

даже и позволяющие мне всецело воздержаться от таковых.

1. Я бы не хотел, чтобы г-н Бастиа, даже когда он убежден, что анализирует мои мысли вполне достоверно, излагал в кавычках, то есть словно бы они являются буквальными цитатами из моей работы о праве на собственность и праве на труд, а также из любых иных моих сочинений, фразы, которые являются его собственными, даже если, и особенно это касается предпоследней фразы из тех, что он приписывает мне, они и впрямь весьма точно отражают мои взгляды. Этот метод не вполне удачен и может увлечь того, кто им пользуется, гораздо дальше, чем он сам бы желал продвинуться. Сокращайте и анализируйте так, как вам будет угодно — это ваше право; но не придавайте вашему аналитическому сокращению видимость буквального цитирования.
2. Г-н Бастиа пишет: «Они [те три социалиста, среди которых фигурирую и я], похоже, полагают, что в борьбе, которая в скором времени неминуемо разразится, бедные будут стремиться к победе права на труд, а богатые встанут на защиту права на собственность». Я, со своей стороны, отнюдь не полагаю, и даже не полагаю, что похож на того, кто полагает, что-либо подобное. Наоборот, я полагаю, что богатые сегодня в большей степени, нежели бедные, заинтересованы в признании права на труд. Эта мысль преобладала во всех моих

работах и была опубликована впервые отнюдь не сегодня, а десять лет назад, в попытке дать правительству и собственникам своевременное предостережение и вместе с тем защитить собственность перед устрашающей логикой ее противников. Кроме того, я полагаю, что в праве на собственность бедные должны быть заинтересованы точно так же, как и богатые, поскольку я рассматриваю отказ от собственности как отказ от принципа индивидуальности, а его запрещение на любой стадии развития общества я бы воспринял как признак возврата к образу жизни дикарей, к которому я, насколько мне известно, никогда не выказывал особых симпатий.

3. В заключение г-н Бастиа высказывается следующим образом:

«Однако я отнюдь не намерен разбирать теорию г-на Консидерана во всех подробностях... Я бы хотел обсудить лишь то, что представляет важный и насущный интерес в самой основе этой теории — я имею в виду вопрос о земельной ренте. Систему г-на Консидерана можно обобщить следующим образом: сельскохозяйственный продукт возникает благодаря сочетанию двух действий: то есть действий человека, или труда, который обеспечивает почву для права на собственность, и действий Природы, которые должны оставаться безвозмездными и которые землевладельцы несправедливо обращают в свою пользу. Именно в этом и состоит узурпация прав человечества».

Фредерик Бастиа

Я хотел бы многократно извиниться перед г-ном Бастиа, но в моей статье нет ни единого слова, которое давало бы ему право приписывать мне те взгляды, которые он необоснованно относит здесь на мой счет. В целом я очень редко вуалирую свою мысль, и когда я подразумеваю «полдень», я не имею привычки говорить «два часа дня». Пусть тогда уж г-н Бастиа, если он желает оказать мне такую честь и раскритиковать мою статью, направляет свою критику против того, что я изложил в ней, а не против того, что вложил в нее он сам. Я не написал в статье ни единого слова против земельной ренты; тема земельной ренты, о которой я осведомлен так же, как и все прочие, здесь и отдаленно не затрагивается — ни по существу, ни даже поверхностно; и когда у г-на Бастиа я говорю, «что действия Природы... должны оставаться безвозмездными», и что землевладельцы обращают их «несправедливо в свою пользу», и что «именно в этом», по моим словам, «состоит узурпация прав человечества», он все так же пребывает в плену идей, которые весьма далеки от когда-либо мне принадлежавших; он приписывает мне представление, которое я считаю абсурдным и которое является как раз диаметрально противоположным моей доктрине в целом. В действительности, я отнюдь не возражаю против того, чтобы землевладельцы извлекали прибыль из деятельности Природы; я требую для тех, кто не получает из этого выгоды, право на занятость, которое позволит им наряду с землевладельцами иметь возможность производить продукцию

и жить за счет своего труда, когда собственность (сельскохозяйственная или промышленная) не предоставляет им средств.

Что касается остального, сударь, то я не осмелюсь, и отличие от г-на Бастиа, настаивать на праве излагать в дальнейшем свои взгляды на ваших страницах. Это благосклонность и честь, которых я не удостоен. Пусть же г-н Бастиа обходится с моей системой так, как считает нужным; я полагаю, что вправе рассчитывать на вашу благосклонность при опровержении только в той степени, насколько это необходимо для того, чтобы устранить недоразумения, возникшие ввиду приписываемых мне г-ном Бастиа доктрин, за которые я никоим образом ответственность на себя не принимал. Мне вполне известно, что нередко довольно просто взять верх в споре, представляя своего оппонента говорящим то, что вы хотели бы, чтобы он сказал, вместо того, что он сказал на самом деле; кроме того, я знаю, что будет легче взять верх над социалистами, когда вы критикуете их в целом, нежели тогда, когда вы подвергаете критике конкретные предложения каждого из них; однако верно это или нет, но я остаюсь ответственным ни за кого более, кроме как за самого себя.

То обсуждение, которое г-н Бастиа затеял на ваших полосах, г-н редактор, затрагивает такие весьма щекотливые и весьма серьезные вопросы, что по крайней мере в этом отношении вы не можете со мной не согласиться. По этой причине я ничуть не сомневаюсь, что вы признаете обоснованность моего отклика

Фредерик Бастиа

и со всей беспристрастностью отведете моему возражению на своих страницах заметное и достойное место.

*народный представитель
, 24 июля 1848 г.*

Г-н Консидеран жалуется на то, что я неверно изложил или искажил его взгляд на собственность. Если я и допустил подобную огрешность, то совершенно непреднамеренно, и, дабы исправить таковую, я не могу сделать ничего лучше, кроме как процитировать его тексты.

Сделав утверждение о том, что существует две разновидности прав — естественные права, которые выражают собой отношения, вытекающие из самой природы вещей, и конвенционные, или узаконенные, права, которые существуют только при условии, что будут действовать искусственно созданные правом отношения, — г-н Консидеран продолжает:

Учитывая все вышесказанное, мы решительно утверждаем, что собственность в том виде, в котором она была общепринята среди всех промышленных наций вплоть до нынешнего времени, была опорочена беззаконием и нарушениями... против человеческих прав... Род человеческий был расселен на земле для того, чтобы жить здесь и развиваться. Таким образом, род человеческий являет собой узифруктарий земной поверхности...

Теперь при той системе собственности, что установлена во всех цивилизованных странах, общее основание.

на котором род человеческий имеет полные права на узупфрукт, явилось объектом для посягательства; оно было конфисковано меньшинством в ущерб большинству. По существу, даже если бы один человек был лишен своих прав, то это лишение уже являлось бы нарушением человеческих прав, а система частной собственности, которая освящает его, безусловно, являлась бы несправедливой и незаконной.

Разве не мог бы каждый человек, который вступает в мир в цивилизованном обществе, не владея чем-либо и обнаружив, что вся земля вокруг него уже имеет владельцев, сказать тем, кто внушает ему уважение к существующей системе частной собственности: «Друзья мои, давайте договоримся между собой и проведем некоторые разграничения: я являюсь убежденным сторонником права на собственность и настроен уважать его в том, что касается других, но при том единственном условии, что другие будут уважать его применительно ко мне. Теперь же, поскольку я являюсь представителем рода человеческого, я имею право на узупфрукт земли, которая является общей собственностью человечества и которую Природа, насколько мне известно, не передавала одним в ущерб другим. На основании той системы частной собственности, которую я обнаружил, появившись здесь, общая земля была обращена в собственность и теперь весьма надежно охраняется. Ваша система частной собственности в этом случае основана на краже моего права на узупфрукт. Не путайте право на собственность с определенной системой

Фредерик Бастиа

собственности, которая, как я вижу, была установлена с помощью вашего искусственного права».

Стало быть, существующая система собственности» ти незаконна и по сути основывается на грабеже.

В заключение г-н Консидеран подходит к формулировке основного принципа права на собственность следующим образом:

Каждый человек по праву владеет тем, что было создано его трудом, его интеллектом и, если говорить более обобщенно, его старанием.

Чтобы наглядно показать применение этого принципа на практике, он мысленно представляет первое поколение, возделывающее землю на отдельном острове. Результаты работы этого поколения подразделяются на две категории.

Первая включает в себя продукты почвы, которая принадлежит этому первому поколению в его узурпаторской способности, расширенной, улучшенной и усовершенствованной за счет его труда и усердия: эти сырьевые или готовые продукты представляют собой либо потребительские товары, либо орудия производства. Очевидно, что эти продукты принадлежат на правах всецело законной собственности тем, кто произвел их своими стараниями...

Данное поколение не только произвело вышеупомянутые продукты... но и добавило к исходной ценности целинной земли дополнительную ценность посредством ее возделывания, строительства, всей той работы, которая была проделана на этой земле, а также тех сооружений, которые были возведены на ней.

Эта дополнительная ценность как таковая несомненно представляет собой некий продукт, некую ценность, созданную стараниями первого поколения.

Г-н Консидеран признает, что эта вторая ценность также является законной формой собственности. Затем он добавляет:

Таким образом, мы можем вполне отчетливо понять, что, когда появится второе поколение, оно застанет на этой земле два вида капитала:

- 1) Исходный, или природный, капитал, который не был создан представителями первого поколения, то есть ценность необработанной земли.
- 2) Капитал, созданный первым поколением и включающий в себя, во-первых, продукты, товары и орудия, не употребленные и не израсходованные первым поколением; во-вторых, дополнительную ценность, которую труд первого поколения придаст ценности невозделанной земли.

В таком случае очевидно, и это вытекает явно и неизбежно из основного принципа только что установленного права на собственность, что каждый представитель второго поколения имеет равное право на исходный, или природный, капитал и вместе с тем не имеет права на другой капитал — тот, что был создан первым поколением. Каждый же представитель первого поколения вправе распоряжаться своей долей созданного капитала в пользу тех представителей второго поколения, каковых он пожелает избрать, — детей, друзей и пр.

Фредерик Бастиа

Таким образом, второе поколение будет включать в себя два вида лиц — тех, кто наследует созданный капитал, и тех, кто таковой не наследует. Капитал также подразделяется на два вида — исходный, или естественный, капитал и созданный капитал. Последний на законных основаниях принадлежит его наследникам, тогда как первый законно принадлежит всем. Каждый представитель второго поколения имеет равное право на исходный капитал. Теперь же случилось так, что наследники созданного капитала завладели также и не созданным ими капиталом, то есть посягнули на него, узурпировали, присвоили его. Вот почему настоящая система собственности является незаконной, противоречит принципам справедливости и, по существу, основывается на грабеже.

Я, конечно же, могу ошибаться, но, как мне кажется, эта доктрина в точности воспроизводит, пусть и в иных выражениях, доктрину Бьюкенена, Маккуллоха и Сениора о земельной ренте. Они также признают законность собственности, произведенной трудом. Однако же они считают незаконным то, что г-н Консидеран называет ценностью невозделанной земли и что они именуют продуктивными возможностями земли.

Теперь же давайте рассмотрим, как данная несправедливость может быть устранена.

Дикари, живущие в лесах и в степях, пользуются четырьмя естественными правами: на охоту, на рыболовство, на сбор пищи и на выпас скота. Так выглядит набор исходных человеческих прав.

Во всех цивилизованных обществах человек из народа, пролетарий, который ничего не наследует и ничем не владеет, этих прав просто-напросто лишен. Нельзя поэтому сказать, что исходное право видоизменило свою форму, ибо оно более не существует. Форма исчезла вместе с землей.

Теперь, как бы выглядела форма, в которой это право могло бы соотноситься с условиями индустриального общества? Ответ прост. В первобытном состоянии человек, чтобы воспользоваться своим правом, обязан действовать. Занятия охотой, рыболовством, сбором пищи и выпасом скота представляют собой те обстоятельства, в которых его право может быть реализовано. Стало быть, исходное право является правом только на эти виды деятельности.

В таком случае индустриальное общество, которое завладело землей и лишило человека способности использовать свободно и по личному усмотрению его четыре естественных права на поверхности земли, обязано признать в интересах отдельной личности в качестве компенсации за те права, которых оно ее лишило, право на занятость. Тогда индивидууму в принципе и при условии подходящего применения больше не останется причин для недовольства. По существу, его исходное право представляло собой право на труд, осуществлявшееся в примитивном цеху или в дебрях Природы; его нынешнее право являлось бы тем же правом, реализуемым в более современном и более богато оснащенном цеху, в котором индивидуальное усердие станет более продуктивным.

Фредерик Бастиа

Таким образом, обязательное условие для законного обоснования собственности состоит в том, чтобы общество предоставило пролетарию право на занятость, а также гарантировало ему в обмен на определенный объем труда по меньшей мере те средства к существованию, каковые оно обеспечивало бы ему, если бы он жил жизнью дикаря.

Теперь я оставляю на суд читателя решение о том, представил ли я в ложном свете или же искажил взгляды г-на Консидерана.

Г-н Консидеран считает себя убежденным защитником права на собственность. Нет сомнений, что он защищает это право в том виде, каким он его понимает, однако понимает он его по-своему, и весь вопрос в том, верно ли его понимание. Во всяком случае, так его понимают отнюдь не все.

Он сам говорит о том, что, хотя для разрешения вопроса о собственности потребовалась бы всего лишь малая толика здравого смысла, вопрос этот и не был правильно истолкован. Я отнюдь не согласен с подобной недооценкой человеческого разума.

При этом г-н Консидеран порицает не только теорию. Здесь я вынужден отдать ему должное, соглашаясь с ним, что в этом вопросе, равно как и во многих других, она нередко уходит в сторону от сути.

Но помимо того, он осуждает и всеобщую практику. Он говорит прямо:

Собственность в том виде, в котором она была установлена среди всех промышленных наций вплоть до нынешнего времени, была опорочена прежде

Собственность и Грабеж

невиданным беззаконием и нарушениями человеческих прав.

Если же г-н Консидеран является убежденным защитником собственности, то, по крайней мере, речь идет об идее собственности, отличающейся от той, что была признана и сохранялась среди людей испокон веков.

Я вполне убежден, что г-н Луи Блан и г-н Прудон также именуют себя защитниками собственности в том значении, в котором они ее понимают.

Со своей стороны я претендую лишь на то, чтобы дать свое истолкование собственности, которое я считаю верным и которое может оказаться ошибочным.

Я убежден, что земельная собственность, как это сложилось естественным путем, всегда является плодом труда; что она, таким образом, основывается как раз на том же принципе, установленном г-ном Консидераном; что она отнюдь не отлучает пролетариев от узурфрукта невозделанной земли; что она, наоборот, расширяет данный узурфрукт для них в десятки и сотни раз; что она, таким образом, не несет на себе печать незаконности; и что все, что направлено против нее, будь то наши действия или наши убеждения, является бедствием в равной степени для тех, кто не владеет землей, как и для тех, кто является землевладельцем.

Именно это я и постараюсь наглядно доказать в той степени, насколько это возможно сделать на страницах газеты.

Грабеж и Закон

Обращение к протекционистам из Генерального совета по промышленности¹

Господа, я предлагаю нам немного побеседовать в духе сдержанности и дружелюбия.

Вы не желаете, чтобы политические экономисты верили в свободную торговлю и проповедовали ее.

С равным успехом вы могли бы сказать: «Мы не желаем, чтобы политические экономисты были обеспокоены вопросами общества, торговли, ценности, морали, закона, справедливости или собственности. Мы признаем только два принципа: притеснение и грабеж».

В состоянии ли вы представить политическую экономию без общества, общество без обмена, обмен без определенного соотношения между двумя подлежащими обмену объектами или услугами в том, что касается назначенной за них стоимости? Можете ли вы представить это соотношение, именуемое стоимостью, как-то

¹ 27 апреля 1850 года после весьма любопытной дискуссии в газете *Moniteur* Генеральный совет по промышленности, сельскому хозяйству и торговле принял следующую резолюцию: «Профессора, получающие жалованье за счет государства, должны преподавать политическую экономию не только с точки зрения теории свободы торговли, но и с точки зрения фактов и французских законов, регулирующих промышленность».

Памфлет Бастиа «Грабеж и закон», впервые опубликованный в *Journal des economistes* 15 мая 1850 года, был ответом именно на эту резолюцию.

иначе, нежели результат добровольного согласия тех, кто представляет стороны в обмене? Можете ли вы представить то, каким образом один продукт может стоить другого, если одна из сторон в сделке не имеет свободы выбора? Можете ли вы представить себе добровольное согласие двух сторон при отсутствии свободы? Можете ли вы представить одну из сторон лишенной свободы, не будучи притесняемой другой стороной? Могли бы вы представить себе обмен между притесняющей стороной и стороной притесненной без всякого ущерба для равноценности услуг, а значит, и без нарушения закона, принципа справедливости и прав собственности?

Однако же, что вам нужно? Говорите открыто.

Вы не хотите, чтобы обмен был свободным!

Значит, вы хотите, чтобы он был несвободным?

То есть вы хотите, чтобы он происходил под воздействием нажима? Ведь если он осуществляется не под воздействием нажима, то он будет происходить в условиях свободы, а этого вы не хотите.

Признайтесь, что вас смущает беспристрастность, то есть справедливость; что вас смущает собственность — не ваша, разумеется, а чужая. Вы не желаете позволить другим свободно распоряжаться своей собственностью (а это единственный способ быть владельцем собственности); но вы желаете распоряжаться собственной — как, впрочем, и чужой.

Вот вы и требуете от экономистов переработать это скопление чудовищных нелепостей в стройную систему; создать вам в помощь теорию грабежа.

Фредерик Бастиа

Но только они на это никогда не пойдут; ибо в их глазах грабеж — это источник ненависти и беспорядка, а его наиболее отвратительная разновидность — та, что опирается на закон¹.

¹ [Автор выразил свое мнение тремя годами ранее в газете «Свобода обмена» (*LeLibreecha* от 28 ноября 1847 года.

Отвечая *Moniteur industriel*, он писал:

«Надеюсь, читатель простит нас за то, что на какое-то время мы возьмем на себя роль казуиста. Наш оппонент вынуждает нас облачиться в мантию ученого доктора наук, и мы всё больше склоняемся к тому, что стоит это сделать, тем более, что ему, по-видимому, доставляет удовольствие обращаться к нам как к «доктору».

Незаконное действие всегда аморально просто потому, что демонстрирует неповиновение закону; но отсюда не следует, что оно аморально само по себе. Когда каменщик (просим коллег извинить нас за то, что привлекаем их драгоценное внимание к такой мелочи) после тяжелого трудового дня обменивает заработанные деньги на кусок бельгийской материи, он не совершает действия, аморального по своей сути. В данном случае аморально не действие само по себе, а тот факт, что оно является нарушением закона. Но если вдруг закон изменится, никто не станет придирается к этой сделке. Например, в Швейцарии такой обмен не считается аморальным ни с какой стороны. Станет ли *Moniteur industriel* утверждать, что нравственность того или иного действия зависит от времени и места?

Поскольку есть незаконные действия, не являющиеся аморальными, значит есть аморальные действия, не являющиеся незаконными. Когда коллеги искажают наши слова, пытаюсь придать им смысл, которого в них нет, когда некоторые, в частных разговорах декларирующие свою приверженность свободе, выступают в прессе и голосуют против нее, когда хозяин заставляет раба работать, применяя к нему физическое насилие, законодательство, возможно, не нарушается, но совесть каждого добропорядочного человека восстает против всего этого.

Именно в разряд таких действий мы помещаем ограничения в торговле. Причем они составляют самую постыдную его часть. Предположим, один француз говорит другому: «Я запрещаю тебе покупать бельгийские ткани, потому что хочу заставить тебя ходить в мой магазин. Это причинит тебе беспокойство, но соответствует моим интересам. Ты лишишься четырех франков, но я выиграю два, и мне этой прибавки достаточно». Мы утверждаем, что это аморальное действие. Независимо от того, сам инициатор этого применяет силу или прибегает к помощи закона, ничего не меняет характера самого действия. Оно аморально по своей сути. Оно было бы аморально десять тысяч лет назад, оно было бы аморально у антиподов, оно было бы аморально на Луне, потому что, что бы ни сказала

Moniteur industriel закон, при том, что он жет сделать многое, не в силах превратить зло в добро.

Без малейших колебаний мы утверждаем, что соучастие закона усугубляет аморальность деяния. Не будь в это дело замешан закон (представьте, что производитель частным образом нанял людей, чтобы провести в жизнь свои ограничения), тот же *Moniteur industriel* был бы в шоке от аморальности содеянного. И теперь мы можем понять, что произошло на самом деле! Благодаря тому, что производитель нашел способ избавить себя от хлопот, поставив себе на службу государственную полицию, и обложить угнетенных бременем, добавив к нему часть расходов по угнетению, аморальность превратилась в достоинство.

Порой люди, подвергающиеся такого рода угнетению, воображают, что это делается ради их же собственного блага, а угнетение происходит от ошибок со стороны как угнетателей, так и угнетаемых. Этого достаточно, чтобы оправдать намерения угнетателей и очистить их действия от того, что в иных обстоятельствах делало бы их гнусными. В этом случае большинство санкционирует закон. Ему должно подчиняться, и мы никогда не будем призывать к обратному. Но ничто не мешает нам сказать большинству, что оно ошибается». — *Прим,*

Фредерик Бастиа

Здесь, г-н Бенуа д'Ази¹, я должен потребовать от вас объяснений. Вы человек сдержанный, непредвзятый, великодушный. Вы не одержимы вашими собственными интересами или вашим собственным состоянием; именно это вы неустанно повторяете. Недавно на Генеральном совете вы заявили: «Если бы для того, чтобы сделать народ богатым, требовалось, чтобы богатые расстались со своим имуществом, мы все были бы готовы так поступить». (Да, да! Именно так!) А вчера в Национальном собрании вы заявили: «Если бы **Я** знал, что только от меня зависит то, как обеспечить всех рабочих теми рабочими местами, в которых они нуждаются, я отдал бы все, чем владею, чтобы добиться этого; ...к сожалению, это невозможно».

Несмотря на то, что тщетность жертвоприношения и приносит вам великое огорчение от невозможности такого поступка и необходимости повторять, подобно Базиллю: «Деньги! Деньги! Я презираю их — но не расстанусь с ними»², но никто не мог бы усомниться в великодушии столь впечатляющем, хотя и столь

¹ [Дени Бенуа д'Ази (Denis Benoot d'Azy) (1796—1880) — французский политик, депутат при Луи-Филиппе, в 1849 году вице-президент Законодательной ассамблеи. Придерживался крайне консервативных и протекционистских взглядов. В качестве финансиста и руководителя железных дорог принес стране немало пользы. — *Прим. амер. перев.*]

² [Одна из нескольких цитат из «Севильского цирюльника» Бомарше, приводимых Бастиа. В этом случае, видимо, текст цитировался по памяти, т.к. близкую по смыслу фразу произнес опекун Бартоло, а не учитель музыки. — *Прим. амер. перев.*]

бесполезном. Такова добродетель, которая любит укрыться под маской скромности, причем особенно когда она бездеятельна и бесполезна. Вы же со своей стороны не упускаете ни единой возможности продемонстрировать ее перед всей Францией с кафедры, в Люксембургском собрании и в Законодательном дворце. Это показывает, что вы не в силах сдержать свои благородные порывы, однако же с великим сожалением отказываете им в практическом применении.

Но в конце концов никто и не просит вас отказываться от своего богатства, и я согласен, что это не явилось бы решением социального вопроса.

Вам бы хотелось быть великодушным, но вы не видите в этом пользы; что я осмелюсь просить от вас, так это быть справедливым. Сохраните свое состояние, но позвольте и мне сохранить мое. Уважайте мою собственность так же, как я уважаю вашу. Разве это слишком уж смелая просьба с моей стороны?

Допустим, что мы оказались в стране, где бы получила признание свобода обмена, где каждый мог бы свободно распоряжаться своим трудом и своей собственностью. Ваши волосы встают дыбом? Не беспокойтесь, это всего лишь предполагаемая ситуация.

Таким образом, все мы и каждый из нас в равной степени свободны. В законодательстве присутствует всего лишь один закон, однако этот закон, всецело беспристрастный и справедливый, ничуть не ущемляет нашу свободу, а гарантирует ее. Он вступает в действие только тогда, когда мы пытаемся осуществлять притеснение — вы против меня или я против

Фредерик Бастиа

вас. Существует орган государственных служащих, уполномоченных применять силу — чиновников и полицейских, — но они только следят за соблюдением закона.

С учетом данных обстоятельств предположим, что вы являетесь мастером железных изделий, а я — шляпником. Для своего личного пользования или для моего магазина мне понадобились железные изделия. Естественно, я задаю себе такой вопрос: «Как я смогу приобрести те изделия из железа, в которых я нуждаюсь, затратив при этом как можно меньше усилий?» Изучая свое положение и имеющиеся у меня сведения, я выясняю, что выгоднее всего мне будет изготавливать свои шляпы и продавать их бельгийцу, который взамен даст мне железо.

Но вы же железных дел мастер, и вы говорите себе: «Определенно, я смогу заставить этого плута [это вы говорите обо мне] прийти в мой магазин».

Затем вы вооружаетесь до зубов саблями и пистолетами, вооружаете своих многочисленных слуг, появляетесь на границе и там, в тот момент, когда я намереваюсь совершить свой обмен, кричите мне: «Остановись, или я пушу тебе пулю в лоб!»

— Но, помилуйте, мне нужно железо.

— Я готов тебе его продать.

— Но, сударь, ваша цена чересчур высока.

— У меня есть на это причины.

— Но, сударь, у меня тоже есть свои причины предпочесть железо по низкой цене.

— Ах так, тогда вот то, что положит конец спору

между вашими причинами и моими. Возьмите-ка его на прицел!

Короче говоря, вы препятствуете ввозу бельгийского железа и вместе с тем препятствуете вывозу моих шляп.

Согласно этой нашей гипотезе, то есть при системе свободного обмена, вы не можете отрицать, что с вашей стороны это есть вопиющий акт притеснения и грабежа.

В связи с этим я спешу призвать на помощь закон, власть, силы правопорядка. Они вмешиваются; вы преданы суду, признаны виновным и справедливо наказаны.

Однако все это наводит вас на блестящую мысль.

Вы говорите себе: «Каким же я был глупцом, подвергая себя таким испытаниям. Подумать только! Рисковать совершить убийство или быть убитым! Покинуть свой дом, поднять по тревоге своих слуг, понести огромные расходы, зарекомендовать себя в качестве грабителя, понести наказание по приговору суда — и все это ради того, чтобы заставить несчастного шляпника прийти в мою лавку и купить железо по моей цене! А если бы я привлек закон, магистрат и полицию на свою сторону! Если бы я заставил их заняться тем неприятным делом на границе, которое я отправился выполнить сам!»

Соблазнившись этой заманчивой перспективой, вы выдвигаете себя на должность законодателя и голосуете за закон, который излагается следующим образом:

Фредерик Бастиа

Пункт 1.

Все, а в особенности тот проклятый шляпник, будут обложены налогом.

Пункт 2.

Люди, которые охраняют границу в интересах мастеров железных изделий, будут получать деньги из доходов от этого налога.

Пункт 3.

Они должны следить за тем, чтобы никто не обменивал шляпы или другие товары бельгийцам на железо.

Пункт 4.

Министры — члены кабинета, прокуроры, таможенные чиновники, сборщики налогов и тюремщики несут, каждый на своем месте, ответственность за соблюдение данного закона.

Я осознаю, сударь, что в подобной форме грабеж оказался бы занятием неизмеримо более легким, более прибыльным и менее опасным, нежели в той форме, при которой вы в первый раз подумали о нём.

Я осознаю, что это для вас был бы наиболее приемлемый курс дальнейших действий. Безусловно, вы могли бы победно усмехаться, поскольку перенесли бы все расходы на мои плечи.

Тем не менее я утверждаю, что вы привнесли бы в общество источник разорения, безнравственности, беспорядка, ненависти и бесконечных революций, что вы проторили бы путь для всевозможных экспериментов с социализмом и коммунизмом.

Не сомневаюсь, что вы сочтёте мою гипотезу слишком вызывающей. Пусть так, поставьте мне это и вину. Я готов к этому ради нашего спора.

Давайте предположим теперь, что я — рабочий; И₁ же — по-прежнему мастер железных изделий.

Мне было бы выгодно заполучить мои инструменты подешевле или даже вообще даром. Поэтому без лишних церемоний я вламываюсь к вам и забираю всё, что может мне пригодиться.

Однако вы, воспользовавшись правом на законную самооборону, сперва применяете силу против силы; затем, призвав себе на помощь закон, магистрат и полицию, вы добиваетесь, чтобы меня заключили в тюрьму, — и правильно делаете.

«Эх, — говорю я себе, — до чего же неуклюже я проделал все это. Когда ты хочешь присвоить собственность других людей, то, если ты не идиот, ты должен действовать не вопреки закону, а от его имени». В результате так же, как вы стали протекционистом, я становлюсь социалистом. Так же, как вы потребовали для себя право на прибыль, я требую введения права на занятость или на орудия производства.

Кроме того, в тюрьме я прочел Луи Блана и теперь помню наизусть следующую доктрину: «Пролетарии для того, чтобы освободить себя, нуждаются в орудиях производства; обязанность государства в том, чтобы предоставить их рабочим». И еще:

Если уж признается, что для того, чтобы быть по-настоящему свободным, человек должен иметь возможность применять и развивать свои производственные

Фредерик Бастиа

способности, из этого следует, что общество обязано предоставить каждому из своих членов образование, без которого человеческий разум не может развиваться, а также орудия производства, без которых систематический труд не может найти своего применения. Теперь же, посредством чьего вмешательства общество сможет предоставить каждому из своих членов должное обучение и необходимые орудия труда, если не за счет вмешательства государства?¹

Таким образом, я тоже, благо для этого потребуются коренные перемены в моей стране, прокладываю себе путь в Законодательную палату. Там я извращаю закон и заставляю его выполнять для моей выгоды и вам в ущерб те же действия, за которые ранее он покарал меня.

Мой декрет будет создан по вашему образцу.

Пункт 1.

Все граждане будут обложены налогом, а в особенности фабриканты железных изделий.

Пункт 2.

Используя доход от этого налога, государство будет обеспечивать вооруженную группу лиц, которая получит название братской полиции.

Пункт 3.

Братская полиция будет посещать товарные склады, где хранятся топоры, пилы и пр., изымать эти инструменты и раздавать их тем рабочим, которые в них нуждаются.

¹ *Organisation du travail*, Introd., p. 17 & 24.

Благодаря этому гениальному способу, как вы можете видеть, мне больше не придется навлекать на себя риски, расходы, ненависть и обвинения в грабеже. Государство будет заниматься хищениями для меня так же, как оно делает это для вас. Каждый из нас будет разыгрывать эту партию.

Остается выяснить, что же приключилось бы с французским обществом, если бы второй из моих гипотетических сценариев стал совершившимся фактом, или, по крайней мере, что уже произошло с ним теперь, когда первый сценарий практически полностью воплощен в жизнь.

Я не намерен вдаваться здесь в экономическую сторону этого вопроса. Многие думают, что когда мы призываем к свободной торговле, то руководствуемся исключительно стремлением дать возможность труду и капиталу избрать наиболее благоприятное для них направление. Общественное мнение заблуждается по этому поводу; для нас это всего лишь второстепенное соображение. *В протекционистской системе нас не устраивает, нас тревожит, нас ужасает то, что она являет собой отрицание* , - *ти и правособственности*; что она обращает закон, который должен гарантировать справедливость и право на собственность, против них; что она в равной степени ниспровергает и извращает те условия, согласно которым живет общество. И именно на данную сторону вопроса я обращаю ваше самое пристальное внимание.

Что в таком случае представляет собой закон или, по крайней мере, что он должен из себя представлять?

Фредерик Бастиа

Какова его рациональная и моральная функция? Разве не должен он именно поддерживать строгое равновесие между всеми правами, всеми свободами, всеми формами собственности? Разве он существует не для того, чтобы над всем этим господствовала справедливость? Разве не обязан он предотвращать и подавлять притеснение и грабеж, откуда бы они ни исходили?

И разве вас не страшит то *фундаментальное и печальное но, которое будет представлено миру в тот когда собственно закон будет уполномочен на совершение того самого преступления, в наказании которого стоит его назначение* — в тот день, когда он обернется и в теории, и на практике против свободы и собственности?¹

Вы порицаете те симптомы, которые проявляются в современном обществе; вас пугает тот разброд, который царит в общественных институтах и идеях. Однако не ваш ли это принцип извратил все идеи и все представления?

Отныне закон является не прибежищем для притесненного, а оружием притесняющего! Отныне закон есть не щит, но меч! *Отныне закон удерживает в своих августейших руках не равновесие, а фальшивые весы и отмычки*. А вы еще хотите, чтобы в обществе сохранялся порядок!

¹ [Этот день давно наступил — уже публичное право в Древнем Риме было таковым и противоречило и нарушало нормы частного права. Но особенно массовым и всепроникающим это «извращение закона» стало в XX веке. — Прим. ГВЛ.]

Ваш принцип вынес над входом в Законодательную палату следующие слова: «Всякий, кто приобретает здесь какой-либо вес, может заполучить свою долю в узаконенном грабеже».

И каков же оказался результат? Все классы взяли приступом двери в палату, выкрикивая: «И мне, и мне долю в грабеже!»

После Февральской революции, когда было провозглашено всеобщее избирательное право, я на какой-то момент было понадеялся, что мы услышим, как его мощный голос заявит: «Долой любой грабеж. Справедливость для всех и каждого». Ведь это и есть подлинное решение социальной проблемы. Однако все обернулось совсем иначе; многовековая протекционистская пропаганда слишком уж глубоко въелась в людские чувства и помыслы.

Нет, опираясь на ваш принцип, все классы устремились в Национальное собрание, чтобы сделать закон инструментом грабежа. Люди потребовали введения прогрессивного подоходного налога, беспроцентного кредитования, права на занятость, права на пособие, гарантированного процента, минимальной заработной платы, бесплатного обучения, капитальных ссуд для отрасли, и пр., и пр. Короче говоря, каждый захотел жить и процветать за счет других.

И на каком же основании они предъявили эти требования? Исходя из того прецедента, который создали вы. Какими софизмами они воспользовались? Теми, которые вы распространяли веками. Как и вы, они говорили об уравнивании условий труда. Как и вы, они

Фредерик Бастиа

протестовали против неуправляемой анархической конкуренции. Как и вы, они посмеялись над принципом невмешательства государства в экономику, а значит, и над свободой. Как и вы, они заявили о том, что закон не должен придерживаться строгой беспристрастности, а должен приходить на помощь индустриям, пребывающим на грани краха, защищать слабых от сильных, гарантировать прибыли отдельным лицам за счет сообщества, и пр., и пр. Иными словами, социализм пришел и разработал, если выразаться словами г-на Шарля Дюпена, теорию грабежа. Он сделал то, что делаете вы и что вы хотите, чтобы от вашего имени делали, присоединившись к вам, профессора политической экономии.

Напрасно вы, господа протекционисты, были столь предусмотрительны, что смягчили свой тон, хвастались своей непроявленной щедростью и превзошли своих оппонентов в эмоциональности воззваний; вам так и не удастся помешать логике оставаться логикой.

Вы не сможете помешать г-ну Бийо¹ сказать законодателю: «Вы оделили кого-то льготами; вы должны оделить ими всех».

¹ [Огюст Адольф Мари Бийо (Auguste Adolphe Marie Billault) (1805—1863) — французский политик и адвокат. Обладая даром красноречия и огромным честолюбием в отсутствие каких-либо твердых убеждений, был влиятельной фигурой как во время революции 1848 года, так и в период Второй империи. Во времена последней был министром внутренних дел, сенатором и министром без портфеля. — *Прим. амер. перев.*]

Вы не сможете помешать г-ну Кремье¹ сказать Законодателю: «Вы обогатили промышленников; вы должны обогатить пролетариат».

Вы не в силах помешать г-ну Наду² сказать законодателю: «Вы не вправе отказывать обездоленным классам в том, что вы сделали для классов привилегированных».

Вы даже не можете помешать вашему лидеру г-ну Мимерелю сказать законодателю: «Я требую субсидию в 25 000 франков для пенсионного фонда рабочих»; а также объяснить свое ходатайство следующим образом.

Разве это первый закон подобного рода, который был принят нашим законодательством? Разве это не ваша доктрина, что государство может поддерживать всё что угодно, брать на себя расходы по научному образованию, субсидировать изобразительные искусства, поддерживать театр, предоставлять и

¹ [Адольф Исаак Моисей Кремье (Adolphe Isaac Molse Cremieux) (1796—1880) — депутат 1842 по 1848 год. Придерживаясь умеренных взглядов, входил в революционные правительства 1848 и 1870—1871 годов в качестве министра юстиции. Будучи одним из самых видных евреев своего времени, обеспечил избирательные права алжирским евреям и основал Всемирный еврейский союз. Во времена Второй империи некоторое время провел в тюрьме за оппозицию Наполеону III. В 1885 г. стал пожизненным сенатором. — *Прим, амер*

² [Мартен Надо (Martin Nadaud) (1815—1898) — французский политик, последователь Кабе. Избранный в 1849 году в Законодательную ассамблею, голосовал с «Mountain», изгнан из страны Наполеоном в 1853 году, вернулся в 1870 году и после этого неоднократно избирался депутатом. — *Прим. амер. перев.]*

Фредерик Бастиа

без того не обделенным судьбой классам высшее образование, самые разнообразные виды развлечений, доступ к искусству, обеспеченность в преклонном возрасте — все это для тех, кто не знает, что значит испытывать нужду, и заставляя тех, кто не имеет ничего, вносить свою долю за те блага, которых они не получают, тогда как вы отказываете им во всем, даже в предметах первой необходимости?

...Господа, наше французское общество, наши обычаи, наши законы созданы так, что вмешательство государства, которое мы можем рассматривать как прискорбный факт, наблюдается повсеместно, так что ничто не выглядит устойчивым, ничто не выглядит долговременным, если только к этому не приложена рука государства. Это государство изготавливает фарфор и гобелены; это государство периодически и за свой счет показывает на выставках изделия наших художников и наших производителей; это государство оплачивает работу тех, кто выращивает наш домашний скот и разводит нашу рыбу. Все это обходится в немалые суммы; еще один налог, который платят все — именно все, вы поймите. И какую непосредственную пользу люди получают от него? Какую непосредственную пользу приносят им ваш фарфор, ваши гобелены, ваши выставки? Я вполне могу понять ваше стремление не поддаваться тому, что вы именуете состоянием избыточного энтузиазма, хотя только вчера вы голосовали за дотацию для льняной отрасли; я могу это понять, но только если вы примете во внимание дух времени и если вы прежде

всего докажете свою беспристрастность. Если и впрямь верно то, что всеми теми способами, которые я только что упомянул, государство до сей поры проявляло более очевидное благоволение нуждам зажиточных классов, нежели нуждам классов менее обеспеченных, то подобным проявлениям фаворитизма необходимо положить конец. Следует ли нам это сделать за счет прекращения производства гобеленов или запрещения наших выставок? Вовсе нет; это следует сделать, предоставив бедным долю непосредственного участия в этом распределении благ¹.

В длинном перечне привилегий, предоставленных немногим за счет всех остальных, обращает на себя внимание та крайняя осмотрительность, которую демонстрирует Мимерель, умалчивая о случаях тарифного фаворитизма, хотя таковые и являют собой наиболее наглядный пример узаконенного грабежа. Все ораторы, которые поддерживали его или возражали ему, проявили не меньшую осторожность. До чего же они предусмотрительны! Возможно, они надеются посредством предоставления бедным доли непосредственного участия в этом распределении благ сохранить в действии то великое беззаконие, за счет которого они извлекают прибыль, но о котором они не говорят вслух.

Они обманывают самих себя. Неужели они думают, что после того как они пошли на частичный грабеж посредством таможенных барьеров, другие классы

¹ *Moniteur*. April 28, 1850.

Фредерик Бастиа

не попытаются с помощью иных способов осуществить уже полномасштабный грабеж?

Разумеется, мне известно, что у вас под рукой всегда находится тот или иной софизм. Вы говорите:

Блага, которые предоставляет нам закон, идут на пользу не промышленнику, а промышленности. Товары, которые он позволяет нам изымать на общем рынке в ущерб потребителям, являются всего лишь вкладами у нас на руках.

Они обогащают нас, это верно; однако наше богатство, поскольку оно позволяет нам расходовать все больше, возвращается, подобно живительной влаге, к рабочему классу¹.

Таков ваш способ изъясняться; и о чем я сожалею, так это о том, что ваши порочные софизмы настолько извратили публичное сознание, что сегодня на них полагаются для оправдания любых процессов узаконенного грабежа. Неимущие классы тоже говорят: *«Позвольте нам законодательным путем завладеть собственностью других. У нас будет больше жизненных благ и удобств; мы будем покупать больше хлеба, больше мяса, больше железных изделий, а то, что мы , через налоги будет возвращаться, подобно благодатному дождю, к капиталистам и землевладельцам».*

Но, как я уже говорил, я не обсуждаю здесь экономические последствия узаконенного грабежа. Когда протекционистам будет угодно, они смогут¹

¹ *Moniteur* of April 28. See the opinion of M. Devinck.

убедиться в моей готовности рассмотреть этот софизм цепных реакций¹, который, помимо того, может быть использован для оправдания любых форм мошенничества и воровства.

Здесь же я предлагаю ограничиться политическими и моральными последствиями обмена, лишённого свободы по предписанию закона.

Я полагаю, пришло время, когда необходимо точно установить, чем сегодня является закон и каким ему должно быть.

Если вы превратите закон в оплот свободы и прав собственности всех граждан и если он является не более чем сводом их личных прав на законную самозащиту, то вы сможете установить на справедливой основе рациональную, простую, экономичную государственную власть, всеми понимаемую, всеми любимую, для всех выгодную, всеми поддерживаемую, наделённую совершенно определённой и весьма ограниченной ответственностью и обладающую непоколебимой устойчивостью.

Если же, напротив, вы превратите закон в орудие грабежа в пользу отдельных лиц, или , то сперва каждый будет рваться в сочинители закона; затем каждый будет стремиться сочинить его для своей собственной выгоды. У дверей в Законодательную палату возникнет столпотворение; ¹

¹ [Неявным образом это опровергнуто в гл. 12 Первой серии и в гл. 4 и 13 Второй серии «Экономических софизмов». — Прим, франц., изд. См.: Бастиа Ф. Экономические софизмы. М.: Экономика, Социум, 2002. С. 73—80; 166—169; 238—249. — Прим, изд.]

Фредерик Бастиа

внутри нее неизбежны непримиримая интеллектуальное замешательство конец всякой ли, вспышки насилия между сторонниками особых и н т е р е с о в , ожесточенные предвыборные, взаимные о б в и н е н и я , встречные подозрительность, зависть и непреодолимая ненависть; общественные силы правопорядка будут поставлены на службу неправомерным хищным вместо того чтобы сдерживать таковые; в голове у каждого будут стерты различия между правдой и ложью, так же как в совести у каждого будут стерты различия между справедливым и несправедливым; на государство будет возложена ответственность за существование каждого гражданина, и оно согнетя под тяжестью подобной ответственности; произойдут политические потрясения, бесплодные революции и возникнут руины, на которых будут испробованы все формы социализма и коммунизма. Так выглядят напасти, к которым неизбежно приведет искажение закона

Таковы, соответственно, бедствия, которым вы, господа протекционисты, расчистили дорогу, используя закон для подавления свободы торговли, а стало быть, и подавления права на собственность. Не осуждайте социализм — ведь это вы помогаете его построить. Не выступайте против коммунизма — ведь это вы помогаете его построить. И после этого вы просите

¹ [Это просто пророчество, которое уже сбылось и продолжает развиваться. Нострадамусу такая точность и детальность и не снились. — Прим. ГВЛ.)

Грабеж и Закон

нас, экономистов, создать для вас теорию, которая встанет на вашу сторону и оправдает вас. Нет уж, увольте! Возьмите этот труд на себя!¹

¹ [В этом ответе протекционистам, писавшимся Бастиа перед самым отъездом в департамент Ландов, автор взял на себя обязательство сформулировать свои взгляды на рациональную область действия законодательства, чувствуя необходимость изложить их более подробно. Он сделал это несколькими днями позже во время короткого пребывания в Мюгроне — написал «Закон». — *Прим, франц. изд.*]

Физиология Грабежа

Зачем изучать эту сухую науку — политическую ЭКОНОМИЮ?

Зачем? Вопрос разумный, потому что всякий труд по существу своему не заключает в себе ничего привлекательного, и каждый имеет право спросить, к чему он ведет.

Постараемся разрешить этот вопрос. Впрочем, я не обращаюсь к тем философам, которые считают своей обязанностью восхвалять бедность, если не во имя себя, то, по крайней мере, во имя человечества.

Я говорю для тех, кого богатство влечет. Под этим словом мы будем разумеать не богатство немногих, а довольство, благосостояние, безопасность, независимость, просвещение и достоинство всех.

Есть только два способа добывать средства, необходимые для сохранения, украшения и улучшения жизни: *производство и грабеж*.

Некоторые, впрочем, говорят, что грабеж есть случайность, местное и преходящее зло, осуждаемое моральной философией, не стоящее внимания политической экономии.

Однако, как бы ни были велики наши снисходительность и оптимизм, необходимо признать, что в мире грабеж практикуется в слишком обширных масштабах и настолько стал частью всех проявлений человеческой жизни, что ни одна общественная наука,

а тем более политическая экономия, не может его игнорировать.

Пойдем далее. Главная причина, препятствующая общественному устройству достигнуть возможного совершенства — это постоянное стремление одних членов общества жить и благоденствовать за счет других.

Если бы грабежа не существовало, общество достигло бы совершенства, а общественные науки лишились бы своего объекта.

Я пойду еще дальше. Когда грабеж становится образом жизни группы людей, совместно живущих в обществе, то со временем они создают легализующую его правовую систему и прославляющий его нравственный кодекс.

Достаточно назвать некоторые самые очевидные виды грабежа, чтобы указать то место, которое он занимает во взаимоотношениях между людьми.

Первый вид составляет война. У диких народов победитель убивает побежденного, чтобы приобрести если не бесспорное, то по крайней мере неоспариваемое право на охоту.

Далее следует рабство. Когда человек начинает понимать, что труд может повысить плодородие земли, он делится со своим собратом таким образом: «труд твой, а урожай мой».

Затем идет теократия. «По тому, как ты даешь мне или отказываешь мне, я отворю тебе врата рая или ада».

И, наконец, монополия. Отличительный характер ее заключается в том, что она позволяет действовать великому закону общества: услуга за услугу, но вводит

Фредерик Бастиа

в переговоры элемент насилия и тем самым нарушает баланс между получаемой и оказываемой услугой.

Грабеж несет в себе зародыш саморазрушения. Редко бывает так, чтобы большинство грабило меньшинство. В таком случае последнее скоро бы обеднело до такой степени, что не могло бы утолить алчность большинства, и грабеж за неимением объекта прекратился бы сам собою.

Почти всегда случается так, что страдает большинство, но тем не менее грабеж всегда обречен на бесславный конец.

Если грабеж использует силу, как в случае войны и рабства, то в долгосрочной перспективе сила всегда оказывается на стороне большинства.

Если же он осуществляется посредством обмана, как в случае теократии и монополии то большинство, естественно, в конце концов разоблачает его, если, конечно, разум что-то значит.

Но есть еще провиденциальный закон, которым обуславливается существование в грабеже второй причины его разрушения: это то, что грабеж, перемещая богатство из одних рук в другие, всегда уничтожает некоторую часть его. Война истребляет большое количество ценностей. Рабство парализует способности. Теократия направляет много энергии к достижению ничтожных или губительных целей. Монополия переводит богатство из одного кармана в другой; но значительная его часть при переходе утрачивается.

Это удивительный закон. При условии равновесия сил поработителей и угнетенных без этого закона

грабеж никогда не прекращался бы. Но в силу этого закона баланс постоянно нарушается, либо потому что сами грабители начинают понимать, что разрушается слишком много богатств, либо, если они этого не понимают, то отношения изменяются уже потому, что зло постоянно усугубляется, а то, что, по самой природе своей, постоянно ухудшается, неизбежно должно когда-нибудь и кончиться.

На самом деле, наступает время, когда растрата богатств, увеличиваясь все более и более, доходит, наконец, до того, что грабитель становится беднее, чем в том случае, если бы он оставался честным человеком.

Именно в таком положении находится, например, народ, которому война обходится дороже, чем добыча; промышленник, который платит за труд рабов больше, чем за труд свободный; теократия, настолько одурманившая народ, что полностью парализовала его энергию; монополия, вынужденная прилагать все больше усилий по мере того, как все меньше остается для нее пищи; точно так же должно увеличиваться усилие и при доении коровы, когда вымя становится пустым.

Монополия, как оказывается, есть только один из видов *грабежа*, и состоит из нескольких подвидов, среди которых — синекуры, привилегии, ограничения торговли.

Некоторые ее формы весьма просты и наивны; таковы были феодальные права. При господстве феодальной системы большинство подвергалось грабежу и знало это. Феодальная система была основана на злоупотреблении силой и пала вместе с ней.

Фредерик Бастиа

Другие формы бывают очень сложны. В таких случаях массы зачастую подвергаются грабежу и даже не подозревают об этом. Иногда случается, что они считают себя еще и обязанными грабежу за все, что у них остается, за то, что отнимается, и за то, наконец, что теряется при переходе собственности из одних рук в другие.

Более того, я готов утверждать, что с течением времени и благодаря силе привычки, появляется много таких грабителей, которые присваивают себе чужую собственность, сами того не подозревая и не желая. Такого рода монополии порождаются обманом и поддерживаются заблуждением. Они исчезают только с появлением света знания.

Все сказанное мною достаточно показывает, что политическая экономия приносит несомненную практическую пользу. Ее можно назвать светилом, которое, обнаруживая обман и уничтожая заблуждение, пресекает общественный беспорядок, называемый грабежом. Не знаю, кто именно, но, кажется, женщина — и она была права — назвала политическую экономию замком, под которым хранится народное богатство.

Объяснение

Если бы этой книжечке было предназначено просуществовать три или четыре тысячи лет, если бы ее постоянно читали, перечитывали, обсуждали, изучали по отдельным предложениям, следили бы в ней за каждым словом, за каждой буквой, из поколения в поколение, как будто она новый Коран; если бы все библиотеки

в мире наполнились посвященными ей горами заметок, объяснений и комментариев, я мог бы еще предоставить воле судьбы изложенные до сих пор мысли, представляющиеся не совсем ясными в их сжатых формах. Но так как для них нужно толкование, то я считаю более благоразумным объяснить их самому.

Свободный обмен услуги на услугу — вот истинный и справедливый закон человеческих отношений. Грабеж состоит в том, что свобода обмена запрещается посредством силы или обмана с целью получить услугу, не оказывая ее взаимно.

Насильственный грабеж происходит следующим образом: дождавшись, когда известное лицо произведет какой-нибудь предмет, его отнимают у производителя силой.

Такой грабеж прямо осуждается заповедью «не укради».

Когда грабеж предпринимает один человек в отношении другого, то это называется воровством и наказывается заключением виновного в тюрьму; если же целый народ обирает другой народ, то это называется *завоеванием* и победитель вознаграждается славой!

Но почему же существует такое различие? Исследуя причину этого явления, мы находим, что над нами господствует непреодолимая власть, а именно — общественное мнение, которое, подобно атмосфере, окутывает нас со всех сторон, так что мы даже и не замечаем его действия.

Руссо никогда не высказывал более верной мысли, как его замечание о том, что необходимо быть глубоким

Фредерик Бастиа

философом, чтобы быть в состоянии наблюдать явления, особенно близкие к нам¹.

Вор, именно потому что он действует один, восстанавливает против себя общественное мнение. Его боятся все. Но если у него есть сообщники, он гордится перед ними своими подвигами, и в этом уже можно наблюдать силу общественного мнения: для вора достаточно одобрения его сообщников, чтобы не только заглушить в нем сознание позорности его поступков, но даже чтобы побудить его гордиться своим бесчестьем.

Воин живет в ином мире. Порицающее его общественное мнение от него далеко, в побежденных народах; он не ощущает его давления. Общественное мнение окружающей его среды одобряет и поддерживает его, он живо чувствует тесную связь со своими сородичами.

Отечеству воина, создавая себе врагов и опасности, необходимо возбуждать отвагу в своих сынах. Храбрейших из них, тех, которые, расширяя пределы родной земли, доставляли ей больше всего добычи, оно награждало почестями, известностью и славой. Поэты воспевали их подвиги, женщины сплетали им венки. В этом проявлялось могущество общественного мнения: оно не соединяло с понятием о грабеже мысли о его несправедливости и заглушало в грабителе даже сознание преступности.

¹ [Это цитата из первой части «Рассуждения о неравенстве» Ж.-Ж. Руссо (J. J. Rousseau) (1712—1778), французского философа. Эта мысль оказала такое сильное впечатление на Бастиа, что в своей работе *Harmonies eco*, он ссылается на нее пять раз. — Прим, франц. изд.]

Общественное мнение, противодействовавшее такому рода грабежу и развивавшееся не у грабившего народа, а у того, который сам подвергался грабежу, не имело значительных последствий. Впрочем, нельзя сказать, чтобы и оно оставалось без последствий. Его значение возрастало по мере того, как народы сближались друг с другом и постепенно привыкали понимать друг друга.

В связи с этим очевидно, что изучение языков и свобода общения между народами оказывали сильное влияние на распространение идей, осуждающих завоевательный грабеж.

К несчастью, нередко народы, страдающие от народа-грабителя, сами не упускают случаев поучаствовать в грабеже и потому бывают проникнуты теми же предрассудками.

В таком случае существует лишь одно средство — время. Необходимо, чтобы народы на печальном опыте убедились в том, что взаимный грабеж обладает огромными недостатками.

Быть может, некоторые укажут на другие средства — например, на распространение нравственных понятий. Но нравственное образование имеет целью развить элемент добродетели в человеческой жизни. Каким же образом нравственное учение может ограничить акты грабежа, если общественное мнение возводит такое посягательство в ранг величайшей добродетели?

Существует ли нравственная сила, более могущественная, чем религия? Существовала ли когда-нибудь

Фредерик Бастиа

религия более покровительствующая миру и более распространенная, чем христианство? А между тем, что происходит на протяжении восемнадцати столетий? Люди ведут войны между собой не только вопреки религиозным учениям, но даже во имя самой религии¹.

Народ-завоеватель не всегда ведет наступательную войну, и для него иногда наступают тяжелые времена. Воины его сражаются тогда за домашний очаг, за собственность и семью, за свободу и независимость. В такое время война принимает характер величия, чего-то священного. В знамени, освященном служителями алтаря, сосредоточивается для народа всё святое на земле: его чтут, как живой образ родины и чести; военная доблесть почитается тогда превыше всех добродетелей. Но опасность проходит, а общественное мнение не меняется, и чувство мщения невольно смешивается с представлениями о патриотизме, народ гордо марширует под сенью дорогого сердцу знамени из одной столицу в другую. Кажется, что природа тем самым наказывает агрессора.

Не увеличение знания, а страх наказания сдерживает стремление к войне, ибо невозможно отрицать, что самые цивилизованные народы готовы вести войну, не заботясь о законах справедливости, если только у них нет причины опасаться возмездия. Лучшим доказательством тому служат дела в Гималаях, Атласских горах, на Кавказе.

Если религия оказалась бессильной, если знание бессильно, то что же может прекратить войну?

¹ [Крестовые походы. — Прим, русск. перев.]

Политическая экономия доказывает, что даже народу-победителю война не предоставляет значительных выгод. Достаточно только, чтобы большинство ясно убедилось в этой истине. Общественное мнение, которое еще колеблется в своем выборе до настоящего времени, всю силу своей склоняется тогда в сторону мира.

Грабеж, производимый насилием, принимает иногда другую форму. Тогда не дожидаются того, чтобы человек что-то произвел, а овладевают самим человеком, лишают его собственной личности и заставляют работать. Ему не говорят тогда: *«Если ты сделаешь для меня это, то я сделаю для тебя вот это»*. Ему говорят: *«работай в поте лица, а я воспользуюсь плодами твоего труда»*. Это рабство, которое всегда подразумевает злоупотребление силой.

Здесь возникает важный вопрос, заложено ли в самой неоспоримо доминирующей мощи то, что ею будут злоупотреблять. Со своей стороны, я ей не доверяю ни в малейшей степени: полагаться на то, что сила будет ограничивать саму себя, всё равно что ожидать, что в падающем камне содержится сила, способная остановить его падение.

Я прошу указать мне страну или эпоху, когда рабство было бы отменено в результате свободных и добровольных действий хозяев.

Рабство представляет собой второй поразительный пример того, что религиозного и человеколюбивого чувства мало еще для борьбы со стремлениями — весьма сильными — личного интереса. Это может

Фредерик Бастиа

показаться грустным явлением для некоторых новых школ, которые в самоотвержении видят принцип, способный преобразовать общество. Они должны сначала изменить природу человека.

На Антильских островах¹ рабовладельцы, с самого учреждения там рабства, исповедуют христианскую религию. Несколько раз в день повторяют они слова: «все люди — братья; в любви к ближнему заключается исполнение христианского закона». А между тем у них есть рабы. Им кажется это совершенно естественным и законным. Но неужели новейшие реформаторы надеются, что их нравственное учение будет также повсеместно принято, также общеизвестно, будет иметь столь же сильный авторитет и укоренится в сердцах людей столь же глубоко, как и Евангелие. Но если Евангелие не смогло проникнуть от уст в сердце, через великую преграду личного интереса, то каким же образом надеются они, что их учение совершит такое чудо?

Но неужели рабство непобедимо? Нет, то, что вызвало его, должно и уничтожить его, т.е. личный интерес, если только частные выгоды, причинившие обществу эту рану, не будут охраняться вопреки интересам общественным, которым и суждено исцелить от нее общество.

В политической экономии доказано, что только свободный труд ведет к развитию, а рабский труд

¹ [Речь идет о двух колониях Франции, вест-индских островах Мартиника и Гваделупа, где рабство существовало в 1848 году или позже. — *Прим. амер. перев.*]

необходимо статичен. Поэтому первый неизбежно вытесняет последний; примером может служить возделывание неграми индиго¹.

Применение свободного труда в производстве сахара приведет к снижению цен на этот продукт. По мере этого понижения невольник будет становиться всё менее и менее прибыльным для своего владельца. Рабство давным-давно исчезло бы в Америке само собой, если бы в Европе законы искусственно не повышали цену на сахар. Поэтому мы видим, что владельцы невольников, их кредиторы и представляющие их законодатели деятельно заботятся о поддержании этих законов, служащих сегодня опорой рабства.

К несчастью, законы эти встречают сочувствие в народах, у которых рабство уже исчезло; из этого видно, что и здесь действует власть общественного мнения.

Если общественное мнение господствует в мире силы, то еще более действенным оно должно быть в мире обмана. По правде сказать, собственно в этой области и находится его царство. Обман есть злоупотребление интеллектом; с другой стороны, интеллектуальные прорывы человечества делают общественное мнение более просвещенным. По крайней мере, природа обеих этих сил одинакова. Обман со стороны грабителя обуславливается доверчивостью того, кто подвергается грабежу, а противоядием от легковерия может

¹ [Более эффективные (и гуманные) методы производства в Индии привели к резкому падению производства индиго посредством рабского труда в Вест-Индии. — *Прим. амер. перев.*]

Фредерик Бастиа

служить только истина, отсюда следует, что распространять просвещение значит лишать этот род грабежа пищи.

Сделаем краткий обзор некоторых видов грабежа посредством обмана, осуществляемых в крупных масштабах.

Первым идет грабеж посредством теократического обмана.

В чем он заключается? Он побуждает людей отдавать реальные услуги в виде пищи, одежды, предметов роскоши, престижа, влияния и власти в обмен на воображаемые услуги.

Если я говорю человеку: «Я предоставлю тебе услугу немедленно», — то должен сдержать свое слово, в противном случае очень скоро человек все поймет и мой обман будет быстро разоблачен.

Но предположим, я говорю ему: «В обмен на твои услуги я предоставлю тебе огромное количество услуг, но не здесь, а в мире ином. Будешь ли ты в жизни вечной счастлив или несчастен, зависит только от меня. Я посредник между Богом и человеком и могу открыть тебе врата либо рая, либо ада». Если человек мне верит, то он полностью в моей власти.

Этот вид мошенничества существует с незапамятных времен. Хорошо известно, какую власть с его помощью сконцентрировали в своих руках египетские жрецы.

Как действуют мошенники, понять легко. Достаточно задать себе вопрос, а что бы вы сами сделали на их месте.

Если, вынашивая подобные замыслы, я оказался бы среди невежественных людей и мне удалось бы с помощью необычных и на первый взгляд чудесных действий представить себя сверхъестественным существом, то я бы заявил, что являюсь посланником Бога, который наделил меня властью полностью управлять судьбами людей.

Затем я должен был бы запретить проверку моих заявлений. Более того, поскольку разум был бы самым опасным моим врагом, я должен был бы запретить им пользоваться, по крайней мере в отношении этого опасного для меня предмета. Мне необходимо было бы наложить табу, как говорят дикари, на все, что связано с этим вопросом. Отвечать на него, спрашивать о нем, даже думать об этом стало бы непросительным преступлением.

Безусловно, наложение табу в качестве барьера, преграждающего путь любым интеллектуальным усилиям, ведущим к обнаружению моего мошенничества, было бы верхом изобретательности. Объявить малейшее сомнение святотатством — что может быть лучшей гарантией от разоблачения?

Однако эту фундаментальную гарантию я должен был бы дополнить несколькими вспомогательными. К примеру, чтобы знание никогда не проникло в массы, я должен был бы предоставить себе и своим сообщникам монополию на все науки и скрыть их под покровом мертвого языка и иероглифического алфавита, а чтобы никакая опасность никогда не застигла бы меня врасплох, я должен был бы придумать некий институт, который

Фредерик Бастиа

позволил бы мне проникать среди бела дня в тайники сознания каждого человека.

Не было бы ошибкой с моей стороны удовлетворять и некоторые реальные потребности моего народа, особенно если от этого повышались бы мое влияние и авторитет. Например, люди испытывают большую потребность в образовании и морали, и я могу сделать себя источником того и другого. Тем самым я по своему желанию могу направлять умы и сердца моего народа. Мне необходимо было бы установить неразрывную связь между нравственностью и моим авторитетом, заявив о невозможности существования одного без другого, так что если кто-либо осмелится поставить под сомнение табуированный вопрос, то все общество (которое не может существовать без морали) испытает невероятные потрясения и обрушит весь свой гнев на безрассудного реформатора.

Если мне это удастся, то люди будут мне принадлежать в большей степени, чем если бы они были просто моими рабами. Рабы проклинаят оковы, мой народ бы их благословлял. Тем самым я выжег бы клеймо рабства не на их лбу, а в их сердцах и сознании.

Разрушить это величественное здание несправедливости под силу лишь общественному мнению, но откуда оно возьмется, если каждый кирпич этого здания объявлен табу. Это дело времени и печатного станка.

Бог запрещает мне искать доказательства, подрывающие утешительную веру в то, что эта полная страданий жизнь является прелюдией будущей счастливой жизни! Но никто, даже сам папа римский, не сможет

отрицать, что неодолимое томление, заставляющее нас принять эту веру, бесстыдно эксплуатируется. Мне кажется, есть один признак, по которому можно судить, стали ли люди жертвой подобного обмана. Проанализируйте религию и поведение священников и посмотрите, являются ли священники орудием религии или же религия используется священниками в качестве орудия.

Если священник является орудием религии, если его единственной мыслью является распространение повсюду нравственных принципов и их благотворных последствий, то он будет благородным, терпимым, скромным, милосердным и ревностным, его жизнь будет напоминать божественный образец, он будет проповедовать свободу и равенство людей, мир и братство между народами, он будет сопротивляться искушениям мирской власти, поскольку не желает иметь никаких связей с тем, что больше всего на свете нуждается в ограничении, он будет человеком из народа, добрым советчиком, нежным утешителем, человеком, мнение которого уважают, и человеком, послушным Евангелию.

Если, наоборот, религия является орудием священника, то он будет относиться к ней, как инструменту, который можно по-разному поворачивать в своих личных целях, лишь бы получить с его помощью наибольшие выгоды для себя. Он будет умножать число запретных тем, подгонять свои нравственные принципы под изменяющиеся времена, людей и обстоятельства. Он будет запугивать простой народ заученными жестами и позами, бормотать слова, которые давным-

Фредерик Бастиа

давно потеряли всякий смысл и стали бессодержательными условностями. Он будет торговать реликвиями, но так, чтобы не пошатнуть веру людей в их святость, он будет заботиться о том, чтобы чем более проницательными становились люди, тем менее очевидным для них было его торгашество. Он участвовал бы во всемирных интригах и всегда принимал бы сторону тех, кто находится у власти, при одном условии: чтобы и они принимали его сторону. Короче говоря, все его действия показывали бы, что его цель не успехи религии посредством клира, а успехи клира посредством религии. А поскольку столько усилий направлено на эту цель, а эта цель, согласно нашему предположению, не может быть не чем иным, как властью и богатством, решающим доказательством того, что люди стали жертвой обмана, является богатство и могущество священника.

Очевидно, что можно злоупотреблять как истинной религией, так и ложной. Чем более достоин уважения авторитет религии, тем больше опасность, что он может быть использован ненадлежащим образом. Однако последствия этого различны. Злоупотребление такого рода влиянием всегда оскорбляет здравую, просвещенную, полагающуюся на свои силы часть населения. Их вера не может не пошатнуться, а ослабление истинной религии намного прискорбнее, чем полный крах религии ложной.

Степень распространённости этого способа грабежа обратно пропорциональна проницательности людей, так как в силу своей природы злоупотребления распространяются настолько широко, насколько им

позволяют. Это не означает, что невежественный народ не может иметь благородных священников-подвижников, но что может помещать подлецу надеть сутану и стремиться к митре? Популяция грабителей подчиняется закону Мальтуса: их число увеличивается с увеличением средств к существованию, а средства к существованию подлецов — это доверчивость их жертв. Как бы усердно вы ни искали, вы не найдете замены просвещенному общественному мнению. Это единственное лекарство.

Один из видов грабежа, производимого посредством обмана, называется *коммерческим*, но это название, как мне кажется, охватывает слишком узкий круг понятий, потому что к этому виду посягательства на чужую собственность можно отнести не только купца, фальсифицирующего товар или прибегающего к фальшивым мере и весу, но и врача-шарлатана, адвоката, запутывающего процесс, и т.д. Каждый из них предлагает в обмен на действительную ценность услугу дурного качества; но так как здесь услуга принимается всегда добровольно, то ясно, что грабеж такого рода должен уменьшаться по мере увеличения информированности людей.

Затем следуют злоупотребления в области услуг, оказываемых правительством, предоставляющие настолько огромное поле для грабежа, что мы можем бросить на него только самый беглый взгляд.

Если бы Бог создал человека существом необщественным, то каждый трудился бы только для себя. Богатство отдельного человека возрастало бы

Фредерик Бастиа

соразмерно количеству услуг, которые он оказывал бы сам себе.

Но так как *человек — существо*, то отсюда возникает обмен одних услуг на другие — при желании части этого утверждения можно поменять местами.

В обществе существуют потребности до того общие, до того повсеместные, что члены общества для удовлетворения их прибегают к *услугам правительства*. Такова, например, потребность в безопасности. Люди соглашаются платить налоги, чтобы таким образом вознаграждать — разного рода услугами — тех, кто оказывает услуги по обеспечению общей безопасности.

Это соглашение не противоречит принципу обмена, сформулированному политической экономией: сделай для меня это, а я сделаю для тебя другое. Сущность сделки не изменилась, отличается лишь способ оплаты, и это обстоятельство имеет большое значение.

В обычных частных сделках каждый человек сам судит о пользе услуги, им получаемой, и той, которую он оказывает. Он всегда может или отказаться от обмена, или произвести его в другом месте, а отсюда проистекает необходимость предлагать на рынке только такие услуги, которые могут быть приняты добровольно.

Это не так, когда речь идет о государстве, особенно до учреждения представительного правления. Независимо от того, имеем ли мы нужду в услугах такого рода или нет, независимо от их качества, нам необходимо принимать их в том виде, в каком их предлагает государство, и платить за них ту цену, которое оно назначит.

Но все люди склонны преувеличивать оказываемые ими услуги и преуменьшать услуги, получаемые в обмен, и это привело бы к хаосу, если бы частные сделки не удостоверялись достигаемой в процессе переговоров ценой. Но такого удостоверения не существует, или почти не существует, в наших сделках с правительством.

А между тем государство, в конечном итоге состоящее из отдельных лиц (хотя в настоящее время стараются доказать противное), подчиняется этому универсальному стремлению. Оно всегда желает оказывать нам много услуг, больше, чем нам от него требуется, и пытается заставить нас принять за истинную услугу то, что иногда и не похоже на нее. И это делается с целью требовать от нас, в свою очередь, услуг в виде налогов.

Государство также подчиняется закону Мальтуса: оно расширяется пропорционально имеющимся средствам, поддерживающим его существование, и склонно проживать больше, чем имеет, а существование его в конечном счете поддерживается народным достоянием. Горе народам, не умеющим ограничить надлежащим образом сферу деятельности государства! У них мало-помалу исчезнет частная предприимчивость, а вместе с ней и богатство, благосостояние, независимость, сознание собственного достоинства.

В доказательство наших Слов заметим только, что из всех услуг, требуемых нами от государства, главной является обеспечение безопасности.

Чтобы обеспечить нас в этом отношении, необходимо иметь такую силу, которая была бы способна

Фредерик Бастиа

побеждать все частные или объединенные силы, внутренние и внешние, могущие нарушить эту безопасность. Наличие такой силы при существовании в людях фатальной склонности жить за счет других создает очевидную опасность.

Посмотрите, в каких громадных размерах на всем протяжении истории практикуется грабеж посредством злоупотребления правительственной силой и ее избыточностью. Вспомните, какие услуги оказывало народу и каких услуг требовало правительство в Ассирии, Вавилоне, Египте, Риме, Персии, Турции, Китае, России, Англии, Испании и Франции. Какая страшная, поражающая воображение несоразмерность постоянно существовала между тем и другим в каждом случае!

Наконец, было учреждено представительное правление, и можно было надеяться, что все это прекратится как по волшебству.

Правление такого типа основано на следующем принципе: «народ сам посредством своих представителей будет определять сущность и объем деятельности, которую он найдет необходимым отнести к числу правительственных услуг, а также размер вознаграждения за эти услуги».

Таким образом, стремление присвоить чужое имущество и стремление защищать собственность были поставлены одно против другого. Можно было предполагать, что второе пересилит первое.

Конечно, я убежден в том, что в долгосрочной перспективе представительное правление добьется

успеха, но необходимо признать, что пока этого не произошло.

Почему? По двум простым причинам: правительства бывают весьма проницательны, а масса малоопытна.

Первые отличаются особым умением вести дела. Они действуют методично, последовательно, по хорошо продуманному плану, постепенно совершенствуемому традицией и опытом. Они изучают характер людей и их страсти. Если, например, они заметят, что народ имеет склонность к войне, то стараются еще больше подогреть эту губительную страсть. Посредством дипломатии они окружают народ опасностями, а потом, как и следует ожидать, требуют от него войск, арсеналов, крепостей. Хотя зачастую они даже могут не утруждать себя подобными требованиями, ибо все, что они желают иметь, им предлагается и так. Они только должны распределять должности, пенсии, продвижение по службе. Все это требует больших денег. Соответственно, они вводят налоги и размещают займы.

Если народ отличается великодушием, правительство предлагает излечить все болезни человечества. Ему обещают возродить торговлю, привести в цветущее состояние земледелие, развить фабричную промышленность, покровительствовать литературе и искусствам, искоренять бедность и пр., и пр. Все, что нужно — это создать дополнительно несколько новых государственных учреждений и содержать новых чиновников.

Одним словом, тактика здесь состоит в том, чтобы представить в виде действительных услуг то, что

Фредерик Бастиа

на самом деле не что иное, как ограничение. В результате, народ платит не за то, что ему оказывают услуги, а за то, что его лишают возможности получать услуги. Правительство, достигая гигантских масштабов, начинает наконец поглощать половину национального дохода. А народ между тем удивляется, что его уровень жизни не повышается, хотя он много работает и постоянно слышит о создании новых полезных учреждений, которые должны умножить до бесконечности количество получаемого им дохода.

Все это происходит оттого, что если правительство демонстрирует все, на что способно, то в народе еще мало распространены ясные понятия о нуждах и потребностях. Поэтому, когда его призывают избрать тех, кому должна быть доверена правительственная власть, тех, кто будет определять сферу действий правительства и размер вознаграждения за выполнение этих функций, кого выбирает народ? Правительственных чиновников. Люди вверяют самой исполнительной власти право определять границы своей собственной деятельности и формулировать предъявляемые к ней требования. Они действуют как герой Мольера, который в выборе фасона и количества костюмов полагался на своего портного.

Между тем, положение дел становится все хуже, и наконец, народ начинает обращать внимание не на средства к исправлению зла (он не так скоро доходит до этого), но только на существование зла.

Править так приятно, что всякий стремится приобрести власть. Соответственно, никогда не бывает

недостатка в демагогах, которые постоянно говорят народу: мы видим твои страдания и сожалеем о тебе. Если бы мы управляли тобой, то дела пошли бы иначе.

Этот период, обычно довольно продолжительный по времени, характеризуется восстаниями и вторжениями. Если страна подвергается завоеванию, то военные расходы добавляются к налоговому бремени. В стране-завоевателе правительство переходит в другие руки, и злоупотребления продолжают.

Этот период продолжается до тех пор, пока народ не научится наконец сам распознавать свои истинные выгоды. С какой бы стороны мы ни рассматривали этот вопрос, мы всегда приходим к одному и тому же заключению: единственное лекарство — поступательное просвещение общественного мнения.

Некоторые народы, по-видимому, особенно предрасположены к тому, чтобы делаться жертвой грабежа со стороны правительства, а именно те из них, которые, нисколько не заботясь о собственном достоинстве и не имея никакой энергии, считают себя обреченными на погибель, если каждым его шагом не управляют в мельчайших деталях.

Путешествуя не очень много, я видел, однако, страны, где думают, что земледелие не может сделать никаких успехов, если правительство не будет содержать за свой счет образцовых ферм; что лошади скоро вовсе исчезнут, если не будет принадлежащих правительству конных заводов; что отцы не будут воспитывать детей или станут внушать им безнравственные

Фредерик Бастиа

правила, если правительство не решит, чему следует учить, не укажет им программы и пр., и пр.

В таких странах революции могут следовать одна за другой, одно правительство будет сменяться другим, но народом все равно будут править по усмотрению и милости правителя (ибо склонность, которую я в настоящий момент обсуждаю, это именно тот строительный материал, из которого состоит правительство); и все это будет продолжаться до тех пор, пока, наконец, народ не убедится в том, что гораздо выгоднее относить возможно большее число услуг к разряду тех, которые обмениваются заинтересованными сторонами и по ценам, устанавливаемым в свободных переговорах.

Мы видели, что общество основано на обмене услугами; эти услуги должны быть хорошего качества и честны. Но мы показали также, что люди находят выгоду и потому непреодолимо стремятся к преувеличению относительной ценности оказываемых ими услуг. И я не вижу иного способа ограничить это претензии, кроме как предоставив каждому человеку возможность свободно принимать или отказываться от предлагаемых ему услуг.

Именно поэтому некоторые люди прибегают к силе закона с целью ограничить естественное право других людей пользоваться этой свободой в полной мере.

Этот род грабежа называется привилегией или монополией. Посмотрим, каковы его происхождение и основные свойства.

Каждому известно, что услуги, предлагаемые им на рынке, будут цениться и вознаграждаться пропорционально их редкости. Поэтому каждый будет стремиться к тому, чтобы закон не допускал на рынок всех тех людей, которые могут предложить подобные же услуги, или, если для оказания услуги необходимо определенное средство производства, он станет просить, чтобы ему законом было предоставлено исключительное право им пользоваться¹.

Так как этот вид грабежа составляет главный предмет настоящего труда, то я упомяну о нем здесь вскользь и ограничусь одним только замечанием. Когда монополия существует в единичных случаях, то она обогащает того, кого закон одарил этой привилегией. Может случиться, однако, что все классы производителей, вместо того чтобы стремиться к уничтожению монополий вообще, будут требовать для себя подобных же монополий.

Тем самым грабеж возводится в систему, вводящую в заблуждение всех поголовно, так что в конечном итоге каждый думает, что извлекает с рынка больше, тогда как доля каждого на этом рынке сократилась.

Нет надобности добавлять, что эта странная система сеет раздор не только между всеми классами народа и его сословиями, но и между народами; что она требует постоянного, но всегда непредсказуемого,

* [Разграничение подлинных монополий и того, что называется естественными монополиями сопровождающее анализ теории ценности Адама Смита, ср.: *Harmonies* , ch. V, n. 2. — Прим, франц. изд.]

Фредерик Бастиа

вмешательства со стороны правительства; что поэтому она изобилует злоупотреблениями, составляющими предмет предыдущего раздела; что она ставит все отрасли промышленности в неустойчивое положение, избежать которого нет никакой возможности; и, наконец, что она приучает людей в деле обеспечения себя средствами к существованию полагаться на закон, а не на себя. Трудно представить более побудительные поводы к общественным смутам*.

Оправдание

Быть может, скажут: «зачем употреблять слово грабеж? Оно грубо, оно оскорбляет, раздражает и восстанавливает против нас людей спокойных и умеренных; именно оно вызывает отторжение». На это я отвечаю во всеуслышание, что я не касаюсь личностей, что я верю в искренность всех сторонников протекционизма и не считаю себя вправе сомневаться в их личной честности, в благородстве чувств и человеколюбии кого бы то ни было. Но я повторяю еще раз, что покровительство губительно и что оно есть плод заблуждения, жертвами и виновниками которого могут назваться все или по крайней мере огромное большинство людей. Вещи таковы, каковы они есть, и я ничего не в силах изменить.

Вообразите себе, положим, Диогена, который, высунув голову из бочки, говорит: «Афиняне, вам служат

¹ [Вскоре автор заметил активизацию этого источника конфликтов в обществе и объявил ему войну. См.: памфлет *Государство*. — *Прим, франц. изд.*]

рабы; но подумали ли вы о том, что вы тем самым совершаете несправедливость и грабите ваших братьев?»

Или представьте себе трибуна, который выступает в форуме с такой речью: «Римляне, ваши средства существования основаны на последовательном грабеже всех народов».

Конечно, оба они высказали бы в этих словах неопровержимую истину; но можно ли было бы заключить отсюда, что все жители Афин и Рима были бесчестными, что Сократ и Платон, Катон и Цинциннат были личностями, не достойными уважения?

У кого могла бы явиться подобная мысль? Несомненно, однако же, то, что эти великие люди жили в среде, которая затемняла в них сознание несправедливости. Известно, что Аристотель не мог даже представить себе, что общество могло существовать без рабов.

Рабство существует еще и в наши времена, и совесть не упрекает плантаторов, владеющих рабами. Целые армии служили также орудием великих завоеваний, или, иными словами, великого грабежа. Но разве это значит, что в них не было множества солдат и офицеров, отличавшихся такой личной порядочностью побуждений, какую редко встретишь в промышленном классе, людей, которых вогнала бы в краску одна только мысль о воровстве, которые предпочли бы скорее подвергнуться тысяче опасностей, нежели унизиться до чего-нибудь бесчестного?

Я порицаю не отдельных лиц, а общую тенденцию общественного мнения, увлекающую и ослепляющую их, тенденцию, в которой виновно все общество.

Фредерик Бастиа

То же самое думаю я и о монополиях. Я обвиняю систему, а не отдельных лиц — общество в целом, а не конкретно кого-то из его членов. Если величайшие философы могли заблуждаться и не видеть несправедливости рабства, то насколько легче земледельцам и промышленникам обманываться относительно сущности и последствий протекционизма.

Грабёж под видом субсидий

Эту небольшую книжечку о софизмах¹ находят слишком отвлеченной, ученой и философской. Хорошо; попробуем заговорить языком простым, обыкновенным и, если нужно, даже грубым.

Убежденный в том, что защитники покровительственной системы только обманывают общество, я пытался доказать это, обращаясь к разуму. Но общество предпочитает, чтобы ему кричали о том во всеуслышание.

Ну, что же, станем кричать:

— Мидас, царь Мидас, у тебя ослиные уши!²

На самом деле, иногда минута вспыльчивости производит несравненно лучшее действие, чем самые убедительные вежливые речи.

Помните, как тяжело было мизантропу, несмотря на его презрение к человечеству, говорить Оронту о его глупости.

Альцест: ...желанья всем читать творенья эти /
Способны выставить творца в печальном свете.

Оронт: Ужели этим вы хотите намекнуть, /
Что мне рассчитывать не следует...

¹ [Бастиа Ф. Экономические софизмы. Челябинск: Социум, 2005.]

² [Мидас, царь Фригии в 738—696 гг. до н.э. Согласно греческому мифу, невежественный и самоуверенный Мидас присудил первенство в музыкальном состязании Апполона с Паном последнему; в наказание за это Апполон наделил Мидаса ослиными ушами. — *Прим*, мзд.]

Фредерик Бастиа

Альцест: Отнюдь.

Оронт: Так плохо я пишу? И это ваше мнение?

Альцест: Нисколько! Но...

Оронт: Но относительно сонета самого?

Альцест: Он годен лишь на то, чтоб выбросить его!¹

Откровенно говоря, публика, тебя обкрадывают. Это выражение грубо, но оно понятно.

Слова «грабеж», «грабить», «грабитель» многим из нас покажутся не совсем приличными. Но я предложу им тот же вопрос, который Гарпагон задал Элизе: что пугает вас — слово или дело?²

«Кто похитил обманом вещь, ему не принадлежащую, виновен в грабеже» (Уголовный Кодекс, ст. 379).

Грабить значит брать хитростью или силой (Французский академический словарь).

Грабитель — тот, кто вымогает себе больше, чем ему следует (там же).

Но разве монополист, который посредством сочиненного им же самим закона обязывает меня платить ему 20 франков за то, что я могу купить в другом

¹ [Сцена из пьесы Ж. - Б. Мольера «Мизантроп», в которой Альцест, мизантроп, пытается сказать Оронту, глупому дворянину, что сонет Оронта бездарен. Проблема в том, что честный и прямой Альцест жестко ограничен рамками строгих правил поведения и речи. Однако, будучи сторонником откровенности, в конце концов он не выдерживает и раздражается последней строкой. — *Прим. амер. персе.*]

² [В пьесе Ж.-Б. Мольера «Скупой» Гарпагон, скупой, задает этот вопрос своей дочери Элизе относительно брака: «Что тебя так испугало: слово или самый брак?» — *Прим. амер. перев.*]

Грабеж под видом субсидий

месте за 15 франков, не похищает ли у меня обманом 5 франков, мне принадлежащих?

Разве он не берет хитростью или силой? Не вымогает ли он больше того, чем ему следует?

Да, скажете вы мне, он похищает, берет, вымогает, но не хитростью и не силой, что составляет существенный признак грабежа.

Если налоги, которые мы платим, увеличиваются на 5 франков оттого, что их должен взять себе монополист, разве нет в этом хитрости, поскольку мало кто из нас об этом подозревает? А тех, кто не дает себя обмануть, разве не силой заставляют платить: при первом же признаке отказа кого-нибудь из нас уплатить этот налог, на пороге появляется судебный пристав.

Но пусть монополисты не переживают на этот счет. Грабеж посредством субсидии или пошлины, хотя и нарушает справедливость точно так же, как грабеж на большой дороге, не является нарушением закона. Наоборот, они совершаются посредством закона, что делает их только хуже, но у судей претензий не возникает.

Впрочем, волей или неволей, мы все в этом случае или грабители, или ограбленные. Автор этой книги, покупая что-нибудь, имеет все основания крикнуть: «Держи вора!». Но то же самое могут крикнуть в его адрес, когда он продает¹. Если между ним и его

¹ Владея полем, доходом с которого он живет, автор принадлежит к числу *покровительствуемых*. Это обстоятельство должно обезоружить критику. Оно показывает, что если он и употребляет сильные выражения, то их нужно отнести к предметам, а не к намерениям людей.

Фредерик Бастиа

согражданами существует большое различие, то оно состоит только в том, что он знает, что в этой игре он больше проигрывает, нежели выигрывает, они же не знают этого; если бы это было известно всем, то игра давно бы прекратилась.

Я нисколько не стараюсь приписать себе того, что я первый называю вещи своими именами. Прошло уже более 60 лет с того времени, как Смит сказал то же самое: «Когда собираются промышленники, нужно ожидать, что они непременно составят заговор против карманов покупателей»¹.

А что тут удивительного, если общество не обращает на это никакого внимания. Но, как нам известно, промышленники имеют свои официальные заседания, под именем Генеральных советов. Что же делается и что решается в этих советах? Вот в самом кратком изложении протокол одного из таких заседаний.

Судовладелец. Наш флот в отчаянном положении (*взрыв возмущения*). Это неудивительно, потому что нельзя строить корабли без железа. На мировом рынке его можно было бы купить по 10 франков. Но по закону французский заводчик вынуждает меня платить 15 франков. Таким образом, я плачу ему лишние 5 франков. Я требую свободы покупать там, где мне заблагорассудится.

Хозяин металлургического завода. На мировом рынке я могу найти людей, которые будут перевозить

¹ [Смит А. *Исследование о природе и причинах богатства народов*. Кн. I. Гл. X. Ч. 2. — *Прим. амер. перев.*]

Грабеж под видом субсидий

мою продукцию за 20 франков. Основываясь на законе, судовладелец вымогает с меня за перевозку того же груза 30 франков — значит, он берет с меня лишних 10 франков. Он меня грабит, а я граблю его, никто из нас не в убытке.

Политик. Заключение судовладельца весьма неблагоразумно. Не станем расторгать трогательного союза, составляющего всю нашу силу; если мы вычеркнем хотя бы одну букву из теории покровительства, тогда рухнет вся теория.

Судовладелец. Но нам покровительство не приносит пользы; повторяю, что наш коммерческий флот в упадке.

Моряк. Ну, так увеличим пошлину, и пусть судовладелец вместо 30 франков берет за фрахт 40 франков.

Министр. Правительство, конечно, будет и дальше развивать превосходную систему импортных пошлин; но я боюсь, что этого все-таки будет недостаточно¹.

Чиновник. Господа, вы зашли в тупик из-за такого пустяка! Разве нет другого средства для спасения,

¹ Вот подлинный текст: «Я еще раз упомяну таможенные законы от 9-го и 11-го числа минувшего июня, имеющие целью поощрить навигацию посредством увеличения пошлин на многие товары, ввозимые на судах под иностранным флагом. Наши таможенные законы, как вы знаете, все направлены к этой цели и мало-помалу импортная пошлина в 10 франков, установленная законом 28 апреля и во многих случаях оказывающаяся недостаточной, исчезает и уступает место... покровительству более сильному и более соответствующему относительной дороговизне перевозки на наших судах». (Речь, которой г-н Кюнен-Гриден открыл заседание 15 декабря 1845 г.). Выражение «...исчезает» поистине прекрасно!

Фредерик Бастиа

кроме повышения тарифа? Вы, верно, забываете про налоги? Потребитель щедр, но и не менее щедр и налогоплательщик. Повысим налог и удовлетворим судовладельцев. Я предлагаю увеличить общественные сборы настолько, чтобы можно было выдавать из полученного излишка 5 франков субсидии всякому судовладельцу за каждый центнер использованного им для постройки судна железа.

Разные г о л о с а . Поддерживайте, поддерживайте это предложение!

Земледелец. Я требую по 3 франка субсидии на каждый гектолитр зерна!

Текстильный фабрикант. Я требую по 2 франка субсидии на каждый метр полотна! И т.д., и т.п.

Председатель. Итак, решено. Мы устанавливаем систему субсидий, и это навсегда прославит наше сегодняшнее заседание. Теперь ни один промышленник не будет иметь убытков, потому что у нас есть два простых и верных средства обращать убытки в прибыль: тариф и субсидия. Заседание окончено.

Как будто сверхъестественное видение указало мне на появление субсидии в будущем. Кто знает, может быть, именно я и внушил мысль г-ну Дюпену, когда несколько месяцев тому назад написал следующие слова: «Мне кажется очевидным, что покровительство можно было бы, не изменяя его сущности и последствий, заменить прямым налогом, который взимался бы государством и распределялся в виде субсидий между привилегированными отраслями промышленности путем возмещения убытков».

Грабеж под видом субсидий

И далее, сделав сравнение между покровительственной пошлиной и субсидией, я говорил: «Признаюсь откровенно, я отдаю предпочтение второму способу. Он кажется мне более справедливым, более экономичным и честным. Более справедливым потому, что если общество желает делать подарки некоторым из своих членов, то необходимо, чтобы все принимали в этом участие. Более экономичным потому, что таким способом значительно сократятся расходы по взиманию налога и будет ликвидировано много препятствий. Наконец, более честным потому, что общество будет ясно видеть суть операции и будет знать, что его заставляют делать»¹.

Давайте рассмотрим эту систему грабежа под видом субсидии. То, что можно сказать о нем, применимо и к грабежу посредством тарифа. Так как этот последний способ замаскирован лучше первого, то исследование прямой карманной кражи поможет нам лучше понять систему косвенной карманной кражи. Тем самым мы будем двигаться от простого к сложному.

Но нет ли еще более простого вида грабежа? Конечно, есть, например, грабеж на большой дороге. Его только следует узаконить и монополизировать, или, как сейчас выражаются, организовать.

Вот что я прочитал недавно в рассказе одного путешественника: «Когда мы приехали в королевство А..., все отрасли промышленности говорили, что находятся в отчаянном положении. Земледельцы жаловались

Фредерик Бастиа

на свою судьбу, фабриканты чуть ли не плакали, купцы роптали, судовладельцы ворчали, и правительство не знало, кого из них слушать. Сначала думало оно обложить налогом всех недовольных и потом раздать полученные с них же деньги, удержав из них в свою пользу некоторую часть; это было бы что-то вроде лотереи, которая столь популярна в нашей любезной Испании. Вас, положим, тысяча человек, государство берет от каждого по одному пиастру, потом кладет в свой карман 250 пиастров и распределяет остальные 750 пиастров более или менее значительными долями между играющими. Честный идалго, получивший три четверти пиастра, забывая, что отдал целый пиастр, не помнит себя от радости и бежит скорее в кабак пропить 15 реалов¹. Нечто подобное происходит и во Франции. Несмотря, однако же, на всю нецивилизованность описываемой нами страны, правительство не могло совершенно положиться на глупость ее населения, чтобы предложить им столь странное покровительство, и в конце концов был принят следующий план.

Государство было покрыто сетью дорог; правительство велело их измерить и расставить верстовые столбы, а затем обратилось к земледельцам: «Всё, что вы можете наgrabить у путешественников на участке дороги между таким-то и таким-то верстовыми столбами, будет принадлежать вам. Пусть это будет для вас премией, покровительством, поощрением». Потом

¹ [1 пиастр равнялся 20 реалам. — Прим. амер. перев.]

Грабеж под видом субсидий

оно определило для каждого фабриканта, для каждого судовладельца известную часть дороги, которой они могли пользоваться согласно следующей формуле:

Доно тибѣ и уступлено
Добродетель и могущество
Ворован ди,
Грабинди,
Присваиванди,
Мошенничанди
И жульничанди
Безнаказанно по всем местам
Viam¹.

Жители королевства А... в настоящее время до такой степени свыклись с этой системой, до того привыкли считать только то, что они крадут сами, не обращая внимание на то, что крадут у них, так привыкли смотреть на грабеж с точки зрения грабителей, что считают валовой национальной прибылью сумму всех частных краж и не желают отказываться от такой системы покровительства, без которой, по их мнению, не может существовать ни одна промышленность.

¹ [Верный своему обещанию сменить стиль, Бастиа здесь пародирует пародию Ж.-Б. Мольера на формулу присуждения степени доктора медицины в комедии «Мнимый больной». Мольер пишет на ломанной латыни: Доно тибѣ право клинициста,/Санкциям и разрешениям/на всякого рода лечениям;/Медиканди,/Пурганди,/Кровопусканди,/Вскриванди,/Резанди,/Секанди,/И убиwandи,/Безнаказанно всяким манером/По всему миру. — *Прим, франц.,. изд.]*

Фредерик Бастиа

Вам трудно в это поверить. Невозможно, говорите вы, чтобы целый народ видел приращение богатства в том, что жители крадут друг у друга.

А почему, собственно? Ведь у нас во Франции господствует такое же убеждение, и мы с каждым днем все более и более развиваем и совершенствуем систему взаимного грабежа под именем субсидий и покровительственных тарифов.

Будем говорить без преувеличений. Согласимся, в том, что касается методов взимания налога и других сопутствующих обстоятельств, система, принятая в королевстве А..., может быть, хуже нашей; но в то же время мы должны признать, что в отношении основного принципа и необходимых последствий этих двух видов грабежа, установленных законом для увеличения прибыли различных отраслей промышленности, между ними нет решительно никакого различия.

Заметьте, что если грабеж на большой дороге представляет некоторые неудобства в исполнении, то, с другой стороны, он имеет и некоторые удобства, которых мы не находим в грабеже посредством тарифа. Например, в первом случае можно поровну разделить выручку между всеми производителями.

В случае таможенных пошлин этого сделать нельзя. Посредством тарифа нельзя покровительствовать определенным классам общества, таким, как ремесленники, купцы, литераторы, гражданские и военные чиновники, рабочие и т.д.

Правда, что грабеж под видом субсидии позволяет эффективно делить выручку, и в этом отношении

Грабеж под видом субсидий

он не уступает грабежу на большой дороге; но, с другой стороны, он влечет за собой такие странные и нелепые последствия, что жители королевства А... могли бы лишь посмеяться над ним. То, чего лишается ограбленный на большой дороге, приобретается грабителем. Украденный предмет по крайней мере остается в стране. Но при господстве грабежа под видом субсидии то, что пошлина отнимает у французов, достается иногда китайцам, готтентотам, кафрам, англичанам, и вот каким образом: кусок сукна стоит, положим, 100 франков в Бордо; его нельзя продать дешевле, без убытка; невозможно также продать его и дороже, потому что этому мешает конкуренция между купцами. При таких обстоятельствах, если это сукно пожелает купить француз, то он должен или заплатить 100 франков, или обойтись без сукна. Но в случае если покупателем будет англичанин, правительство говорит купцу: «Продай сукно, а я тебе заплачу 20 франков из собранных налогов». Купец, не требуя и не имея возможности получить за сукно более 100 франков, уступает его англичанину за 80 франков. Эта сумма вместе с 20 франками, полученными посредством субсидии, составляет ровно столько, сколько необходимо ему для сведения баланса без убытков. Это равносильно тому, как если бы налогоплательщики сами отдали 20 франков англичанину при условии, что он купит французское сукно со скидкой в 20 франков, т.е. на 20 франков дешевле издержек производства или того, что стоит сукно самим французам. Следовательно, грабеж под видом субсидии имеет ту особенность,

Фредерик Бастиа

что жертвы грабежа живут в стране, где оно допускается, а грабители рассеяны по всему земному шару.

Живительно, что до сих пор считают непреложной истиной, что все, что человек крадет из общего фонда, составляет общий выигрыш.

Вечный двигатель, философский камень, квадратура круга давно перестали занимать человеческий разум, а теория прогресса посредством грабежа все еще в почете. Между тем априори можно было бы предположить, что из всех ребяческих затей эта самая недолговечная.

Некоторые спрашивают меня: вы, значит, защитник политики *laissez passer*? Вы экономист отжившей свой век школы Смита и Сэя? Вы отвергаете организацию труда? Организовывайте труд сколько вам угодно, господа, мы будем только следить за тем, чтобы вы не организовали грабежа.

Другие — и число их гораздо значительнее — повторяют: «Субсидии, тариф — все это зашло слишком далеко. Надо пользоваться ими с умом, а не злоупотреблять ими. Разумная степень свободы, соединенная с умеренным покровительством — вот чего требуют люди серьезные и прагматичные. Будем остерегаться безусловных принципов».

Если верить испанскому путешественнику, то именно эти слова он услышал в королевстве А...: «Грабеж на большой дороге, — говорили умнейшие люди этой страны, — не хорош, не плох сам по себе; все зависит от обстоятельств. Необходимо лишь все точно сбалансировать и хорошо платить нам, прави-

Грабеж под видом субсидий

тельственным чиновникам, за труд по балансированию. Может быть, грабежу предоставлено слишком много свободы, а может быть, и слишком мало. Рассмотрим и сведем счета каждого работника. Тем, кто получает незначительные выгоды, мы предоставим в пользование немного больше дороги. У тех же, кто получает слишком много, мы уменьшим число часов, дней или месяцев грабежа».

Люди, рассуждавшие таким образом, приобрели большую известность умеренностью, благоразумием и мудростью суждений. Они всегда достигали высших должностей в государстве.

Что же касается тех, которые говорили: «Будем преследовать всякую несправедливость и искореним ее до основания; не будем терпеть никакого грабежа, ибо не существует ни полграбежа, ни четверть грабежа», — они прослыли теоретиками, несносными мечтателями, беспрестанно повторявшими одно и то же. Кроме того, народ находил их суждения весьма понятными для себя. Но как же считать истинным то, что так просто?

Сборщик налогов

Плак Боном — винодел; *Ляруш* — сборщик налогов.

Л. Вы заготовили двадцать бочек вина?

Ж. Да, благодаря своим трудам и заботам.

— Потрудитесь отдать мне шесть бочек, и притом самых лучших.

— Как? Шесть бочек из двадцати? Боже мой! Вы хотите разорить меня. А позвольте узнать, для чего вам нужны эти бочки?

— Первая бочка пойдет на уплату государственного долга. У кого есть долги, тот обязан платить по крайней мере хоть проценты.

— Куда же делся занятый капитал?

— Это слишком долго рассказывать. Часть его пошла на приготовление зарядов, которые надымили-таки на славу. Другая — на жалованье тем, кто давал себя калечить в чужой стране, прежде чем опустошил ее. А потом, когда эти расходы привели к вторжению к нам наших друзей-врагов, они не захотели покидать нашу страну, не взяв денег, которые и пришлось занять.

— Ну а какую же имею я теперь выгоду от этого?

— Возможность сказать себе: «как я горжусь тем, что я француз, когда гляжу на триумфальную колонну»¹.

¹ [Слова из популярной песни неизвестного автора. Речь идет о Вандомской колонне, стоящей в центре Парижа, изготовленной из меди пушек, захваченных Наполеоном в сражении под Аустерлицем в 1805 году — *Прим. амер. перев.*]

— И чувствовать унижение, что оставляешь своим наследникам землю, обремененную вечным долгом. Ну что же делать? Приходится платить свои долги, как бы безрассудно ни растратили их. Хорошо, отложим одну бочку. Но куда же пойдут остальные пять?

— Еще одна бочка нужна на вознаграждение государственных чиновников, на покрытие расходов главы государства, на содержание судей, восстанавливающих ваше право на земли, которые хочет присвоить себе сосед ваш; жандармов, которые охотятся за ворами и разбойниками в то время, когда вы спокойно почиваете; рабочих, ремонтирующих дороги, ведущие в город; священников, которые крестят ваших детей; наставников, которые их учат и воспитывают, и, наконец, вашего покорного слуги, потому что и он не станет же даром работать.

— Итак, услуга за услугу? На это нечего возражать. Положим, что я лучше бы сам сговорился со священником и школьным учителем, но не стану настаивать на этом. Так и быть, берите и вторую бочку. Но до шести бочек еще далеко.

— Не думаете ли вы, что двух бочек много за ваше участие в расходах по содержанию армии и флота?

— Увы! Это, пожалуй, и не много в сравнении с тем, чего они стоили мне, отняв у меня двоих нежно любимых сыновей.

— Это совершенно необходимо, чтобы поддерживать равновесие сил в Европе.

— Ах, боже мой! Равновесие осталось бы то же, если бы везде уменьшили эти силы наполовину или

Фредерик Бастиа

на три четверти. Но тогда мы сохранили бы наших детей и наши доходы. Для этого необходимо лишь взаимное понимание.

— Но именно этого-то и не хватает!

— К великому моему изумлению, ведь все страдают от этого.

— А ты сам в этом виноват, Жак Боном.

— Вы шутите, г-н сборщик; разве я имею голос в собрании?

— А кого избрали вы вашим депутатом?

— Храброго генерала, который скоро будет маршалом, если Богу угодно будет продлить его жизнь.

— А на чей счет живет этот храбрый генерал?

— На счет моих бочек, как мне кажется.

— А что случилось бы с ним, если бы он подал голос за сокращение армии и вашего участия в ее содержании?

— Вместо того чтобы сделаться маршалом, он получил бы отставку.

— Понимаете ли вы теперь, что вы сами...

— Перейдем, пожалуйста, к пятой бочке.

— Эта бочка отправится в Алжир!

— В Алжир? А еще уверяют, что все мусульмане отличаются трезвостью, варвары эдакие! Я не раз сам задавал себе такой вопрос: потому ли они не знают медака\ что они басурмане, или, что еще вероятнее, потому они и басурмане, что не знают медака? Но какую же услугу оказывают они мне взамен этой амброзии, стоившей мне таких больших трудов?

[Медок (Medoc) — красное бордосское вино. — *Прим, изд.*]

— Никакой, к тому же ваша бочка предназначается не столько мусульманам, сколько истинным христианам, которые постоянно живут в Берберии.

— Но что же они там делают, что могло бы быть полезно мне?

— Совершают набеги и в свою очередь страдают от них; убивают других и дают убивать себя; наживают дизентерии и возвращаются домой лечиться; устраивают пристани, прокладывают дороги, строят деревни и заселяют их мальтийцами, итальянцами, испанцами и швейцарцами, живущими на счет вашей и многих других бочек, за которыми я еще приду к вам.

— Помилосердуйте! Уж это слишком! Я наотрез отказываюсь отдать вам эту бочку. Всякого винодела, делающего такие глупости, в пору было бы отправить в Бисетр\ в богадельню. О, Боже! Прокладывать дороги в Атласских горах^{1 2}, когда я не могу отсюда тронуться с места! Строить гавани в Берберии, когда Гаронна день ото дня все больше мелеет! Отнять у меня моих любимых детей для того, чтобы мучить кабиллов³! Заставлять меня платить за дома, посева, лошадей, которых отдают грекам и мальтийцам, когда вокруг нас столько бедняков!

¹ [Бисетр (Vicetre) — богадельня и дом умалишенных в нескольких километрах от Парижа по дороге в Фонтенбло. — *Прим, русск. прев.*]

² [Атласские горы (Атлас) — на северо-западе Африки на территории Марокко, Алжира и Туниса. — *Прим, изд.*]

[Народ группы берберов, населяющий Алжир и Тунис. — *Прим, изд.*]

Фредерик Бастиа

— Бедняков? Да от них-то, от этих лишних людей, и стараются освободить страну.

— Благодарю покорно! Выпроваживать их в Алжир на капитал, который дал бы им возможность жить и здесь!

— Кроме того, вы закладываете там фундамент великой империи, несете цивилизацию в Африку и покрываете бессмертной славой ваше отечество.

— Вы поэт, г-н сборщик, а я простой винодел и отказываю вам в этой бочке.

— Подумайте хорошенько о том, что через несколько тысяч лет вы вернете ваши затраты сторицей. Так говорят все, кто руководит этим делом.

— А пока они берут на покрытие издержек сначала одну большую бочку вина, затем две, три и вот в конце концов я обложен налогом в одну тонну! Я настаиваю на своем отказе.

— Теперь уже поздно упрямитесь: ваш доверенный установил для вас сбор в одну тонну, или в четыре больших бочки.

— Да, что правда, то правда! Проклятая слабость! Мне самому казалось, что я поступал неблагоприятно, когда вверял ему свои полномочия, ибо что могло быть общего между армейским генералом и бедным виноделом?

— Но общее между вами — это, как вы сами видите, вино, потому что вы добываете его, а он распоряжается им от вашего имени.

— Смейтесь надо мной, г-н сборщик, я заслуживаю этого. Но все-таки будьте рассудительны и

оставьте мне, по крайней мере, эту шестую бочку. Ведь проценты по государственному долгу уплачены, расходы на содержание главы государства покрыты, содержание государственных чиновников обеспечено, война в Африке может продолжаться. Чего же вам еще надо?

— Со мной не торгуются. Вам следовало раньше сообщить генералу о ваших намерениях. Теперь же он уже распорядился вашим урожаем винограда.

— Будь он проклят! Но что же, наконец, вы хотите сделать с моей бедной бочкой вина, украшением моего подвала? Попробуйте-ка это вино: как оно мягко, вкусно, густо, бархатисто!..

— Да, прекрасно! Восхитительно! Как оно пригодится г-ну Д., фабриканту сукон!

— Г-ну Д., фабриканту? Что вы этим хотите сказать?

— То, что он извлечет из него большую выгоду.

— Как? Что такое? Черт побери, если я что-нибудь понимаю!

— Разве вы не знаете, что г-н Д. основал превосходное предприятие, весьма полезное для страны, но которое в итоге ежегодно приносит только значительный убыток?

— Всем сердцем я жалею его. Но я-то тут при чем?

— Законодательное собрание пришло к заключению, что если это будет продолжаться, то г-н Д. будет вынужден или лучше работать, или закрыть свое заведение.

— Да что же общего между ошибками г-на Д. и моей бочкой?

Фредерик Бастиа

— Законодатели решили, что если они дадут г-ну Д. немного вина, взятого у вас в подвале, несколько гектолитров зерна у ваших соседей, несколько су из жалования рабочих, то его убытки превратятся в доходы.

— Рецепт столь же безошибочен, сколь и остроумен. Но, черт возьми, он страшно несправедлив. Как? Г-н Д. покроет свои убытки за счет моего вина?

— Нет, не за счет вина собственно, а за счет его цены. Это то, что называется поощрительной субсидией. Вы выглядите удивленным! Разве вы не видите, какую важную услугу оказываете отечеству?

— Вы хотите сказать — г-ну Д.?

— Нет, именно отечеству. Г-н Д. уверяет, что его бизнес будет процветать благодаря этому порядку, а следовательно, и страна станет богаче. Недавно он говорил об этом в Законодательном собрании, где состоит депутатом.

— Какой ловкий обман! Как? Какой-нибудь неумеха затеет глупое предприятие, растратит свой капитал и, если сумеет отобрать у меня достаточное количество вина или зерна, чтобы покрыть свои убытки, в этом видят выигрыш для всей страны?!

— Так рассудил ваш уполномоченный; вам не остается теперь ничего другого, как выдать мне шесть бочек вина и продать как можно выгоднее остальные четырнадцать.

— Ну, это мое дело.

— Да, но будет очень обидно, если вы не продаете их по высокой цене.

— Я сам позабочусь об этом.

— Ведь найдется еще много нужд, на которые понадобятся эти деньги.

— Знаю, знаю это, милостивый государь!

— Во-первых, если вы купите железо для починки ваших заступов и сох, то по закону заплатите за него кузнецу вдвое против того, что оно стоит.

-А! Да это же почище Шварцвальда!..¹

— Потом, если вам нужно купить масло, мясо, полотно, каменный уголь, шерсть, сахар, то каждый продавец на основании того же закона поставит вам их в счет вдвое дороже.

— Но ведь это гадко, ужасно, отвратительно!

— К чему эти жалобы? Вы сами через вашего представителя...

— Да оставьте меня в покое с моим представителем. Я сделал странный выбор, это правда. Но в следующий раз я не попадусь, я выберу в свои представители простого и честного крестьянина.

— О нет, вы опять выберете бравого генерала.

— Как?! Я опять выберу генерала, чтобы раздали мое вино каким-то африканцам и фабрикантам?

— Да, вы опять выберете его, я говорю вам это.

— Ну уж это слишком. Я не выберу его, если не захочу.

— Но вы захотите и непременно выберете.

¹ [Шварцвальд — покрытый лесами горный массив на юго-западе Германии. С неосторожных и доверчивых путешественников там часто требовали дань. — *Прим. амер. перев.*]

Фредерик Бастиа

— Пускай попробует, он увидит, с кем имеет дело.

— Посмотрим. А пока прощайте. Я увожу ваши шесть бочек и распределю их, как решил ваш генерал.